

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

2021 | 16+

ISSN 2713-1688 (print)

ISSN 2713-1696 (online)

ЭТНИЧЕСКАЯ **КУЛЬТУРА**

Международный научный журнал
Том 3 № 3

ETHNIC
CULTURE

International academic journal
Vol. 3 № 3

Этническая культура

Международный научный журнал

Том 3, № 3 | 2021

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомить со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

- Этнография, этнология и антропология
- Языки народов мира
- Фольклористика
- Этнокультурные проблемы образования
- Обзоры и рецензии

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация

Арестова Вероника Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация

ПЕРЕВОДЧИК:

Фомин Михаил Юрьевич

КОРРЕКТОР:

Миронова Людмила Сергеевна

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Миронова Людмила Сергеевна

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Журавлева Евгения Александровна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой РГП на ПВХ «Евразийский национальный университет им. П.Н. Гумилёва»

Июнятов Сулайман Иноятович, д-р ист. наук, профессор

Бухарского государственного университета (Узбекистан),

академик АН Турик, академик МАНГО

Салмин Антон Кириллович, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, член Диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при МАЭ РАН,

заслуженный деятель науки Чувашской Республики

Соевов Мурадгельди, д-р филол. наук, профессор, действительный член – академик Академии наук Туркменистана, внештатный научный консультант Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкулы Академии наук Туркменистана (г. Ашхабад), член Союза писателей СССР, член Специализированного научного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Академии наук Туркменистана по филологии, культорологии и искусствоведению

Стрелец Михаил Васильевич, д-р ист. наук, профессор УО «Брестский государственный технический университет», член Совета К 02.14.03 при Гродненском государственном университете имени Янки Купалы

Хамирова Марфа Азизовна, д-р искусствоведения, профессор Государственной консерватории Узбекистана, член Союза театральных деятелей Узбекистана, академик Академии художеств Республики Казахстан

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Артеменко Ольга Ивановна, канд. биол. наук, член-корреспондент РАЕН, доцент, руководитель Центра этнокультурной стратегии развития образования ФГБУ «Федеральный институт развития образования»

Аргабкина Ирина Валентиновна, д-р пед. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова»

Бушуева Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, доцент

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»

Минкультуры Чувашии, старший научный сотрудник БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Минобразования Чувашии, заслуженный работник культуры ЧР

Гордеева Татьяна Юрьевна, д-р культурологии, доцент ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры»

Жерносенко Ирина Александровна, д-р филос. наук, доцент, профессор РАЕН, проректор ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры»

Иванова Алена Михайловна, д-р филол. наук, заведующая кафедрой, декан

факультета ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова»

Кузнецова Людмила Васильевна, д-р пед. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковleva»

Кульчар Валерия, канд. ист. наук, доцент кафедры археологии

Университета Сеgeда

Куцаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник

ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук»

Лобачевская Ольга Александровна, д-р искусствоведения, профессор

Белорусского государственного университета культуры и искусств

Луутонен Иорма, д-р филос. наук, доцент, научный сотрудник

Университета г. Турку

Масанори Гото, д-р гуманитарных наук, профессор, научный сотрудник

Хоккайдского университета

Мухтарова Шакира Мухаюшевна, д-р пед. наук, профессор Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова

Паныкин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», действительный член

Академии педагогических и социальных наук, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, член-корреспондент Международной академии менеджмента, заслуженный деятель науки Республики Калмыкия

Сайдашева Земфира Нурумхаметовна, д-р искусствоведения, профессор

Казанской государственной консерватории им. Н.Жиганова

Сафина Лиляна Михайловна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой

ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»

Спиридонова Анастасия Александровна, канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова»

Султанбаева Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Капанова»

Таймасов Леонид Александрович, д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Терехов Павел Петрович, д-р пед. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры»

Тихонова Анна Юрьевна, канд. пед. наук, д-р культурологии ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н.Ульянова»

Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

заслуженный работник образования Республики Марий Эл

Хайрудинов Мухиддин Айшдинович, д-р пед. наук, профессор

ГБОУ ДПО РК «Крымский Республиканский институт постдипломного

педагогического образования»

Хрисанова Елена Геннадьевна, заведующая кафедрой педагогики, психологии и философии, доктор педагогических наук, профессор ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковleva»

Цаплагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник

ФГБУН Орбита Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им.

Н.Н.Миклюха-Маклая

Шкалина Галина Евгеньевна, д-р культурологии, профессор, заведующая

кафедрой ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

Яниогло Мария Александровна, д-р пед. наук, доцент Комратского

государственного университета

Наименование органа, зарегистрировавшего издание

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года
(Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-76946 от 09 октября 2019 г.)

DOI

10.31483/a-10295

Год основания

2019

Периодичность

4 раза в год

Учредители журнала

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии;

ООО «Издательский дом «Среда»

Издатель журнала

ООО «Издательский дом «Среда»

Адрес редакции и издателя

428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12

Сайт

<https://journalec.com>

E-mail

info@journalec.com

Телефон

+7 (8352) 655-731

Подписка и распространение

Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com. Свободная цена.

Типография

Студия печати «Максимум», 428023, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047

Печать цифровая. Бумага мелованная. Формат 60×84 %. Усл. печ. л. 6,51. Заказ К-878. Тираж 100 экз.

Подписано в печать

29.09.2021

Дата выхода в свет

30.09.2021

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Vol. 3 No. 3 | 2021

"Ethnic Culture" is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

- Ethnography, Ethnology and Anthropology
- Languages of the Nations of the World
- Folklore Studies
- Ethno-Cultural Problems of Education
- Reviews and Peer-Reviews

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philosophical sciences, associate professor, rector of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Edvard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Veronika Yu. Arrestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Edvard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

TRANSLATOR:

Mikhail Yu. Fomin

PROOF-READER:

Lyudmila S. Mironova

COMPUTER LAYOUT:

Lyudmila S. Mironova

EDITORIAL COUNCIL:

Evgenia A. Zhuravleva, doctor of philological sciences, professor, head of chair at RGP na PVKh "Ervaziskii natsional'nyi universitet im. L.N. Gumileva"

Sulaymon I. Inoyatov, doctor of historical sciences, professor at Bukhara State University (Uzbekistan), academician at Turon Academy of sciences, academician at "International Teacher's Training Academy of Science"

Anton K. Salmin, doctor of historical sciences, leading research scientist Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstкамера) of Russian Academy of Sciences, Member of dissertation committee on defence of doctoral and candidate thesis at Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS, Honoured Scientist of the Chuvash Republic

Muradgeldi Soegov, doctor of philological sciences, professor, full member – academician of the Academy of Sciences of Turkmenistan, visiting research adviser at Makhtumkul Institute of Language, Literature and National Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan (Ashgabat), member of the Union of Writers of the USSR, member of the Specialized doctoral and candidate dissertation advisory academic committee at the Academy of Sciences of Turkmenistan of Philology, Cultural Studies and Art History

Mikhail V. Strelets, doctor of historical sciences, professor UO "Brestskii gosudarstvennyi tekhnicheskiy universitet", Member Yanka Kupala State University of Grodno K 02.14.03 council

Marfa A. Khamidova, doctor of art history, professor at The State Conservatory of Uzbekistan, member of the Union of Theater Professionals of Uzbekistan, academician at Kazakh National Academy of Arts

EDITORIAL BOARD:

Olga I. Artemenko, candidate of biological sciences, corresponding member of RANS, associate professor, head of Center for ethnocultural strategy of education development FSBI "Federal Institute of education development"

Irina V. Aryabkina, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Ilya Ulyanov State Pedagogical University"

Lyubov I. Bushueva, candidate of art history, associate professor of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, senior research fellow BSI "Chuvash State Institute of Humanities" of the Ministry of Education of the Chuvash Republic, Honored worker of culture of the Chuvash Republic

Tatyana Y. Gordeeva, doctor of cultural studies, associate professor of FSBEI of HE "Kazan State Institute of Culture"

Irina A. Zhernosenko, doctor of philosophical sciences, aqssociate professor, professor of Russian Academy of Science, vice-rector of FSBEI of HE "Altai State Institute of Culture"

Aleena M. Ivanova, doctor of philological sciences, head of the department, dean of the faculty of FSBEI of HE "I.N. Ulyanov Chuvash State University"

Lyudmila V. Kuznetsova, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Chuvash State Pedagogical University named I.Y. Yakovlev"

Valéria Kulcsár, candidate of historical sciences, associate professor of Archaeology Department of University of Szeged

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of FPFIS "Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences"

Olga A. Lobachevskaya, doctor of art history, professor of The Belarusan State University of Culture and Arts

Jorma Luutonen, doctor of philosophical sciences, associate professor, research fellow of University of Turku

Goto Masanori, doctor of humanities, professor, research fellow of Hokkaido University

Shakira M. Muhtarova, doctor of pedagogical sciences, professor of Karaganda State University named after academician E.A. Bukelev

Arkadij B. Parkin, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov", full member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, corresponding member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, corresponding member of the International Academy of Management, honored scientist of the Republic of Kalmykia

Zemfira N. Sajdasheva, doctor of art history, professor of FSBEI of HE "Kazan State Conservatoire named after N. Zhigano"

Liliana M. Safina, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of FSBEI of HE "Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)"

Anastasiya A. Spiridonova, candidate of pedagogical sciences, associate professor of FSBEI of HE "Ilya Ulyanov State Pedagogical University"

Klavdiya I. Sultanbaeva, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "N.F. Katanov Khakas State University"

Leonid A. Taimasov, doctor of historical sciences, professor at FSBEI of HE "I.N. Ulyanov Chuvash State University"

Pavel P. Terekhov, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Kazan State Institute of Culture"

Anna Y. Tihonova, candidate of pedagogical sciences, doctor of cultural studies of FSBEI of HE "Ilya Ulyanov State Pedagogical University"

Svetlana N. Fedorova, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Mari State University", honoured educator of the Mary-El Republic

Muhiddin A. Hajruddinov, doctor of pedagogical sciences, professor of SBEI of the Republic of Crimea "Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education"

Elena G. Hrisanova, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Chuvash State Pedagogical University named I.Y. Yakovlev"

Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of FPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N.N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)"

Galina E. Shkalina, doctor of art history, professor, head of the department of FSBEI of HE "Mari State University"

Mariya A. Yanioglo, doctor of pedagogical sciences, associate professor of State University of Comrat

Authority registered

Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (The certificate of printed edition registration: ПИ №ФС77-76946 of 9 October 2019)

DOI

10.31483/a-10295

Year of Foundation

2019

Publication Frequency

Quarterly

Founders

BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic; LLC "Publishing house "Sreda"

Publisher

LLC "Publishing house "Sreda"

Postal address

75 Grazhdanskaya St., off 12, Cheboksary, 428023, Russian Federation

Web-site

<https://journalec.com>

E-mail

info@journalec.com

Tel.

+7 (8352) 655-731

Subscription and distribution

The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com

Printing House

Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Coated paper. Format 60×84 %. Conditional printed pages 6,51. Order K-878. Circulation 100 copies.

Signed in the print

29 September 2021

Date of publication

30 September 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	5
-------------------	---

Этнография, этнология и антропология

<i>Скворцов А.И.</i> Сакральная природа белого камня в храмовом строительстве Андрея Боголюбского.....	6
<i>Соегов М.</i> О знаменитостях первых десятилетий XX века, носивших нехарактерные для туркмен фамилии с окончаниями -ский и -ская: Мамед-хан Текинский	10
<i>Тумур-Очир С.</i> Развитие современного монгольского искусства: на примере современной монгольской живописи конца XX – начала XXI вв.....	15

Языки народов мира

<i>Гоголева М.Т., Тутукарова Л.С.</i> Лексикосемантические параллели якутской и теленгитской фольклорной прозы	20
<i>Ерина Т.Н., Фомин Э.В.</i> Речь чебоксарцев в оценке приезжих – 2	24
<i>Тагирова Ф.И.</i> Языкознание Урало-Поволжья в лицах: Халиль Ачыкгёз.....	27

Этнокультурные проблемы образования

<i>Камаева М.П.</i> К проблеме этнонационального воспитания студентов творческого вуза	32
<i>Николаева Т.Н.</i> Этнокультурный компонент содержания образования в межкультурном контексте	37

Персоналия: художник и народ

<i>Самоделова Е.А.</i> Полет человека в творчестве Ефима Честнякова как этнокультурный проект: технические и нравственные основы.....	40
---	----

Обзоры и рецензии

<i>Муканова Г.К.</i> Рецензия на: Абусеитова М.Х. Казахское ханство. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020. – 344 с.....	51
<i>Семёнова И.П.</i> Неизвестные рецензии на «Словарь чувашского языка» Н.И. Ашмарина	54

CONTENTS

From the editor-in-chief.....	5
-------------------------------	---

Ethnography, Ethnology and Anthropology

<i>Alexandr I. Skvortsov.</i> The Sacred Nature of White Stone in the Temple Construction of Andrey Bogolyubsky.....	6
<i>Myratgeldi Soyegov.</i> About the Celebrities of the First Decades of the XX-th Century Carrying Uncharacteristic for the Turkmens of the Surname with Indicators -sky and -skaja: the Mamed-Khan Tekinsky	10
<i>Selenge Tumur-ochir.</i> The Development of Modern Art in Mongolia: On the Example of Mongolian Modern Painting of the Late Twentieth and Early Twenty-First enturies	15

Languages of the Nations of the World

<i>Marina T. Gogoleva, Lyudmila S. Tutukarova.</i> Lexical and Semantic Parallels of Yakut and Telengit Folklore Prose.	20
<i>Tamara N. Erina, Eduard V. Fomin.</i> Visitors' View on the Dialect of Cheboksary – 2	24
<i>Feride I. Tagirova.</i> Persons in Linguistics of the Ural-Volga Region: Halil Açıköz.	27

Ethno-Cultural Problems of Education

<i>Marina P. Kamaeva.</i> On the Problem of Ethno-National Education of Artschool	32
<i>Tatyana N. Nikolaeva.</i> Ethnocultural Component of Content of Education in Intercultural Context.....	37

Personalia: Artist and Ethnicity

<i>Elena A. Samodelova.</i> The Flight of a Man in the Work of Efim Chestnyakov as an Ethnocultural Project: Technical and Moral Foundations.....	40
---	----

Reviews and Peer-Reviews

<i>Gulnar K. Mukanova.</i> Review: Abuseitova M.Kh. (2020). Kazakh Khanate, 344.....	51
<i>Irina P. Semenova.</i> Previously Unknown Reviews of the "Thesaurus of the Chuvash Language" by N.I. Ashmarin	54

Дорогие авторы и читатели!

Очередной выпуск журнала «Этническая культура» охватывает широкий круг тем. В числе авторов – представители самых разных этнических культур – монгольской, якутской, казахской, туркменской, чувашской, русской и др. Статьи этого номера объединяют общее направление исследований – взаимосвязь культур. Главная идея номера – общее и особенное в процессах коммуникации этносов: с одной стороны – взаимовлияние этнических общностей и взаимообогащение их языков и уклада жизни, а с другой – стремление сохранить собственную уникальность.

В рубрике «Этнография, этнология и антропология» представлена статья Мурадгелди Соегова, академика Академии наук Туркменистана, где приводятся результаты биографического исследования представителя туркменской нации во взаимосвязи с культурой азербайджанского, армянского, русского и др. народов.

На наш взгляд, интересной является проблема взаимоотношений людей искусства и общества, представленная в рубрике «Художник и народ». В статье доктора филологических наук, старшего научного сотрудника Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук Е.А. Самоделовой анализируется творчество Е.В. Честнякова, чья жизнь и деятельность не только тесно связаны с русской народной культурой, но и обусловлены ею.

Редакция и редколлегия выражают искреннюю благодарность всем внешним экспертам журнала «Этническая культура», которые поделились своим профессиональным мнением о публикуемых материалах. Мы намерены продолжать творческое сотрудничество с ними и будем последовательно выполнять главную миссию журнала – развитие плодотворного диалога, обмен опытом в области искусства, культуры, науки и образования для представителей различных этносов. Приглашаем всех заинтересованных авторов и читателей к сотрудничеству.

Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желаю авторам и читателям крепкого здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов на поприще науки!

С искренними пожеланиями

Баскакова Н.И.,

ректор Чувашского государственного института культуры и искусств,
кандидат философских наук

Dear authors and readers!

The latest issue of the academic journal “Ethnic culture” covers a wide array of subjects. The list of authors is rich with the representatives of different ethnic cultures: Mongolian, Yakut, Kazakh, Turkmen, Chuvash, Russian etc. The articles of the present issue are connected with mutual field of researches, interrelation on cultures. The main idea of the issue is “common and peculiar in the process of ethnic communication”. On one hand there is interinfluence of ethnic community and their mutual enrichment of the languages and the way of life, and on the other hand, the desire to preserve their own uniqueness.

The “Ethnography, Ethnology and Anthropology” section presents the article of Muradgeldi Sogoev, academician of the Academy of Sciences of Turkmenistan, which offers the results of the biographical research on a representative of Turkmen nation in interconnection with the cultures of Azerbaijani, Armenian, Russian et al.

In our view the problem of interrelation of people of art and society, presented in “Personalia: Artist and Ethnicity” section is quite interesting. The article of doctor of philological sciences, senior research fellow at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS) Elena A. Samodelova analyzes E.V. Chestnyakov’s creative work whose life and activity not only connected with the Russian culture but also driven by it.

The editorial and editorial board express their sincere gratitude to all external experts of the academic journal “Ethnic culture”, who shared their professional opinion about the published materials. We intend to continue creative cooperation with them and will consistently fulfill the main mission of the academic journal – the development of an effective dialogue, exchange of experience in the fields of art, culture, science and education for representatives of various ethnic groups. We welcome each and every interested author and reader to our cooperation.

The editorial board, research team and management of the Chuvash state Institute of culture and arts wish authors and readers good health, prosperity and further creative success in the fields of science!

Sincere wishes

Natalia I. Baskakova,

rector of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
candidate of philosophical sciences

Сакральная природа белого камня в храмовом строительстве Андрея Боголюбского

DOI 10.31483/r-98924

УДК 7.03

Скворцов А.И.

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»,
Владимир, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0001-7061-660X>, e-mail: ai_skvortsov@mail.ru

Резюме: В статье рассматриваются практически не затронутые наукой вопросы внезапного возникновения в середине XII века на северо-востоке Руси, во Владимирском княжестве, белокаменного строительства. Цель исследования – выявить наиболее вероятные источники, повлиявшие на процесс зарождения и формирования уникального стиля владимиро-суздальской архитектуры времени правления Андрея Боголюбского (1157–1177). Методы исследования сводились не только к анализу ветхозаветных текстов, с которыми великий владимирский князь был хорошо знаком и восхищался их героями при строительстве своих белокаменных храмов, но и к выявлению своеобразия сложившейся обстановки, отдельных фактов деятельности князя и склада его характера, ставшими активным стимулом к внедрению в строительство вместо кирпича белого камня, принятого для Андрея Боголюбского сакральный характер. Результат исследования сводится к следующему: во-первых, символика белого цвета, почерпнутая из библейских заветов единосущного Бога, стала лейтмотивом для архитектурных творений владимирского князя; во-вторых, воспринятые ветхозаветные строительные традиции стимулировали рост самобытных форм владимиро-суздальского белокаменного зодчества, не имеющих близких аналогий во всем ареале сопредельных стран. В свете сегодняшней включенности белокаменных построек во Всемирное культурное наследие ЮНЕСКО поставленный аспект их изучения не только вносит научную новизну в уже сложившееся толкование, но и влечет переосмысление практической направленности реставрационно-восстановительных работ по ним.

Ключевые слова: белокаменное строительство, Андрей Боголюбский, ветхозаветные истоки, природа происхождения.

Для цитирования: Скворцов А.И. Сакральная природа белого камня в храмовом строительстве Андрея Боголюбского // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, № 3. – С. 6-9. DOI:10.31483/r-98924.

The Sacred Nature of White Stone in the Temple Construction of Andrey Bogolyubsky

Alexandr I. Skvortsov

FSBEI of HE "Vladimir State University",
Vladimir, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0001-7061-660X>, e-mail: ai_skvortsov@mail.ru

Abstract: The article deals with the issues of the sudden appearance of white-stone construction in the middle of the XII century in the North-East of Russia, in the Vladimir Principality, which are practically not affected by science. The purpose of the study is to identify the most likely sources that influenced the process of origin and formation of the unique style of Vladimir-Suzdal architecture during the reign of Andrei Bogolyubsky (1157–1177). The research methods were reduced not only to the analysis of the Old Testament texts, with which the Great Vladimir Prince was well acquainted and admired their heroes during the construction of his white-stone churches, but also to the identification of the peculiarity of the current situation, individual facts of the prince's activity and the nature of his character, which became an active incentive to the introduction of white stone instead of bricks, which took a sacred character for Andrei Bogolyubsky. The result of the study is as follows: first, the symbolism of the white color, drawn from the biblical testaments of the consubstantial God, became the leitmotif for the architectural creations of the Vladimir prince; second, the perceived Old Testament building traditions stimulated the growth of original forms of Vladimir-Suzdal white stone architecture, which have no close analogies in the entire area of neighboring countries. In the light of the current inclusion of white stone buildings in the UNESCO World Cultural Heritage, the aspect of their study not only brings scientific novelty to the already established interpretation, but also entails a rethinking of the practical orientation of restoration and restoration work on them.

Keywords: white stone construction, Andrey Bogolyubsky, Old Testament origins, nature of origin.

For citation: Skvortsov A.I. (2021). The Sacred Nature of White Stone in the Temple Construction of Andrey Bogolyubsky. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(3), 6-9. (in Russ.). DOI:10.31483/r-98924.

Введение

Отметим вначале, что Андрей Боголюбский (ок. 1111–1174), о котором далее пойдет речь, личность неординарная во всех отношениях. Это выдающийся государственный деятель, устроитель могущественного Владимирского княжества и практический создатель первой государственности на Северо-Востоке Руси. Он воин, полководец, участник множества победоносных сражений, укреплявших его самодержавие в эпоху кровавых княжеских междуусобиц. Это писатель, при участии которого создавался знаменитый Владимирский свод летописей, включивший в себя необычайно

вдохновенные повествования. Он зодчий, художник, много строивший и дивно украшавший свои храмы на владимиро-суздальской земле. Многогранность его таланта достойна удивления. Его имя окружено ореолом славы. Лишь сильная волевая натура, незаурядная по природе, способна была создать яркое и самобытное лицо целой исторической эпохи в домонгольской Руси.

Материал и методы исследования

И все же наиболее таинственной и наименее раскрытой на сегодняшний день остается доктрина о его богоизбранности и предназначенноти его жизненного

пути. Действительно, уже наиболее ранние известия о нем, сохранившиеся в Ипатьевской летописи XII века, сообщая о его трагической гибели, посчитали непременным сказать, что «Благоверный и христолюбивый князь Андрей с юных лет Христа возлюбил и пречистую его Мать; знанье же отринув и рассужденья, и, как хоромы чудесные душу украсив всеми благими желаниями, уподобился царю Соломуону, когда, храм Господу Богу и церковь преславную Рождества святой Богородицы посреди Боголюбова в камне создав, разукрасил ее больше всех церквей: подобна она той Святая Святых, которую царь Соломон премудрый со-здал...» [4, с. 325].

Обратим внимание, что «боголюбивость» князя здесь сразу же уподоблена библейскому царю Соломуону (X век до н.э.), первоустроителю Иерусалимского храма (середина X века до н.э.), без каких-либо опосредованных сравнений, могущих возникнуть во временному пространстве протяженностью более чем в два тысячелетия. Отринув все возможные близкие ориентиры, в том числе и прямые византийские, князь расчистил путь в ветхозаветную историю, которую прекрасно знал и следовал ее примерам. Об этом, как предполагаем, говорят не только факты его биографии, но и архитектурные творения, созданные им. Уподобление как путь вхождения в большую историю стояло у него, видимо, не на последнем месте, а скорее даже на первом. Его кумирами были библейские цари Давид и Соломон. Первому он отдавал даже большее предпочтение, что видно по многим приметам. Царь Давид (конец XI – 1-я половина X веков до н. э.), например, основывает Еврейское царство со столицей в Хевроне, а затем переносит ее в Иерусалим, куда перемещает и странствующий за ним Ковчег Завета Моисея, зозвездя для него священную скинию. Примерно тоже делает и Андрей Боголюбский: он покидает нелюбимый им Киев, создает на северо-востоке Руси мощное княжество со столицей во Владимире, переносит туда прославленную византийскую икону Богоматери, якобы написанную апостолом Лукой, и строит для нее храм Успения (1158–1161).

Бог отказывает Давиду, сожалеющему о своих преступках перед ним, в строительстве храма в его честь в Иерусалиме, говоря при этом ему: «потому что ты человек воинственный и проливал кровь» (I Пар. 28:3). Нечто подобное сообщает о тоже много воевавшем Андрее Боголюбском и упомянутая выше Ипатьевская летопись: «видя образ Божий, на иконах написанный, взглядался как в самого Творца, и изображенья святых на иконах встречая, смирял свой вид, сокрушенный сердцем, испуская вздохи из глубины и слезы из глаз испуская, в раскаянье Давиду подражал, оплакиваая множество грехов своих» [4, с. 327].

Символично, что все самые судьбоносные божественные предсказания даются как Давиду и Соломуону, так и Андрею Боголюбскому в сновидениях. Ночью Бог категорично говорит Давиду через пророка Нафана: «...не ты построишь Мне дом для обитания» (I Пар. 17:4), имея в виду Иерусалимский храм, который сужено будет построить его сыну Соломуону. Ночью же Соломуону Бог в благодарность за его стойкую веру

в него сообщает, что «премудрость и знание дается тебе, а богатство и имение и славу Я дам тебе такие, подобных которым не бывало у царей прежде тебя и не будет после тебя» (II Пар. 1:12). Князю Андрею, покинувшего киевскую резиденцию, Царица Небесная тоже является в Боголюбове ночью: «Князь заснул, а поутру объявил, что ему являлась во сне Божия Матерь с хартиею в руке, приказала не везти ее икону в Ростов, а поставить во Владимире; на том же месте, где произошло видение, соорудить каменную церковь во имя Рождества Богородицы» [2, с. 49].

Можно и далее проводить подобные параллели. Их не так мало. Но все же отметим, что за этим, видимо, стоит не только стойкая средневековая литературная традиция уподобления одного героя другому, но и трезвая практическая оценка творческих взаимосвязей одной эпохи с другой, где предпочтения отдаются не столько общим художественным проявлениям времени, сколько индивидуальным помыслам выдающихся личностей, к каковым, безусловно, относится Андрей Боголюбский.

Совершенно очевидно, что все упомянутое выше не простая случайность, а явное желание князя Андрея уподобить себя библейским царям, уже всемирно прославленным и давно вошедшим в историю, возводя тем самым самого себя в священную богоизбранность. Но с этим сопряжено и другое, еще более важное. Указанная мотивировка закономерно лежала в основе и всех других действий и поступков владимирского князя, и в первую очередь в наиболее видных и значимых, обеспечивающих ему, как в свое время Давиду и Соломуону, непререкаемый авторитет – в возведении храмов. И здесь он тоже должен был добиться чего-то удивительного, что изумило бы современников, став знаковым явлением в обустройстве Владимирской земли. Давид, скажем, перенес Моисеев Ковчег Завета из пустынного места «под шатром» в новую великолепную скинию, возведенную им в Иерусалиме (I Пар. 15:1,3), и усердно заготовлял дорогие материалы для строительства в своей новой столице первого каменного храма. Соломон же, по завету Бога и желанию Давида, осуществил это намерение, увековечив свое имя в веках.

Мимо внимания Андрея Боголюбского не ускользнул, конечно, тот факт, что Давид и Соломон прославились прежде всего тем, что были новаторами и перешли от «шатровой» архитектуры к каменной, широко введя новые строительные и отделочные материалы – белый мрамор (известняк), золото, серебро, медь, цветные ткани, кипарисовую и кедровую древесину и, соответственно, новые технологии – обтеску камня, литье металла, ковку и полировку медных и золотых листов, покрытие ими деталей, золочение и рельефную обработку стен.

Масштаб нововведений был потрясающим. Давид, например, в преддверии строительства Иерусалимского храма «поставил каменотесов, чтобы обтесывать камни» (I Пар. 22:2) и заготовил «множество мрамора» (I Пар. 29:2). Помимо этого он передал Соломуону огромное количество драгоценных металлов, вес которых ошеломляет даже сегодня – 3 тысячи талантов

золота и 7 тысяч талантов серебра (I Пар. 29:4) (по современным измерениям 102 тонны и 238 тонн соответственно). А от ближайшего окружения царя поступило еще 5 тысяч талантов и 10 тысяч драхм золота, то есть 170 тонн, серебра 10 тысяч талантов (340 тонн), 18 тысяч талантов меди (612 тонн) и 100 тысяч талантов железа (3402 тонны) (I Пар. 29:7). К началу строительства храма у Соломона было уже необходимое число камней «обтесанных по размеру, обрезанных пилою, с внутренней и наружной стороны...» (III Цар. 7:9), но в горах продолжали еще работать «восемьдесят тысяч каменосеков» (III Цар. 5:15).

Смелость замысла владимирского князя могли укреплять и заветы самого Бога, не воспринимавшего кирпичных построек еще с патриархальных времен. Когда после Всемирного Потопа потомки Ноя «сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо известки. И сказали они: построим себе город и башню, высотою до небес, и сделаем себе имя» (Быт. 11:3–4), то Бог за их дурное намерение обессмертить себя без его воли на то и стремление возвыситься до небес разрушает их колossalную Вавилонскую башню выше 90 м высотой, построенную из кирпича для языческого бога Мардука, и возводит в ранг допустимого стройматериала исключительно принятый им камень и известка, белый цвет которых становится теперь синонимом священной чистоты, символом еврейского народа, уверовавшего в своего единого Бога. После исхода из Египта Моисей напутствует свой народ словами: «И когда перейдете за Иордан в землю, которую Господь Бог твой дает тебе, тогда поставь себе большие камни и обмажь их известью... и устрой там жертвенник Господу Богу твоему, жертвенник из камней, не поднимая на них железа; из камней цельных устрой жертвенник Господа Бога твоего... и напиши на камнях сих все слова закона сего очень явственно» (Втор. 27:2, 5, 6, 8). Здесь Иордан предстает как начало «земли обетованной», где своеобразный пограничный столб должен быть сделан из цельных природных камней без всякой их обработки тестом (железом), пролитым и окрашенным в белый цвет природной известью. Это был начальный завет Бога, который к тому же наделил белым цветом не только каменную архитектуру храмов, но и священнические одежды его служителей, которые изготавливались большей частью из белых льняных (виссонных) и хлопчатобумажных тканей. Исполняя закон Бога о всесожжении жертвы, Моисей говорит: «Пусть священник оденется в льняную одежду свою, и наденет на тело свое льняное нижнее платье» (Лев. 6:10), подразумевая под ними белые виссонные одежды, на которые менялись перед совершением ритуала одежды из шерсти животных. В этом выражалось проявление «чистого» и «нечистого» в обличии человека. Эта традиция постоянно поддерживалась. В видении пророку Иезекиилю говорится, что священники «оденутся в одежды льняные, а шерстяное не должно быть на них во время служения их... Увязла (головные повязки. – А.С.) на головах их должны быть также льняные; и исподняя одежда на чреслах их должна быть также

льняная; в поту (то есть в шерстяных одеждах. – А.С.) они не должны опоясываться. (Иез.44:17–18). Белым чистым цветом Бог осенял все окружающее его – скинию или храм, завесы и покровы в нем, одежды его служителей.

Результаты исследования и их обсуждение

Таковыми, полагаем, были те питательные корни, которые взвуждали архитектурные помыслы Андрея Боголюбского и направили их в русло ветхозаветных исканий. Поэтому замена красного кирпича, из которого повсеместно строили во времена Андрея Боголюбского в Византийской империи и Киевской Руси, куда эти навыки пришли после ее крещения в 988 году, на белый камень, из которого еще не строили, становилась его вожделенной мечтой. Князю было уже около сорока лет, когда при его отце Юрии Долгоруком (1091–1157) возвели первые белокаменные соборы – Спасо-Преображенский в Переяславле-Залесском, Борисо-Глебский в Кидекше и Георгиевский в Юрьеве-Польском, закладка которых, судя по летописям, произошла в 1152 году. Мы склонны здесь предположить, что сама идея их строительства принадлежала все же Андрею, а не его отцу. Занятый больше решением своих военно-политических и престоло-наследственных проблем на юге Руси, в Киеве, он вполне мог отдать свое строительство в Ростово-Сузdalской земле под опеку своего предприимчивого сына Андрея, хотя летописи, как это и было принято, упоминают самого Юрия Долгорукого, суровая биография которого была далека от библейских сентенций.

К подобным мыслям нас подводят определенные доводы. Во-первых, упомянутое уже страстное желание князя Андрея ввести владимирские постройки в контекст ветхозаветной истории. Не следует забывать, что Андрей был вторым сыном Юрия Долгорукого, рожденным от дочери половецкого хана Аэпы. Известно, что половцы были ближайшими представителями тюркоязычных племен Хазарского каганата, занимавшего территорию южных приволжских и донских степей, Приазовья, Северного Кавказа, Крыма и Причерноморья до Днепра, где проживало множество так называемых «евреев рассеянния», попавших из «земли обетованной» после вавилонского пленения в разные уголки сопредельных территорий и исповедовавших иудаизм [1, с. 400–413; 3, с. 152–153]. Генеалогические корни вполне могли оказывать воздействие на князя еще незабытыми связями его родичей и его самого с древнееврейской культурой и с ее приверженностью строить на восточный лад в белом камне. К тому же с Византией дела у князя не ладились. Родственных чувств к своей мачехе – византийской принцессе Елене и своим младшим братьям от нее он не испытывал, и даже отоспал их обратно в Византию. На церковном поприще у него тоже были разногласия с константинопольским патриархом, не желавшим видеть на ростово-сузdalской митрополичьей кафедре независимого от его воли ставленника князя Андрея.

Во-вторых, Андрей Боголюбский, судя по летописям, продолжал достраивать храмы, начатые при его

отце после отъезда того в Киев (1155), где он вскоре и умер (1157). У Андрея появляется, наконец, полная свобода выразить себя в белом камне в полную силу. Поэтому скучные и грузноватые образы первоначальных храмов, возведенных еще на скромные средства его отца, быстро сменяются изяществом облика и великолепием убранства сооружений, полностью творимых им уже по своей воле. Мы не знаем, сколь далеко бы ушло его белокаменное узорочье в своей виртуозности исполнения, не погибни он в заговоре 1174 года, но можем сказать, что своими постройками он уже предопределил царственную изысканность Дмитриевского собора во Владимире (1194–1997) и сказочную, по-настоящему восточную, изощренность Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230–1234), исполненных уже его преемниками. И это при том, что след западноевропейской романики хотя и присутствует в его храмах, но в опосредованной форме, словно пропущенной сквозь призму ветхозаветного обаяния. Зато более глубокое проникновение в белокаменное строительство имелось Волжской Булгарии, с которой он много воевал и успешно торговал. Существует даже легенда, правда, убедительно еще не подтвержденная, что когда в одной из победоносных битв с булгарами погиб сын Андрея Боголюбского Изяслав, то в каче-

стве дани те должны были привозить белый камень на постройку мемориального храма Покрова на Нерли в честь погибшего.

Можно приводить и другие примеры из бурной жизни князя, что требует более тщательного рассмотрения его влечений белокаменным строительством.

Выводы

Сегодня мы почти не можем судить об архитектуре «земли обетованной» по ее памятникам, фактически почти не сохранившимся. Но у нас есть возможность говорить о ней, опираясь на тексты Ветхого Завета. Хотя эта возможность и гипотетическая, но все же контурно и фрагментарно она позволяет собрать ее оско-лочный облик. Примерно ту же задачу в XII веке решал и Андрей Боголюбский, давая собственное толкование древних источников. На гребне личных амбиций, художественных пристрастий и материальных возможностей им был создан уникальный архитектурный стиль, в изучении которого все еще много непознанного. В этом ряду и вопросы убранства его белокаменных храмов, чудесно украшенных некогда золотом, резьбой, росписью, тканями, истоки которых тоже затеряны в ветхозаветной истории.

Список литературы

1. Артамонов М.И. История хазар / под ред. и с примеч. Л.Н. Гумилева. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.
2. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М.: Альфа-Книга, 2017. – 1260 с.
3. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / АН СССР, Отд-ние истории. – М.: Наука, 1990. – 261 с.
4. Повесть об убийстве Андрея Боголюбского // Памятники литературы Древней Руси. XII век. – М.: Художественная литература, 1980. – 704 с.

References

1. Gumileva, L. N., & Artamonov, M. I. (1962). Istoriia khazar, 523. L.: Izd-vo Gos. Ermitazha.
2. Kostomarov, N. I. (2017). Russkaia istoriia v zhizneopisaniiakh ee glavneshikh deiatelei., 1260. M.: Al'fa-Kniga.
3. Novosel'tsev, A. P. (1990). Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza., 261. M.: Nauka.
4. (1980). Povest' ob ubienii Andreia Bogoliubskogo. Pamiatniki literatury Drevnei Rusi. XII vek, 704. M.: Khudozhestvennaia literatura.

Информация об авторе

Скворцов Александр Игнатьевич –
канд. искусствоведения, профессор
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный
университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»,
Владимир, Российская Федерация.

Поступила в редакцию / Received 11.06.2021
Принята к публикации / Accepted 28.09.2021
Опубликована / Published 29.09.2021

Information about the author

Alexandr I. Skvortsov – candidate of art history,
professor of FSBEI of HE "Vladimir State University",
Vladimir, Russian Federation.

О знаменитостях первых десятилетий XX века, носивших нехарактерные для туркмен фамилии с окончаниями -ский и -ская: Мамед-хан Текинский

DOI 10.31483/r-99172
УДК 94(575.4); (479.24)

Соегов М.

Институт языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули Академии наук Туркменистана, Ашхабад, Туркменистан.

<https://orcid.org/0000-0001-8786-1505>, e-mail: msoyegov@gmail.com

Резюме: В статье освещены вопросы, связанные с жизнью и деятельностью определенного круга известных людей, многие из которых, родившиеся в Туркменистане, по воле судьбы еще в детском возрасте воспитывались вне своей первичной родины. Одним из таковых был Мамед-хан Текинский (1880?–1938), описание судьбы которого стало основной задачей для автора статьи. На основе историко-биографического *метода* выявлены основные вехи жизни и деятельности знаменитостей первых десятилетий XX века, носивших нехарактерные для туркмен фамилии, в частности Мамед-хана Текинского. В ходе исследования выявлено, что в настоящее время документы о нем можно обнаружить в государственном архиве Одесской области Украины, много материалов можно найти в трудах азербайджанских ученых, в то же время его судьба после апреля 1920 года неизвестна. В выводах подчеркивается необходимость продолжения исследования биографии Мамед-хана Текинского, а именно его туркменского периода, с тем чтобы наиболее полно представить биографию и жизнеописание Мамед-хана Текинского – юриста, государственного деятеля, незаурядного дипломата Азербайджанской Демократической Республики – первого государства тюркских народов европейского типа.

Ключевые слова: сражение за Геок-тепе, Мамед-хан Текинский, туркменские фамилии.

Для цитирования: Соегов М. О знаменитостях первых десятилетий XX века, носивших нехарактерные для туркмен фамилии с окончаниями -ский и -ская: Мамед-хан Текинский // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, № 3. – С. 10-14. DOI:10.31483/r-99172.

About the Celebrities of the First Decades of the XX-th Century Carrying Uncharacteristic for the Turkmens of the Surname with Indicators -sky and -skaja: the Mamed-Khan Tekinsky

Myratgeldi Soyegov

Magtymguly Institute of Language, Literature and National Manuscripts of Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan.

<https://orcid.org/0000-0001-8786-1505>, e-mail: msoyegov@gmail.com

Abstract: The article covers the questions connected with life and activity of a certain circle of known people, many of which were born in Turkmenistan, at will of destiny at children's age were brought up out of the primary native land. The Mamed-khan Tekinsky (1880?–1938) was one of those whose description of destiny became the primary goal for the author of given article. Basing on the historical and biographical *method*, the main milestones in the life and work of celebrities of the first decades of the twentieth century, who bore surnames uncharacteristic for the Turkmen, were identified, in particular, Mamed Khan Tekinsky. During the study it was revealed that information about him can be found in the state archive of the Odessa region of Ukraine, many materials can be found in the works of Azerbaijani scientists, at the same time, his fate after April 1920 is unknown. The conclusions emphasize the need to continue the study of the biography of Mamed Khan Tekinsky, namely his Turkmen period, in order to fully present the biography and biography of Mamed Khan Tekinsky – a lawyer, statesman, an outstanding diplomat of the Azerbaijan Democratic Republic – the first state of the Turkic peoples of the European type.

Keywords: battle for Geok-Tepе, Mamed-khan Tekinsky, Turkmen surnames.

For citation: Soegov M. (2021). About the Celebrities of the First Decades of the XX-th Century Carrying Uncharacteristic for the Turkmens of the Surname with Indicators -sky and -skaja: the Mamed-Khan Tekinsky. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(3), 10-14. (in Russ.). DOI:10.31483/r-99172.

Введение

В отличие от представителей некоторых родственных тюркских народов (например, татар: Абдуллин, Довлетшин и др.), туркмены, начиная с конца XIX века и начала XX века, носят фамилии, образованные первично из личных имен своих отцов с прибавлением к ним русскоязычных суффиксов *-ов/-ев, -ова/-ева*. В последующем эти фамилии передавались от отцов к детям, и у них, последних, появились в личных документах и отчества, образованные по подобию русским, с показателями *-ович/-евич, -овна/-евна*. Интересно то, что в настоящее время, когда указанное социальное состояние уже давно стало в туркменском

социуме обычным положением вещей, выглядит очень необычной, особенно для молодежи, наличие в литературе личностей туркменской национальности с фамилиями, как Иомудский и Иомудская, Текинский и Текинская, хотя в повседневной жизни лица, носящие почти аналогичные фамилии, как Ёмудов и Ёмудова (по иному, старому написанию: Иомудов и Иомудова), Текаев и Текаева (или Текеев и Текеева) не вызывают у людей никакого удивления.

Результаты и обсуждение

Приступая к раскрытию основного вопроса, а именно к изложению основных вех жизни и деятель-

ности знаменитостей первых десятилетий XX века, носивших вышеуказанные нехарактерные для туркмен фамилии, отметим, что о некоторых из них, например, Николае Николаевиче Иомудском (Караши-хан-оглы хан Иомудский, 1868–1928) и Татьяне Михайловне (Артыкгул) Текинской (1878–1924) имеется достаточная научная и научно-популярная литература, включая «Туркменскую Советскую Энциклопедию» (Том 3. Ашхабад, 1981. С. 337; Том 8. Ашхабад, 1986. С. 369), а Артыкгул Текинской был посвящен даже роман А. Атаджанова «Теке гызы Татьяна» (Ашхабад, 1987). Поэтому здесь о них специально останавливаться не будем, при этом с целью облегчения труда интересующих читателей по поиску, указав для них ранее опубликованные свои статьи [3; 4; 5].

Из-за недостаточности выявленных источников мы также не можем писать подробно и о братьях Н.Н. Иомудского – царском офицере Иване Иомудском, погибшем на фронте Первой мировой войны, защищая Россию от тогдашних ее недругов, и талантливом художнике Назаре Иомудском (1860–1897), а также их племянницах Аннагул Иомудской и Дестегул Иомудской (жена писателя К. Бурунова), хотя о Назаре, первом туркменском художнике-профессионале, используя имеющиеся в литературе данные, выступали в Азербайджане со статей на турецком языке [9]. Здесь можем удовлетвориться внесением во внимание наших уважаемых читателей фотографий (правда, не столь качественных) лишь Назара (рис. 1) и Ивана (рис. 2) Иомудских, заимствованных нами из соответствующих сайтов Интернета.

Рис. 1. Назар Иомудский

Рис. 2. Иван Иомудский

Fig. 1. Nazar Iomudsky

Fig. 2. Ivan Iomudsky

В нашем распоряжении в настоящее время находятся работы азербайджанских [6; 7; 8; 10 и др.] и отчасти армянских [2 и др.] исследователей, частично выложенных на соответствующих сайтах Интернета, которые содержат ценные сведения, как утверждается в некоторых из них, о «славном сыне туркменского и азербайджанского народов» Мамед-хане (Мухаммед-хане) Текинском (1880?–1938).

Имя собственное Мамед (по-туркменски: Mämmet), происходит путем сокращения от антронима Мухаммед, который имеет еще вариант на кавказский лад Ма-

гомед. Эти имена использованы в наших источниках в отношении одного и того же лица, а именно туркмена Текинского. Будучи еще малолетним ребенком, был усыновлен царским офицером, азербайджанцем-участником Второй Ахалтекинской экспедиции в ее завершающем этапе (с конца ноября 1880 года) Эхсан-ханом Келбали-хан оглы Нахичеванским (1855–1894), который 12 января 1881 года был ранен во время штурма при взятии героически обороняемой туркменами крепости Геок-тепе. 10 августа того же года был удостоен очередной боевой награды – ордена Святого Станислава 2-й степени с мечами. Из открытой справочной литературы также узнаем, что сводный отец Мамед-хана Текинского, ставший перед выходом на оставку полковником царской армии, является старшим сыном генерал-майора Келбали-хана Нахичеванского (1824–1883) и братом генерал-адъютанта Гусейн-хана Нахичеванского (1858–1919). Как показывают дальнейшие события в жизненном пути Мамед-хана Текинского, являясь усыновленным азербайджанской семьей, имеющей славные традиции, он достойно их продолжал, при этом гордо подчеркивая фамилию своей национальной принадлежностью к туркменам-текинцам – Текинский. Не исключено, что он был родом из туркменской ханской семьи, т.е. родным сыном одного из местных туркменских ханов, погибших защищая Геок-тепе. Поэтому, следуя многовековым традициям, в последующем его называли Мамед-ханом, так как его родной отец, остающийся пока неизвестным, был ханом.

Дальнейшая судьба Мамед-хана Текинского похожа на судьбу уже упомянутой Актыкгул Текинской, которая, оставшаяся круглой сиротой во время Геок-тепинского сражения, была удочерена одной русской семьей и, как результат этого, в дальнейшем окончила в Москве высшее учебное заведение, стала полезной деятельницей своей сложной эпохи. Жаль, что она, первая женщина-туркменка с высшим образованием, умерла, не постарев, на 46-м году жизни, в расцвете своих интеллектуальных сил.

Выросший в Азербайджане Мамед-хан Текинский в результате больших личных усилий и финансовой поддержки отца и родственников получил достойное своему времени образование. После окончания в 1901 году Первой Тифлисской мужской гимназии в 1901–1908 гг. с перерывами учился сначала в физико-математическом, затем юридическом факультетах Императорского Новороссийского университета (г. Одесса) – одного из двенадцати Императорских университетов России. Также отметим, что в последующем на базе этого учебного заведения был основан нынешний Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, профессорско-преподавательский состав и студенческий коллектив которого в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. находился в эвакуации в Туркменистане (г. Байрам-Али) – первичной родине Мамед-хана Текинского.

После завершения учебы в Одессе как специалист, имеющий юридическое образование, Мамед-хан Текинский работал в судебных органах Южного Кавказа,

в том числе в Баку. После принятия «Акта о независимости Азербайджана» 28 мая 1918 года и образования Азербайджанской Демократической Республики (АДР) в его трудовой деятельности начинается новый период. В сентябре 1918 года, будучи присяжным поверенным, был включен в состав Чрезвычайной Следственной Комиссии (ЧСК). Работал в следственной группе ЧСК, расследующий мартовские события 1918 года в Баку, в его окрестностях и в Шемахе. С 29 января по 10 октября 1919 года Мамед-хан Текинский – дипломатический представитель АДР в Армении. В солидном монографическом труде «История Азербайджана» записано, что «Национальный Совет Азербайджана 29 мая 1919 года согласился признать Эреван как столицу Армении... Определенное значение для выяснения положения... имело и открытие дипломатического представительства АДР в Армении. 29 января 1919 года послом был назначен член ЧСК (Чрезвычайной следственной комиссии) Мамед хан Текинский» [1, с. 119, 121]. По этому поводу академик АН Армении Ашот Мелконян пишет: «Несмотря на то, что между Арменией и Азербайджаном существовали территориальные споры, стороны с весны 1919 г. установили межгосударственные дипломатические отношения. Тигран Бекзадян и Мартирос Арутюнян стали дипломатическими представителями Армении в Азербайджане, Мемед хан Текинский и Абдурахман бек Ахвердов в Армении» [2, с. 26].

Рис. 3. Мамед-хан Текинский (1880?–1938)
Fig. 3. Mammad Khan of Tekin (1880?–1938)

Мамед-хан Текинский с 11 октября 1919 года по 28 апреля 1920 года занимал ответственную должность заместителя министра иностранных дел АДР. В этом статусе он принимал участие в переговорах с представителем Польши на Кавказе Вацлавом Островским, верховным комиссаром Великобритании на Кавказе Оливером Уордропом, а также чрезвычайной миссией Польши. Конечно же, он, как и подобает дипломатам всех стран, всегда защищал жизненные интересы своей молодой республики в том непростом времени. Современный азербайджанский министр иностранных дел Ельмар Маммадяров в своей работе, изданной на английском языке в свя-

зи с исполнением 100-летия дипломатической службы Азербайджана, в частности отмечает: «Although Azerbaijan and Armenia were actually in a state of war in 1918–1920 due to a territorial conflict, diplomatic missions were active in both republics... In the wake of Makinsky's election as a member of the Azerbaijani parliament, Muhammad Khan Tekinsky, an attorney-at-law of Turkmen descent, was appointed the new diplomatic representative to Armenia, in accordance with a decision passed by Azerbaijan's government on January 31, 1919» [8, с. 104]. «Хотя Азербайджан и Армения были фактически в состоянии войны в 1918–1920 гг. из-за территориального конфликта, дипломатические миссии были активными в обоих республиках... После избрания Макинского членом азербайджанского парламента, новым дипломатическим представителем в Армении, согласно решению правительства Азербайджана от 31 января 1919 г., был назначен Мухаммед Хан Текинский, присяжный поверенный, туркмен по происхождению» (перевод с английского наш. – М.С.).

Рис. 4. Фотомонтажи с портретом М. Текинского
Fig. 4. Photomontages with a Portrait of M. Tekinski

После падения самостоятельной Азербайджанской Демократической Республики в 1920 году и советизации Азербайджана Мамед-хан Текинский сначала работал в Народном Комиссариате Иностранных Дел Азербайджанской ССР, с 1922 года член Коллегии Защитников (Адвакатов) Народного Комиссариата Юстиции Аз.ССР, из состава которой был исключен в январе 1926 года. В последующем трудился юридическим консультантом в советских государственных учреждениях.

18 ноября 1937 года был арестован органами государственной безопасности республики (НКВД Аз.ССР) за принадлежность к контрреволюционной националистической, повстанческо-террористической организации. Виновным себя не признал. 15 марта 1938 года был осужден Особой Тройкой НКВД Аз.ССР к высшей мере наказания – расстрелу, что было проведено к исполнению в ночь с 21 на 22 марта 1938 года. Это ужасное преступление тогдашнего режима происходило в праздничную ночь для азербайджанского и туркменского народов, Новруз-байрама, дня весенего равноденствия. Реабилитирован в 1955 году.

Выходы

В качестве заключения хочется особо подчеркнуть, что азербайджанские ученые провели большую работу по изучению наследия Мамед-хана Текинского, в частности заслуженный работник культуры республики, историк Атакан Паشاев обнаружил в государственном архиве Одесской области Украины много материалов о нем. Теперь дело остается за туркменскими учеными. Наверняка, Мамед-хан Текинский, став взрослым человеком, посещал, притом неоднократно, соседний с Азербайджаном Туркменистан в поисках своих корней, встречался с предполагаемыми родственниками в Гекок-тепе и других местах. Поэтому нам, туркменским ученым, следует начинать поиски архивных докумен-

тов, чтобы хотя бы обнаружить сохранившиеся воспоминания об этом нашем земляке, ставшим незаурядным дипломатом Азербайджанской Демократической Республики – первого государства тюркских народов европейского типа. Даже не исключено, что Мамед-хан Текинский оказывал содействие в создании первого, но жаль, очень кратковременного Туркменского правительства (Мусульманского комитета), провозглашенного летом 1918 года в Безмеине (тогдашний пригород Ашхабада) на сходе (генгеш-маслахат) уполномоченных представителей местного населения Закаспийской области. В отдельных источниках имеется сведение об участии в этом сходе двух представителей-азербайджанцев.

Более того, следует в будущем установить связи с его нынешними предполагаемыми поколениями, проживающими вне Туркменистана (где он родился), Украины (где он получил образование) и Азербайджана (где он провел всю свою сознательную жизнь), так как нельзя исключать и то, что 40-летний Мамед-хан Текинский мог в 1920 году после падения АНР свою жену (родом из Одессы?) и уже взрослых детей, опасаясь будущих последствий, и с их согласия отправить в Великобританию вместе с отходящими из Баку английскими войсками. На эту мысль наводит нас следующие сведения, содержащиеся на интернет-сайтах, которые посвящены Федеральным переписям населения США разных лет: «Фамилия Текинских появилась в США в 1920 году. В 1920 году в штате Западная Вирджиния жила 1 семья Текинских». В переписи, проведенной в 1930 году, уже числится несколько лиц с фамилией Текинский (Tekinsky): Ширли Текинский, Иосиф Текинский, Яков Текинский и другие. Нет ли среди них добравшихся из Великобритании в США детей и внуков Мамед-хана Текинского? Это – еще одна задача для исследователей на будущее.

Список литературы

1. История Азербайджана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://files.preslib.az/projects/azerbaijan/rus/g13.pdf>
2. Мелконян А.А. Армения в контексте международных отношений в период окончания Первой мировой войны и послевоенные годы // Советская государственность: история и современность. – Ереван, 2019. – С. 21–28.
3. Соегов М. Еще раз о Николае Иомудском, а также о его рапорте от 14 января 1924 года (или о Хане Иомудском 3-м) // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. – 2019. – Выпуск 2: Общие вопросы филологии. – С. 36–44.
4. Соегов М. Об основателе и воспитанниках Туркменского дома просвещения в Подмосковье // Вестник Калужского университета. Серия: Социальные и гуманитарные науки. – 2016. – №3. – С. 98–106.
5. Соегов М. О туркменских просветителях начала XX века (или о некоторых персонажах документального романа «Теке гызы Татьяна» А. Агаджанова) // Духовный мир мусульманских народов Евразии. М. Акмулла – великий башкирский просветитель XIX в. (XIV Акмуллинские чтения): материалы Республиканской (с международным участием) научно-практической конференции (24 октября 2019 г.): том II. – Уфа: Педкнига, 2019. – С. 152–156.
6. Bunturk R. Завеса тайн Хана Текинского – Первый посол Азербайджана в Армении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rizvan-bunturk.com/завеса-тайна-хана-текинского-первый-по/>
7. Qoca E. Azərbaycan kəşfiyyatı və əks-kəşfiyyatı. Bakı. «Elgün» nəşriyyatı, 2018. 88 s.
8. Mammadyarov E. 100 years of the Republic of Azerbaijan's diplomacy: upholding national interests at the crossroads of epochs and regions // IRS. 2–3 (39–40), 2019. С. 4–123.
9. Söyegov M. Nobel Kardeşler Şirketi Türkmen asıllı Rusyalı etnolog-ressam Nazar Yomudskiy'i nasıl ödüllendirdi // Dədə Qorqud, No. 1 (68). Bakı, 2020. S. 68–72.
10. Текинский Мамед Хан (1880–1938) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.1918pogroms.com/tekinski.php>

References

1. Istoryia Azerbaidzhana. Retrieved from <https://files.preslib.az/projects/azerbaijan/rus/g13.pdf>
2. Melkonian, A. A. (2019). Armeniia v kontekste mezhdunarodnykh otnoshenii v period okonchaniia Pervoi mirovoi voiny i poslevoennye gody. Sovetskaia gosudarstvennost', 21-28. Erevan.
3. Soegov, M. (2019). Eshche raz o Nikolae Iomudskom, a takzhe o ego raporte ot 14 ianvaria 1924 goda (ili o Khane Iomudskom 3-m). Vestnik Kazakhstansko-Amerikanskogo svobodnogo universiteta, Vypusk 2: Obshchie voprosy filologii, 36-44.
4. Soyegov M. (2016). About the founder and pupils of the Turkmen house of education in Moscow suburbs. Bulletin of the Kaluga University. Series: Social and Humanities Sciences, 3, 98–106. (In Russ.)
5. Soegov, M. (2019). O turkmenskikh prosvetitiakh nachala KhKh veka (ili o nekotorykh personazhakh dokumental'nogo romana "Teke gyzy Taf'iana" A. Atadzhanova). Dukhovnyi mir musul'manskikh narodov Evrazii. M. Akmulla, prakticheskoi konferentsii (24 oktiabria g.): tom II, (24), 152-156. Ufa: Pedkniga.
6. Bunturk, R. Zavesa tain Khana Tekinskogo. Retrieved from <https://rizvan-bunturk.com/zavesa-tain-khana-tekinskogo-pervyi-po/>
7. Qoca, E. Azerbaycan kesfiyyati ve eks-kesfiyyati. Baki. "Elgun" nesriyyati, 2018. 88 s.
8. Mammadyarov, E. 100 years of the Republic of Azerbaijan's diplomacy: upholding national interests at the crossroads of epochs and regions. IRS. 2-3 (39-40), 2019. C. 4-123.
9. Soyegov, M. (2020). Nobel Kardesler Sirketi Turkmen asilli Rusyali etnolog-ressam Nazar Yomudskiy'i nasil odullendirdi. Dede Qorqud, No. 1 (68). S. 68-72. Baki.
10. Tekinskii Mamed Khan. Retrieved from <http://www.1918pogroms.com/tekinski.php>

Информация об авторе

Соегов Муратгельди – д-р филол. наук, профессор, действительный член – академик Академии наук Туркменистана, внештатный научный консультант Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкулы Академии наук Туркменистана; член Союза писателей СССР, член Специализированного ученого совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Академии наук Туркменистана по филологии, культурологии и искусствоведению, Ашхабад, Туркменистан.

Поступила в редакцию / Received 09.07.2021

Принята к публикации / Accepted 11.08.2021

Опубликована / Published 28.09.2021

Information about the author

Myratgeldi Soyegov – doctor of philological sciences, professor, full member – Academician of the Academy of Sciences of Turkmenistan, visiting research adviser Magtymguly Institute of Language, Literature and National Manuscripts of Academy of Sciences of Turkmenistan; member of the Union of Writers of the USSR, member of the Specialized doctoral and candidate dissertation advisory academic committee at the Academy of Sciences of Turkmenistan of Philology, Cultural Studies and Art History, Ashgabat, Turkmenistan.

The Development of Modern Art in Mongolia: On the Example of Mongolian Modern Painting of the Late Twentieth and Early Twenty-First Centuries

DOI 10.31483/r-98686

УДК 5527

Selenge Tumur-ochir

Mongolian State University of Education,
Ulaanbaatar, Mongolian People's Republic.

<https://orcid.org/0000-0002-3255-0037>, e-mail: selenge@msue.edu.mn

Abstract: Modern art in Mongolia has been developing since the last century. The art appeared as a result of artists' ideas, expression of national mentality and other factors. As some researches said: "Mite of the abstract paintings were established in Hun states, because when this times, all of the people to the painted effect of their mind on the rock of cave" on their tractate book. That says that the abstract paintings was established at that time, but according to other sources it was developed in 1960. For example, in 1968 Mongolian young painters organized an exhibition named: the first exhibition of young painters. Then, in 1980 modern and contemporary arts started developing. The purpose of the study is to analyze the development and classification of modern art in the late twentieth and early twenty-first centuries, which are kept in art galleries. The study was conducted in the following steps: to study modern Mongolian art and to identify current trends in its evolution. The study classified 2,333 paintings. Consequently the next conclusions were drawn: abstractionism, post-impressionism, and im-pressionism were more developed in modern paintings created in 1990–2000. Modern paintings created in 2000–2009, on the other hand, were more developed in abstraction, fauvism, surrealism, and symbolism. This shows that modern Mongolian artists prefer abstract and symbolic paintings. Before 1990, there was a lot of realism, but since 1990, modernism has developed a lot and has become a major trend.

Keywords: modern Mongolian paintings, development, analyze, classification.

For citation: Tumur-ochir S. (2021). The Development of Modern Art in Mongolia: On the Example of Mongolian Modern Painting of the Late Twentieth and Early Twenty-First Centuries. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(3), 15-19. DOI:10.31483/r-98686.

Развитие современного монгольского искусства: на примере современной монгольской живописи конца XX – начала XXI вв.

Тумур-Очир С.

Монгольский государственный педагогический университет,
Улан-Батор, Монгольская Народная Республика.

<https://orcid.org/0000-0002-3255-0037>, e-mail: selenge@msue.edu.mn

Резюме: Модернистская живопись начала развиваться в Монголии в прошлом веке. Она является результатом измышлений художников, выражение национального менталитета и других факторов. Согласно некоторым исследователям, малая доля абстрактной живописи зародилась в Гуннах, именно в то время люди начали изображать продукты мышления на стенах пещер. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в то время была сформирована абстрактная живопись, хотя, согласно другим источникам, она зародилась в 1960-х. К примеру, в 1968 молодые художники из Монголии организовали «первую выставку молодых художников». В 1980-х начала развиваться модернистская и современная живопись. Цель исследования – анализ живописных работ конца XX – начала XXI вв., хранящихся в художественных галереях Монголии. Исследование предполагало решение таких задач, как изучение современного монгольского искусства и установление актуальных тенденций в его эволюции. Исследованием охвачено 2333 картины. В результате автор пришел к следующим выводам: в живописи 1990–2000 гг. более развиты абстракционизм, импрессионизм и постимпрессионизм. Картины же, созданные в 2000–2009 гг., в большей степени тяготеют к фовизму, сюрреализму и символизму. Современные монгольские художники предпочитают абстрактные и символические картины. До 1990 г. было много реализма, но с 1990 г. модернизм сильно развился и стал основным трендом.

Ключевые слова: современная монгольская живопись, развитие, анализ, классификация.

Для цитирования: Тумур-Очир С. Развитие современного монгольского искусства: на примере современной монгольской живописи конца XX – начала XXI вв. // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, №3. – С. 15-19. DOI: 10.31483/r-98686.

Introduction

In the twentieth century Mongolian art was more developed in thematic, portrait, nature, and life themes, and modernism flourished. In the late 1960s, abstract and Impressionism began to appear in Mongolian art. The features of the works varied, and most of them rewrote the Mongolian tradition. Since the 1970s, the development of Mongolian art has been based on many trends, including fauvism, symbolism, surrealism, and cubism. It is gratifying that modern painting has been fully accepted since the 1980s. It can be understood that the competition of modern artists has started with the opening of open

and closed paintings in a closed society. This is because it has been difficult to keep up with the evolutionary trend of glass painting since the 1990s. It was unclear who was drawing in which direction. They were considered by art critics to be «mind-boggling» paintings.

Therefore, this study was started in 2017. 224 paintings at the Mongolian National Gallery of Art from 2017–2019 were analyzed. The reason for choosing the topic was that most professionals and non-professionals did not know about modern paintings and their classification. Art critics have not studied much about the classification of modern Mongolian art. However, the development of art

has been studied extensively. For example, Mongolian and Soviet researchers have done a lot of research. In 1970, the publication of the magazine «Fine Arts» became a major contribution to the study of fine arts in Mongolia. In 1975, a research institute was established and a brief history of Mongolian fine arts was being developed. At that time, not only Mongolian scholars but also foreign Mongolian scholars and researchers studied Mongolian fine arts.

A brief account of the study of modern Mongolian art:

Most of them were researchers from the Russian Federation. For example, researchers such as N.N. Belsky, K.V. Vyakina, S.V. Kiselev studied Mongolian fine arts. They wrote a study of early art painting. Researching journalist I.I. Lomakina also studied the state of Mongolian fine arts in the twentieth century in her work «The Visual Art of Socialist Mongolia». O.I. Galerina, on the other hand, is unique in that she provides an overview of Mongolian fine arts.

In 1980, researchers L. Sonomtseren, S. Luvsanvandan, L. Batchuluun, D. Dashbaldan, T. Galbadrakh, B. Badrakh, and D. Maidar conducted a review of Mongolian fine arts, issues of tradition and innovation, types, and folk art. There are books and scholarly articles on the fine arts written by these scholars, that includes articles on modern art.

Researcher L. Sonomtseren's book «Mongolian Fine Arts» aims to study and summarize the historical development of fine arts in the democratic stage of the revolution. He also wrote realistic paintings of 1921–1940 under the policy of the Mongolian People's Party. D. Dashbaldan, an art critic, wrote the book «Modern Art» in combination with the artist's skills and introduced the main representatives of modern world art trends. Researcher N. Tsultem also wrote an article entitled «New Mongolian Fine Arts» in which he praised the contributions of senior Mongolian artists.

The first half of the twentieth century was entirely within the confines of the ideology of socialist realism. At the end of the twentieth century, however, modern paintings and articles about them became popular. Since the 21st century, art critics Ts. Uranchimeg, O. Sosor and Ts. Erdenetsog has written books and essays on contemporary art. Uranchimeg. Ts wrote the term modern art in her book. Erdenetsog. Ts explained the colors of modern art, while Sosor.O wrote about the history of art.

Methods

This study was created by qualitative research method. In the study, the works were carried out in the style of realism and modernism.

The study is aimed to examine the artist and their works between the years 1990–2009 using the method of artistic criticism.

A study of the classification of modern paintings: examples of works in the collection of the Mongolian Art Gallery. The Mongolian Art Gallery is a public service organization established in 1991. Since the victory of the People's Revolution of 1921, the gallery has more than 4,000 works of art created by talented artists of all generations, including paintings, sculptures, carvings and embroidery.

Results and Discussion

Modernism (Italian modernismo-modern), in Latin modernus means modern, new generation.

Modern fine arts originated in the world in the late 19th and early 20th centuries. American and European art critics have differing views on the term «modernism». American art critics believe that it began in the early 19th century with classicism, while European art critics believe that modern art began with impressionism [1]. For example, art historian and mathematician Richard Dedekind (1831–1916) and Ledwig Boltzmann (1844–1906) believe that modernism began in the 1870s. Researcher Everdell traces the origins of modern art to a painting by Seurat painted in 1885–1886. Clement Greenberg, on the other hand, says that it originated in Immanuel Kant's (1724–1804) work, The First True Modernist.

Austria Eyesteinsson notes that «modernism began in the early 1800s with romanticism, realism in the 1830s, and the first impressionist show in 1874». American art critic John Elder field believes that «modern art dates back to the early nineteenth century or the period of classicism». «Modern art has its roots in impressionism», says Reads [2].

Brief introduction of the origins of modern Mongolian painting.

Mongolian paintings are derived from ancient rock paintings. Totem idols and animal images have evolved from paintings, and images of Buddhas have appeared on paper.

Painting was highly developed in the arts and culture of the first states of Mongolia, such as the Huns, Xiambi, and Zhuijiang.

Later, in the Middle Ages, the works of Undur Geegen Zanabazar became famous for their craftsmanship. Social-realist paintings have been developing since the twentieth century. It is directly related to the government of that time. In the same century, modern painting began to develop in Mongolia (pic. 1).

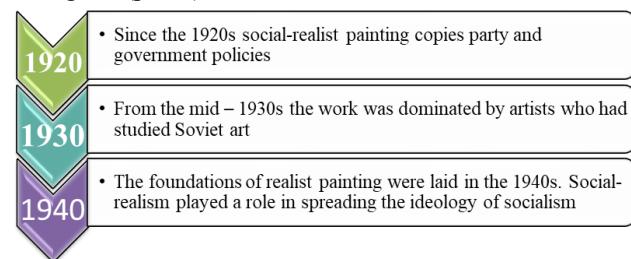

Fig. 1. Development of Mongolian fine art in 1920–1940 [3]

Рис. 1. Развитие монгольского изобразительного искусства в 1920-1940 годах

In this study, Modern categorizes the development of art as follows: 1) beginning period (1950–1970); 2) development period (1970–2000); 3) from modernism to postmodernism (2000–2010).

At the beginning of 1968, the «First Exhibition of Young Artists» was opened in the exhibition hall of the Mongolian Craftsmen's Union. That exhibition became the basis for the development of modern Mongolian art [3]. In this exhibition: O. Tsevegjav's «Mother's White Heart», B. Soosai's «Mother», «Atak», «Lullaby», P. Baldandorj's «Lake Hövsgöl», «Still life» G. Dunburee's «Modern goat» spread. However, the Central Committee of the Mongolian

People's Revolutionary Party issued a resolution to close the exhibition, accusing the paintings of promoting bourgeois ideology. At that time, only a few genres of art were developing: wealth, history, and portraiture.

One of the first abstract paintings in Mongolia is «Mother's White Heart» by O. Tsevegjav (pic. 2).

Fig. 2. Tsevegja O. «Mother's White Heart» (1968).
Mongolian National Modern Art Gallery

Рис. 2. О. Цевегджав «Белое сердце матери».
Монгольская национальная галерея
современного искусства

One of the first abstract paintings in Mongolia is «Mother's White Heart» by O. Tsevegjav. Artist O. Tsevegjav's painting «Mother's White Heart» is unique in that it shows the inner heart of a mother in geometric shapes and colors. The bottom of the painting is painted green to symbolize the earth. In the center of the painting is a white square, a symbol of the mother's pure white heart. The top of the picture is painted in blue and symbolizes the sky.

The artist is unique in his work: he abstractly depicts the love of the mother and the connection with the earth.

Artist A. Adyabazar is one of the artists who was developing Mongolian Cubism. His paintings depict Mongolian tradition using Cubist art. There are many paintings, and the painting «Mongolian Queen» was introduced. Painted in cool colors, this painting uses geometric elements and is known for its color dissolution and design (pic. 3).

Fig. 3. Adyabazar.A «Mongolian Queen» (1992).
Mongolian National Modern Art Gallery

Рис.3. Адыбазар."Монгольская королева" (1992).
Монгольская национальная галерея
современного искусства

Artist Ts. Enkhjargal's paintings are abstract and brightly colored. In other words, he is an artist who has created an abstract design with a healing image and hidden meaning that can only be imagined in the mind. That's why he became known as a Mongolian surrealist artist. The artist's painting «Eternal» was praised at the time (pic. 4.)

Fig. 4. Enkhjargal.Ts «Eternal» (1990).
Mongolian National Modern Art Gallery

Рис. 4. Энхъяргал Ц. "Вечный" (1990).
Монгольская национальная галерея
современного искусства

Since 2000, cubism, expressionism, impressionism, abstractionism, surrealism, fauvism, realism and futurism have been developing in Mongolia. Nowadays, the art of surrealism and symbolism, which expresses traditional Mongolian paintings with its own solutions, color schemes; and cubist paintings, using basic geometric shapes and expressions of hidden dreams and consciousness, are developing.

Classification of Mongolian modern art. A total of 720 works drawn before 2010 were classified using realistic visual methods.

The study of realist paintings includes: 157 portraits, 331 landscapes, 171 welfare paintings, and 61 other works (pic. 5).

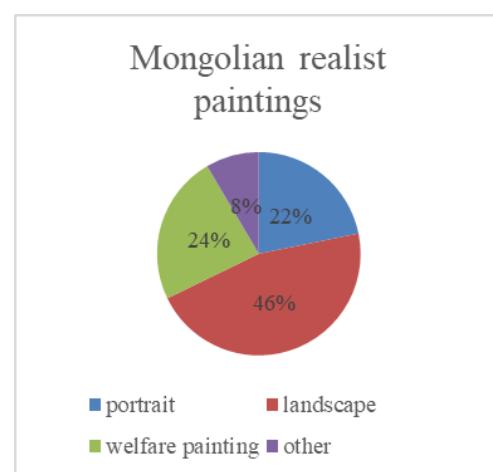

Fig. 5. Classification of Mongolian realist paintings.
Mongolian National Modern Art Gallery

Рис. 5. Классификация монгольских картин
в направлении реализма. Монгольская национальная
галерея современного искусства

According to research, natural painting accounts for a higher percentage. As a result of a detailed study of the graphic above, the features of realistic painting are:

1. The artists chose a subject that addresses the most important issues of the time, aimed at educating the masses

in the ideology of the revolution. These works, which praised the ideology of the revolution, were closely linked to socio-political policy.

2. The subject of fine arts at that time was a social-realist depiction of the labor, life, party policies, and social changes of the common people. Artits also used traditional oil painting techniques with modern themes.

3. Portraits of famous politicians, good herders, labor heroes, famous artists, and actors occupy a prominent place.

4. Colors and expressions of natural beauty occupy a large part of the art gallery.

5. Pictures of Abstract Thought – Mongolian traditional rituals, abstract concepts, geometric representations, and colors were used to express many things.

Images of abstract thought include modern and contemporary arts. Modern art was studied thoroughly in the works of 1990–2009.

To study the development of modern art in detail, two types of research were conducted: 1990–2001 and 2002–2009.

1960–1990 Paintings

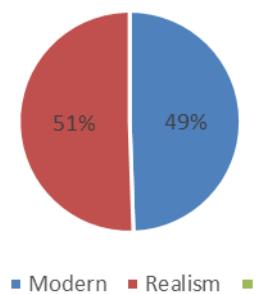

Fig. 6. Classification of Mongolian paintitngs in 1960–1990.
Mongolian National Modern Art Gallery

Рис. 6. Классификация произведений монгольской живописи в 1960–1990 гг. Монгольская национальная галерея современного искусства

This is because in 1950–1990 modern painting accounted for a very small percentage, while in 1960–1990 it accounted for the same percentage.

For example, to study the development of Mongolian art in 1950–1990, a total of 1197 paintings were classified

into modern and realistic (modernism – 592 paintings, realism – 605) (pic. 6).

The development of the art has been periodically studied in detail since 1990. From 1990 to 2001, 169 paintings were examined (modern painting – 126, realism – 43).

In the 1991–2001 survey, 75 percent of the paintings were modern paintings, which means that modernism began to develop in Greater Mongolia in the 1990s. An attempt to categorize this year's contemporary paintings by the mainstream was undertaken (pic. 7, 8): abstract – 43, impressionism – 16, cubism – 4, fauvism – 9, surrealism – 6, expressionism – 3, neo-expressionism – 9, post-impressionism – 31.

Studies show that post-impressionism, abstract and impressionist currents account for the largest share. Post-impressionism is more developed than the following four currents. These include: 1) symbolism; 2) nabism; 3) Pont Avenue school; 4) synthetism (pic. 8).

1991–2001 paintings

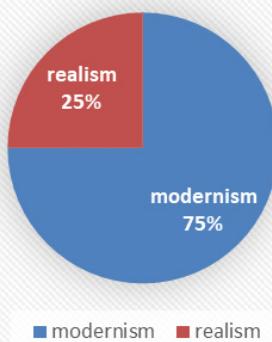

Fig. 7. Classification of Mongolian paintitngs in 1991–2001. Mongolian National Modern Art Gallery

Рис. 7. Классификация произведений монгольской живописи в 1991–2001 гг., Монгольская национальная галерея современного искусства

Symbolism's predominance in these four sects is a clear example of Mongolians' respect for and value of their traditions. It has been observed in the course of the research

1991–2001 modern paintings

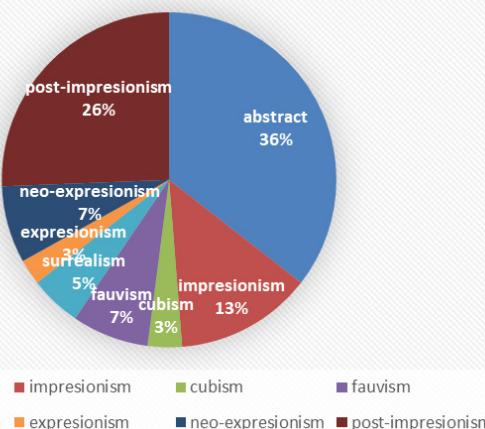

Fig. 8. Classification of Mongolian modern painitngs in 1991–2001. Mongolian National Modern Art Gallery

Рис. 8. Классификация произведений монгольской современной живописи в 1991–2001 гг., Национальная галерея современного искусства Монголии

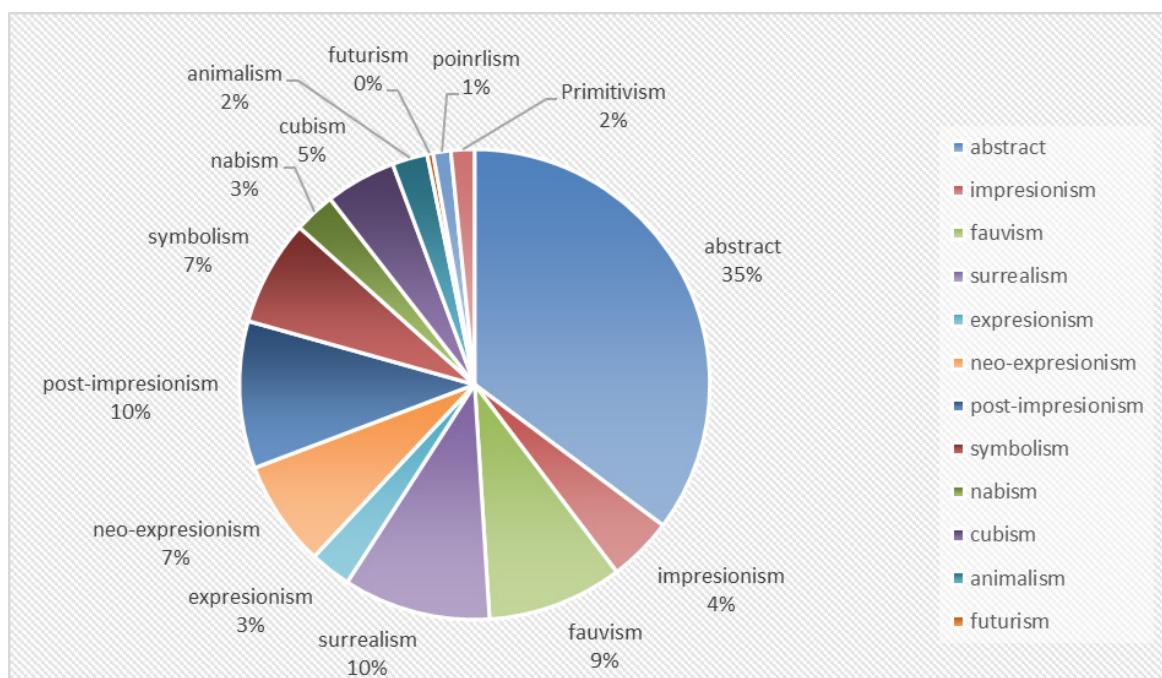

Fig. 9. Classification of Mongolian modern paintings in 2000–2009. Mongolian National Modern Art Gallery

Рис. 9. Классификация произведений монгольской современной живописи в 2000–2009 гг.,
Национальная галерея современного искусства Монголии

that it is reflected in his work. The works, which were considered by many people, were unique in that they distorted the image and symbolized the meaning and sexual symbolism. Impressionism also prevailed, and Allah Prima prevailed.

A total of 247 modern paintings were analyzed: abstract – 87, impressionism – 11, cubism – 12, fauvism – 23, surrealism – 25, expressionism – 7, neo-expressionism – 18, post-impressionism (synthetism, Pont Aven school) – 25, symbolism – 18, nabism – 7, animalism – 6, futurism – 1, pointilism – 3, primitivism – 4 (pic. 9).

In a study of modern paintings created between 2000 and 2009, 35%, or the highest flow, was abstract.

Conclusion

Mongolian modern art has developed a lot since the twentieth century and has become a major one. As researchers, we need to study modern painting and contemporary art in detail. Therefore, it is an important topic at the right time. The following results have been

obtained by studying the categories of modernism that are lacking in Mongolian art studies.

In modern paintings created in 1990–2000, abstract, post-impressionism and impressionism were more developed, while in 2000–2009, abstract, fauvism, surrealism, and symbolism were more developed. From here, Mongolian artists have created more abstract and symbolic paintings.

Before 1990, realism was widely produced, but since then, modernism has developed, and become a major trend.

An analysis of the evolution and classification of contemporary Mongolian art: the development of modern art, its history, and its conceptual classification was carried out. This is the first study to analyze the contemporary works in the collection of the Mongolian Art Gallery.

Finally, 224 paintings were analyzed and the category was formed. This was of great importance to the gallery, and it was an honorable work for the public to understand the art.

References

1. Everdell, W. (1917). Modernism. New York.
2. Read, G. (1933). Art now. Chicago.
3. Sonomseren, L. (1989). Mongolian fine art. Ulaanbaatar,

Список литературы

1. Эверделл В. Модернизм. – Нью-Йорк, 1917.
2. Рид Г. Искусство сейчас. – Чикаго, 1933.
3. Сономцерен Л. Монгольское изобразительное искусство. – Улан-Батор, 1989.

Информация об авторе

Түмүр-Очир Сэлэнгэ – аспирант Монгольского государственного педагогического университета, Улан-Батор, Монгольская Народная Республика.

Поступила в редакцию / Received 21.05.2021

Принята к публикации / Accepted 19.09.2021

Опубликована / Published 29.09.2021

Information about the author

Selenge Tumur-ochir – postgraduate student at Mongolian State University of Education, Ulaanbaatar, Mongolian People's Republic.

Лексико-семантические параллели якутской и теленгитской фольклорной прозы

DOI 10.31483/r-97936

УДК 398.2(=512.157)

Гоголева М.Т.^{1,a}, Тутукарова Л.С.^{2,b}¹ГБПОУ РС (Я) «Вилюйский педагогический колледж им. Н.Г. Чернышевского», Вилюйск, Российская Федерация.²МБОУ «1 Кюлетская СОШ им. П.А. Павлова» с. Усун муниципального района «Вилюйский улус (район)», Республика Саха (Якутия), Российская Федерация.^a <https://orcid.org/0000-0002-9685-4056>, e-mail: mtgogoleva@mail.ru^b <https://orcid.org/0000-0001-7265-057X>, e-mail: dolgunlyuda@mail.ru

Резюме: Интерес к теме исследования возник в результате изучения текстов фольклорной прозы якутов и теленгитов. Используемые методы исследования, а именно опора на научные труды, сбор фактов, сопоставительный анализ лексико-семантических параллелей, привели к интересным результатам. Выявленные образцы из фольклора народов, разделенных огромным расстоянием и самостоятельной историей развития, свидетельствуют о наличии общих корней. Легенды отражают особенности мировоззренческих представлений этносов, духовно-нравственные ценности, религиозные взгляды; при этом общность обнаруживается не только в лексико-семантическом плане, но и в композиционном строе подачи материала и синтаксисе текстов. Изменения совсем незначительные, например, в якутском варианте легенды «Спор» образ большого животного трансформирован в соответствии с реалиями арктической природы, так, верблюд превращается в лося. Тематический подход к рассмотрению примеров позволяет прийти к выводу о том, что больше всего совпадений приходится на тексты религиозно-бытового содержания. Отдельные примеры из ономастики также говорят о древних языковых контактах или свидетельствуют о миграционных процессах среди тюркоязычных этнических групп, что еще не получило должного освещения в исторической науке. В заключении статьи говорится о необходимости привлечения более обширного материала к сравнительно-историческому изучению явления. На основе осмысливания собранного материала высказывается предположение об устойчивости отдельных лексем и лексико-семантических конструкций при трансляции традиционных верований народа.

Ключевые слова: фольклор, параллели, лексические единицы, якутский, теленгитский, традиционные верования, соответствия, устойчивость, трансляция.

Для цитирования: Гоголева М.Т. Лексико-семантические параллели якутской и теленгитской фольклорной прозы / М.Т. Гоголева, Л.С. Тутукарова // Этническая культура. – 2021. – Т. 3. – С. 20-23. DOI:10.31483/r-97936.

Lexical and Semantic Parallels of Yakut and Telengit Folklore Prose

Marina T. Gogoleva^{1,a}, Lyudmila S. Tutukarova^{2,b}¹GBPEI RS (Ya) "Vilyuisk Professional Pedagogical College named after N.G. Chernyshevsky", Vilyuisk, Russian Federation.²MBEI "1 Kyuletsk secondary school", Usun, Vilyuisky District. Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation.^a <https://orcid.org/0000-0002-9685-4056>, e-mail: mtgogoleva@mail.ru
^b <https://orcid.org/0000-0001-7265-057X>, e-mail: dolgunlyuda@mail.ru

Abstract: Interest in the research topic arose as a result of studying the texts of folklore prose of the Yakuts and Telengits. Used methods, i.e. reliance on scientific works, collection of facts, comparative analysis of lexical-semantic parallels led to interesting results. The identified samples from the folklore of peoples separated by a huge distance and an independent history of development indicate the presence of common roots. Legends reflect the peculiarities of the ideological ideas of ethnic groups, spiritual and moral values, religious views; at the same time, commonality is found not only in the lexicosemantic plan, but also in the compositional structure of the presentation of the material and the syntax of texts. The changes are quite insignificant, for example, in the Yakut version of the legend «Dispute» the image of a large animal is transformed in accordance with the realities of the Arctic nature, for example, a camel turns into an elk. The thematic approach to the consideration of examples allows us to come to the conclusion that most of the coincidences fall on the texts of religious and everyday content. Some examples from onomastics also speak of ancient linguistic contacts or testify to migration processes among the Turkic-speaking ethnic groups, which have not yet received proper coverage in historical science. In the conclusion of the article, it is said about the need to attract more extensive material to the comparative historical study of the phenomenon. Based on the comprehension of the collected material, an assumption is made about the stability of individual lexemes and lexical-semantic constructions in the translation of the traditional beliefs of the people.

Keywords: folklore, parallels, lexical units, Yakut, Telengin, traditional beliefs, correspondences, stability, translation.

For citation: Gogoleva M.T., & Tutukarova L.S. (2021). Lexical and Semantic Parallels of Yakut and Telengit Folklore Prose. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(3), 20-23. (in Russ.). DOI:10.31483/r-97936.

Введение

В статье рассматриваются лексико-семантические параллели из якутской и теленгитской фольклорной прозы в сопоставительном ракурсе. В качестве материала для исследования привлечены тексты из фольклора якутов и теленгитов, а также схожие лексические единицы, обнаруженные в языках этих народов. Результаты

получены путем изучения трудов фольклористов и аутентичных текстов, собранных авторитетными учеными в местах постоянного проживания носителей языков. Тематический подход к подбору образцов фольклора подсказан путем наблюдения содержательной стороны. Использован также полевой материал авторов, собранный со слов известного сказителя Т.П. Гоголева.

Материалы проанализированы в сопоставлении как смыслового, так и лексического содержания, причем авторы задались вопросом, который в данном аспекте недостаточно освещен языковедами и фольклористами. Чем можно объяснить сходство и устойчивость отдельных языковых явлений и фактов, наблюдавшихся в процессе изолированного развития народов? Интересными в этом плане предстают лексико-семантические параллели из якутской и теленгитской фольклорной прозы. В целях сохранения презентативного материала тексты приведены в оригинале, статья написана на русском языке с образцами фольклорной прозы на якутском и теленгитском языках.

Накопление фактов позволило бы выявить особенности мировоззрения древних тюркских народов, сохранившихся в лексическом материале. Поскольку передача духовных ценностей происходит от поколения к поколению посредством устного словесного творчества, считаю целесообразным обращение к самому популярному жанру фольклора – преданиям и легендам.

Предания и легенды

Как известно, устное народное творчество отражает историю, традиционный уклад жизни, быт и менталитет народа, и, соответственно, весь потенциал в нем от пословиц и поговорок до эпических сказаний реализуется через разнообразие жанров. При этом структурно-семантическая завершенность, лексическая статичность фольклорного языка обеспечиваются законами жанра, благодаря чему и транслируются жизненно важные для конкретного этноса сведения и идеи.

Рассмотрим тексты легенд, имеющих общие корни в фольклоре якутов и теленгитов. Эти два народа разделены между собою не только тысячами километров расстояния, но и принадлежностью к различным языковым группам восточнохунинской ветви тюркских языков. По классификации Н.А. Баскакова, якутский язык относится к уйгурской группе, тогда как теленгитский входит в киргизско-кыпчакскую группу [1]. Кроме того, нет и конкретных сведений по историческим контактам этих народов, за исключением общих предположений относительно южной прародины якутов. Тем интереснее факты, полученные в результате сопоставления якутских легенд и материалов из монографии исследователя теленгитского фольклора К.В. Ядановой [4].

1. Спор между мышью и лосем – распространенный мотив в якутском фольклоре, присутствует и в жанре сказки и как мифологический рассказ.

Мөккүөр (Спор)

Күтүйах уонна тайах мөккүспүттэр: күн саһара тахсарын хайабыт урут көрөр дизэн. – Бэйэн кыран, хараынг кыараңа бэрт, эн урут көрүөн дуо, мин урут көрүөм буоллаңа дии, – дизбим тайах. – Унун атаххын, улахан хараххын олус эрнэмэ, хайа, мин эмиэ кылаттардаах буоллаңы дии, – дизэттээбит күтүйах.

Дээ кинилэр күн тахсарын манаабыттар. Тайах күн тахсар сирин, илин диехи, күлмэччи көрөн түрбүт. Күтүйах, күнтэн хараңа саатар буолан, төттөрү хайынан, арђаа диехи көрөн сүлпүт. Сотору сојус күтүйах ханытата ишилибит: – Мин урут көрдүм! Мин урут көрдүм!

Тайах итэбэйбэkkэ аргыйы эргилэн көрбүт. Көрбүтэ, кырдык, күн бастаан маска туңэн, мас төбөтүгээр дырибинээбит эбим. Күтүйах, хороо гына, тайах диехи хайыстын. – Чыын! Тайах, кыра диеэн сэнээбэт буол! – диеэн бааран, кулэ-кулэ, хорооонугар сылыпсыгыммыт [2, с. 61].

Лось и мышь спорили, кто из них первым увидит восход солнца. Лось говорит: «Где с твоим росточком и узкими глазками первой увидеть! Конечно же, я буду первым!» – «А ты не слишком надейся на свои длинные ноги и большие глаза, ведь и у меня есть чем смотреть!» – отвечает мышь. Повернулся лось в сторону восхода солнца и уставился выпученными глазами на восток. Мышка, от того что не выносила солнечный свет, улеглась головой на запад. Вскоре мышь закричала: «Я первой увидела! Я первой увидела!». Повернулся лось и видит, как первые лучи солнца уже играют на верхушках деревьев. Выпрямилась мышь и со смехом юркнула в нору: «Чип! Не пренебрегай маленьkim, лось!» (пер. с якут. яз. – Г.М.).

Удивительно, что в теленгитском фольклоре есть почти идентичный сюжет. Приводим краткий отрывок, где вместо лося выступает верблюд, возможно, более ранний герой в фольклоре алтайских тюрков.

Чычкан јылга киргени (Как мышь вошла в год). Рассказчик И.Т. Эремеев,

Мукур-Таркаты

Тöö лö чычкан ол... Чычкан: «Мен күнди осо кörörim!» – деп, тöö «Мен осо кörörim!» – деп экү маргышалала, танг эртен чычкан тесе күнбадыштон баштан јадалды, тööдинг öркёшине чыгала. Аナン чычкан кынкырыткан: «О-о, күнди мен кöрийдим!» – деп, тайганын башына тийкелен күнди кöрийеле... [4, с. 170].

Верблюд и мышь они... Мышь говорит: «Я раньше увижу солнце!», верблюд говорит: «Я раньше увижу!» – так вдвоем состязались. Рано утром мышь, взобравшись на горб верблюда, легла, повернувшись на запад. Верблюд же лег, повернувшись на восток. Потом мышь вскричала: «О-о, я увидела солнце!», увидев сияющие [лучи] солнца на вершине тайги [4, с. 171].

В приведенных текстах можно отметить лишь незначительное расхождение в деталях. Если в якутской сказке большому самонадеянному лосю противопоставлена маленькая остроумная мышка, то в теленгитском варианте верблюд и мышь общаются более тесно, верблюд позволяет мыши взобраться на горбик, тем самым приравниваются условия состязания. Мораль в этом случае на стороне более остроумного, находчивого соперника, неприметного внешне маленького зверька. На этих примерах видим, каким устойчивым бывает древний сюжет, если наполнен особым смысловым содержанием.

2. Волшебный камень – сата (с помощью этого камня можно управлять природными силами).

Текст. «Сата». Рассказчик М.Г. Наумовский, «Нахаринский наслег

Мегино-Кангаласского района, 1945 г.

«Сата» диеэн баар буолар унү үксүн: сүөнүгэ, сылгыга, кини туюх эрэ кыра, харангатыны күөх, сымыыт ангарын саңа. Мээчик курдук унгуоъа чэтизи унү, уччэйдик одуулан көрдөххө, кини сирэйин курдук сирэй, харахтаах буолар унү. Ону халлаангна көрдөххө, или күнгэ көрдөрдөххө, или ууга уктахха, халлаан сатарар, тымныйар, тыалланар, бууржаланар буолара унү уонна сорох ардыгар киниэхэ эмиэ баар дишлэрэ. «Саталаах кини» ууга баынын уктаына (куөлгэ, урэххэ, өрүскэ) халлаан эмиэ сатарар, дишлэрэ; ол туюхтан оннук буолалларын саха кэпсээчилэрэ кыайан бынаарбаттар этэ урут дафанды, билигин дафанды, таах ити курдук сатарар, тыалланар эрэ диеэн кэпсисиллэр [5, с. 86].

Чаще всего «сата» камень бывает: в теле скота, коней, он размером в половину яйца, цветом – темно-синий. На вид камень похож на мячик, сам легонький,

если внимательно взглянуться, то видно, что у него лицо и глаза как у человека. Если его показать небу или солнцу, сунуть в воду, то погода, по рассказам, портилась – холодало, начинал дуть ветер, наступала пурга. Иногда *сата* бывал и в человеке. Если человек с *сатой* совал голову в воду (озера, реки и реки), то тоже, по рассказам, портилась погода. Якутские рассказчики не могли пояснить, и в прошлом, и нынче, из-за чего это происходило, просто вот так говорили, что погода портилась, становилась ветreno [5, с. 264].

Теленгитский «Jада таш» (отрывок). Рассказчик М.В. Таханов, Ортолык

«*Jада таш* деп андый таш бар, тогыс кырту... Жоны табар кишиге табылар. Мный кörötурсан: кан-дый ла öни бар. Ойндо оны улус сугалан: «*Жадалап түрүс*» деп, яаадыр та ийер сууга суугала, салкындат та ийер, айасат та ийер... [4, с. 242].

Есть такой камень *жада*, девятивальный... Но его находит не каждый. Когда вот так смотришь: [у него] разные цвета [Потом] люди его прячут. Говоря: «управляем погодой», могут вызвать дождь, положив в воду, могут и ветер вызвать, и сделать погоду ясной... [4, с. 243].

Несмотря на то, что якутский *сата*-камень имеет реальную основу происхождения, это – безоар в желудках скота, народ наделяет *сата* волшебной силой так же, как и в теленгитской легенде. Теленгитский *жада* имеет более мифологические черты, чем *сата*: как девятивальная (не случайное число) форма, а также трудности в приобретении (находит его не каждый). Но общим для *сата* и *жада* является магическая сила в управлении погодой. В якутском языке есть производный глагол от слова *сата* – *сатарар*, то есть ухудшается погода: усиливается ветер, который приносит ненастье, дождь. Встречается также в составе парных слов: *сата-буурай* – буря, в переносном смысле – бурные дни. Все это говорит о том, что вера в магию *сата* идет из глубин веков и сохранилась в лексеме *сата*.

3. *Тыаллар* (ветры). Обожествление природных сил.

Тыаллар (ветры). Рассказчик Н.А. Парфенов, с. Кюн-дээ Сунтарского района, 1965 г. (в сокращении)

Айыы тыала илин дижиттэн кэлэр. Итингтэн туюх да кунаңан кэлбэт. Кунаңан тыал да, салгын да арбааттан кэлэр. Хотутттан айыыха кунаңан тыал кэлэр. Кини икки мизтирдээх (урдугэ. – Н.А.), сэдэх буолар. Кини курдук көрүнгнээх. Арбааттан балтараа миэтир урдуктээх кэлэр. Кини тобугуттан урдугэ эрэ көстөр. Кини курдук көрүнгнээх... [5, с. 87].

Ветер божество *айыы* приходит с восточной стороны. Он ничего худого не причиняет. Плохой ветер и воздух – оба приходят с запада.

С севера изредка приходит плохой ветер. Он имеет рост два метра. Внешне похож на человека. С запада является ветер ростом в полтора метра. Он похож на человека. Увидеть можно только верхнюю часть его тела, начиная с колен... [5, с. 265].

В характеристике религиозных верований якутов выделяются панпсихизм, анимизм. Природные явления, животный и растительный миры – вся окружающая действительность обладают качествами живых существ. В старину верили, что плохой ветер может и вовсе не быть природным явлением, а воплощением шаманского духа, который выполняет любые его поручения. До сих пор среди народа бытует поверье, что под видом *холорук* (вихря) перемещается злой дух, и горе тому, кого он преследует.

У теленгитов тоже Дух-хозяйка ветра предстает светлой женщиной (Салкын ээси – сары эмеең) [4, с. 226].

Больше всего поражает сходство рассказов-быличек про түүнектин ээлери (духов-хозяев вихря), подобных якутскому холоруку:

А түүнек, түүнек ол баса кошту кёрмөстү нeme. Түүнектен тегинде Чичке-Терек оосында көргөм мен. Ортосында ак-боро атту ак кийимдү киши бараатты.

А түүнек, түүнек тоже бывает с множеством нечистых духов. Раньше я видел вихрь в устье Чичке-Терек. Посредине ехал человек в белой одежде на бело-сером коне [4, с. 226, 227].

В якутском фольклоре тема небесного пространства, небожителей и земного ветра занимает центральное место. Помимо упорядоченного пантеона небесных покровителей, существуют многочисленные духи и существа, обитающие в противоположных сторонах неба. Вера в этих существа время от времени подкрепляется быличками о сверхъестественных существах. В начале 60-х годов прошлого века в селе Борогон Вилойского района Якутии жил молодой парень, Семенов Егор Михайлович. Про него земляки рассказывали, что он видел духа *холорук* (вихря). Вихри особенно досаждали на сенокосе, если случается, что прилетят *холорук*, то собранное за день сено редко остается нетронутым. Если Егор скажет: «Вот за эту копну упал дух *холорука!*» – вскоре оттуда столбом поднимается вихрь. На вопрос: «Что ты видишь там?» – он отвечал: «С небес падает түү мээчик, вроде детского самодельного мяча из шерсти» [Рассказчик Т.П. Гоголев, 1907 г. р., с. Борогон Вилойского района Якутской АССР, запись 07.08.1987 г.].

В лексемах *салгын* (салкын – теленгитское) *холорук*, *түүнек*, *түү* – также сохранились следы религиозных верований о духах природы.

4. *Бийык* – священный. Упоминание о священном дереве *ыйык мас*, жертвенной лошади-ыйык сылгы.

Значительное количество параллелей находим в лексических единицах, семантику которых в полной мере можно определить при взаимосвязанном изучении материалов. Таковы слова из теленгитского фольклора: *кам тыт* – священная лиственница, *jalama* – жертвенная ленточка, священная гора-ыйык, священное животное и др. Эти лексемы имеют параллели в якутском языке с теми же значениями: *ойуун тиитэ-ыйык мас*, *салама*, *ыйык хайа*, *ыйык сылгы* и др. Слово *Бийык* в якутском языке имеет два варианта: *ыйык* и *ыйык*. Первый вариант относится к фольклорному стилю, а вариант *ыйык* является общеупотребительным.

У теленгитов есть средство избавить коня от злого духа-алмыса: «Каждый раз алмысы изводят коня одного человека, загоняя в пот. Человек мажет спину коня kleem / смолой. Алмысы прилипают к коню; человек стегает их плетью» [4, с. 100].

В этнографическом описании якутского обряда *Быйык дабатты* (Посвящение коня в священное животное) есть такой отрывок: «Шаман берет жертвенную ложку-хамыйах и окропляет кумысом спину коня от макушки до хвоста, затем по направлению от левой лопатки до правой» [3, с. 86].

Причем это действие воспринимается как необходимая часть обряда посвящения, первоначальное значение которого сейчас сложно объяснить, но вполне можно допустить его охранную функцию от *абаасы* – аналога теленгитского *алмыс*. Созвучие этих лексем может быть не случайным, а результатом фонетической трансформации.

К сказанному можно добавить данные якутской ономастики: топонимы, антропонимы, которые имеют алтайские (теленгитские) аналоги:

Местность *Абыйым Бoom – Абыйский район Якутии*. Из различных вариантов семантики топонима *Абыйым Boom*, приведенных К.В. Ядановой, названию северного района Якутии *Абый* более соответствует значение: «Это... Метель, ветер, такое ненастье, кажется называют *Абыйым...*» [4, с. 35].

Чуйская долина, река *Чуя* – алаас *Чүүйэ* в Мегино-Кангаласском районе, семантика топонима не выявлена.

Село *Курая* – алаас *Куурайа* в Таттинском районе. В якутском языке нет слова *куурайа*, есть наречие со значением *кураайы* – засушливый, что перекликается с версией о древнетюркском происхождении лексем [4, с. 33].

Коши-Агач(ский район) – местность *Куонабас* в Усть-Алданском районе.

Имя Теленгитского шамана *Тыбыкы* – якутское имя жителя с. Борогон Вилюйского улуса Скрябина Афанасия Афанасьевича – *Тыбыкка*.

Здесь отметим, что семантика приведенных слов в полной мере не определяется в современном якутском языке. Например, значение слова *куонабас* утрачено, также как и антропонима *Тыбыкка*.

Заключение

Сопоставление параллелей из фольклорной лексики якутского и теленгинского народов подводит к выводу о том, что отдельные слова и выражения не подвергались изменениям в течение длительного периода этнической истории.

Устойчивость и избирательность средств фольклорного языка, возможно, обусловлены возложенной на них функцией сохранения традиционных взглядов этноса.

Параллели можно обнаружить и в других пластиках лексики, что требует привлечения более обширного материала и комплексного подхода к изучению языковых фактов.

Список литературы

1. Баскаков Н.А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1952. – Т. XI, вып. 2. – С. 121–134.
2. Сивцев Д.К. (Суорун Омоллоон). Полное собрание сочинений и трудов: в 14 т. Т. 10 / сост. С.А. Леонтьева; гл. ред. В.Н. Иванов. – Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2009. – 544 с.
3. Федоров Г.Е. Сказы у коновязи. Предания (на якут. яз.) / Г.Е. Федоров, Н.Ф. Егоров. – Якутск: Кн. изд-во, 1991. – 158 с.
4. Яданова К.В. Предания, легенды, былички теленгитов долины Эре-Чуй. – Горно-Алтайск, 2013. – 256 с.
5. Якутские мифы. Саха ёс номохторо / сост. Н.А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 2004. – 451 с.

References

1. Baskakov, N. A. (1952). K voprosu o klassifikatsii tiurkskikh iazykov. Izvestia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka, T. XI, vyp. 2, 121-134.
2. Sivtsev, D. K., & Ivanov, V. N. (2009). (Suorun Omolloon). Polnoe sobranie sochinenii i trudov: v 14 t. T. 10., 544. Leont'eva;; Iakutsk: Media-kholding "Iakutia".
3. Fedorov, G. E. (1991). Skazy u konoviazi. Predaniia (na iakut. iaz.), 158. Iakutsk: Kn. izd-vo.
4. Yadanova, K. V. (2013). Legends of the Telengits of the Valley Ere-Chui, 256, Gorno-Altaisk.
5. Alekseev, N. A. (2004). Iakutskie mify. Sakha os nomokhtoro., 451. Novosibirsk: Nauka.

Информация об авторах

Гоголова Марина Трофимовна – канд. пед. наук, преподаватель ГБПОУ РС (Я) «Вилюйский педагогический колледж им. Н.Г. Чернышевского», Вилюйск, Российская Федерация.
Тутукарова Людмила Степановна – учитель МБОУ «1 Кюлетьская СОШ им. П.А. Павлова» с. Усун муниципального района «Вилюйский улус (район)», Республика Саха (Якутия), Российская Федерация.

Information about authors

Gogoleva T. Marina – candidate of pedagogical sciences, lecturer at the GBPEI RS (Ya) "Vilyuisk Professional Pedagogical College named after N.G. Chernyshevsky", Vilyuisk, Russian Federation.
Tutukarova S. Lyudmila – teacher of the MBEI "1 Kyuletsk secondary school", Usun, Vilyuisky District, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 01.03.2021

Принята к публикации / Accepted 17.08.2021

Опубликована / Published 27.09.2021

Речь чебоксарцев в оценке приезжих – 2

DOI 10.31483/r-99408

УДК 811.161.1

Ерина Т.Н.^{1,a}, Фомин Э.В.^{2,b}¹ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация.²БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация.^a <https://orcid.org/0000-0002-3428-3534>, e-mail: tnerina@rambler.ru^b <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

Резюме: Исследование продолжает цикл работ авторского коллектива, посвященный проблеме регионального варьирования русского литературного языка. В работе анализируются наблюдения приезжих респондентов за речью жителей г. Чебоксары и агломерации. Данная методика является новой в лингвочебоксарике и по идеи должна помочь в пополнении маркеров чебоксарского региолекта элементами, которые постоянным жителям города представляются привычными, но с учетом норм русского литературного языка являются специфичными употреблениями. В результате исследования авторы приходят к следующим выводам: с точки зрения ортографии, речь чебоксарцев отличается устойчивыми своеобразными чертами, которые, впрочем, уже самими жителями города распознаются таковыми; в аспекте методики научных исследований метод беседы с приезжими может сработать в полной мере в начале исследований, на продвинутом этапе разработки проблемы его результативность падает, однако данное заключение не становится условием отказа от метода, но требует увеличения количества респондентов и усложнения беседы. В работе также представлены отдельные фрагменты бесед, отражающие качественные параметры речи чебоксарцев. Исследование представляется важным для понимания чебоксарского региолекта как феномена русского языка.

Ключевые слова: русский язык, чувашский язык, языковые контакты, чебоксарский региолект русского языка.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Чувашской Республики в рамках научного проекта №19-412-210001 р_а

Для цитирования: Ерина Т.Н. Речь чебоксарцев в оценке приезжих – 2 / Т.Н. Ерина, Э.В. Фомин // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, № 3. – С. 24-26. DOI:10.31483/r-99408.

Visitors' View on the Dialect of Cheboksary – 2

Tamara N. Erina^{1,a}, Eduard V. Fomin^{2,b}¹FSBEI of HE «I.N. Ulianov Chuvash State University», Cheboksary, Russian Federation.²BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture on Nationality and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.^a <https://orcid.org/0000-0002-3428-3534>, e-mail: tnerina@rambler.ru^b <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

Abstract: The research continues the cycle of the group of authors devoted to the problem of regional variation of the Russian literary language. The paper analyzes the observations of newcomers over the speech of Cheboksary residents. This technique is new in the linguocheboksaryka and, in theory, should help in replenishing the markers of the Cheboksary region with elements that are familiar to the permanent residents of the city, but from the point of view of the Russian literary language are specific uses. As a result of the study, the authors come to the following conclusions: from the point of view of orthography, the speech of Cheboksary residents is distinguished by stable peculiar features, which, however, are already recognized by the inhabitants of the city as such; in the aspect of research methods, the method of talking with visitors can work fully at the beginning of research, at an advanced stage of developing the problem, its effectiveness decreases, but this conclusion does not become a condition for abandoning the method, but requires an increase in the number of respondents and complication of the conversation. The work also presents excerpts from conversations that made Cheboksary residents think about the quality parameters of their speech and the speech of townspeople in general. The study seems to be important for understanding the Cheboksary regiolect of the region as a phenomenon of the Russian language.

Keywords: Russian language, Chuvash language, language contacts, Cheboksary regiolect of the Russian language.

Funding: The study was carried out with the financial support of the RFBR and the Chuvash Republic in the framework of the scientific project No. 19-412-210001 r_a.

For citation: Erina T.N., & Fomin E.V. (2021). Visitors' View on the Dialect of Cheboksary – 2. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(3), 24-26. (in Russ.). DOI:10.31483/r-99408.

Введение

Чебоксарский региолект – уникальное явление русского литературного языка. Он представляет собой результат специфичного освоения чувашами русского металекта, начинающего устойчиво воспроизводиться в обрусевшей чувашской среде с последующим утверждением его черт в речи местного русского населения. В

целом русский язык в Чебоксарах и агломерации мало чем отличается от общелитературного русского, однако в частностях своеобразных реализаций в нем достаточно для того, чтобы констатировать особый вид русского языка, существующий в условиях столицы Чувашской Республики [подробнее см.: 2; 4–7].

Методы

Исследование является расширенной версией одноименной работы [см.: 3]. Предыдущая публикация, согласно требованиям организаторов конференции, представлена в виде тезисов. Между тем проблема, как считают авторы, достойна быть изложенной в более развернутом виде: она предполагает обращение к новому методу в лингвочебоксарике – оценке речи сторонними наблюдателями. Данный подход, по сути, должен помочь в установлении необычных черт речи чебоксарцев.

Работа основана на результатах бесед с людьми, недавно переехавшими в Чувашию либо посетившими Республику краткими визитами. Респонденты представляют Москву, Кировскую, Костромскую, Нижегородскую, Пензенскую, Ульяновскую области, Республики Коми, Марий Эл, Татарстан и обучаются на разных факультетах Чувашского государственного университета и Чувашского государственного института культуры и искусств. Кроме того, в работе используются эпизоды из рассказов жителей Чебоксар о случаях из жизни, связанных с осознанием особости их речи.

Результаты исследования

Метод беседы с недавно переехавшими в Чебоксары респондентами, цель которого – выявить специфику речи местных жителей, на первый взгляд, многообещающей. Привычное в условиях Чебоксар может и не распознаваться как нестандартное, неуместное или, может быть, ошибочное даже специалистами, и только человек, представляющий другую область с иными речевыми традициями, может уловить своеобразное звучание инорегиональной русской речи.

Итак, в качестве особенности речи чебоксарцев респонденты, как правило, отмечают употребление постпозитивной частицы *-ка* в побудительном предложении: *Не толпиться-ка*; *Руку подай-ка*; *Подпишись-ка*. Согласно наблюдениям респондентов, она встречается при любых глаголах в речи как детей, так и взрослых, например: *ходи-ка*, *дай-ка*, *слуш-ка*, *идем-ка*, *пойдем-ка*, *не мешай-ка*, *отойди-ка*, *сделай-ка*. Маркер в функциональном плане безусловно возводится к чувашскому аналогу в виде частицы *-ха* 'пожалуйста; уже; же', высокочастотному в чувашской речи.

По наблюдениям респондентов, в речи жителей Чебоксар в вопросительных предложениях отмечается чуть ли не обязательное употребление частицы *что ли / что ль*: *Ты вчера на концерт ходил что ль?* *Перезвонил что ль?* *За проезд передали все что ль?* Как и в предыдущем случае, здесь наблюдается чувашское влияние. В нем востребовано оформление вопроса специальной частицей *-и*, *-им*, *-ии*, *-ши*.

Указанные выше маркеры, как следует из наблюдений респондентов, являются собой особенности чебоксарского региолекта.

Многолетняя работа исследовательской группы показала, что к методу беседы с иногородними респондентами необходимо было обратиться в самом начале исследований. Дело в том, что специальное исследовательское внимание уже давно позволило установить перечень чебоксаризмов, т. е. языковых единиц всех уровней, существующих в условиях чебоксарского региолекта. В концентрированном виде специфика чебоксарской речи передается в искусственно созданной фразе *Скажите-ка, у нас конференция завтра будет, что ль?* – в русском литературном языке соответствующая выражению *Скажите, пожалуйста, наша конференция будет завтра?*

Тем не менее беседы с респондентами по обозначенной теме необходимы для подтверждения уже выявленных специфичных черт, а также для обнаружения новых выразительных фраз. Кроме того, метод в редких случаях может помочь установить новые параметры, как это случилось, например, с обнаружением одной интересной черты в речи чебоксарцев, которую исследователи в условиях интроспективного анализа никогда бы не заметили: «В Чебоксарах при выборе конкретного пути из двух спросят: отсюда пойдем или отсюда? Между тем в Нижегородской области скажут: здесь пойдем или здесь?» (студент Чувашского государственного института культуры и искусств). Как и в большинстве случаев, наблюдаемый чебоксарский маркер сложился как субстратное явление под воздействием чувашского аналога, ср.: *кунтан каяр-и?* > отсюда пойдем ли? в значении по этой ли дороге? – а не с какой исходной точки начать движение.

Безусловно, метод беседы в дальнейшем будет работать на рефлексию респондентов и будет способствовать их лингвистическому самообразованию.

С точки зрения описания языковой специфики региона, интересным и важным, на наш взгляд, представляется анализ жизненного опыта жителей Чебоксар, заставивших их задуматься над своей инаковостью среди русских. Показателен такой пример. «Первоначально подшучивали надо мной, когда слышали, как я говорю по-русски без редуцирования гласных: *ч[а]сы, цв[э]ты*. В Чебоксарах так и говорят» (сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, выпускник Петербургского университета).

Или другой случай. «После завершения чебоксарской школы поехала поступать в Красноярский университет. Разместилась в общежитии. Захотелось поесть. Яйца, что ли, пожарить? Вышла в коридор и крикнула: «Люди, у кого есть сковородка?!..» Открылась дверь, высунулась голова и спросила: «Ты что, с Волги?» (сотрудница Национальной библиотеки Чувашской Республики).

Этот эпизод заставляет задуматься о широком ареальном варьировании русского языка, охватывающем большое число смежных регионов Поволжья. В частности, по какому признаку было определено, что человек с Волги? Скорее всего по интонации, поскольку текст респондента минимальный, и его явно недостаточно для подобного объективного заключения. Респондентами (иногородними студентами факультета искусств Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова) замечено, что чебоксарцы говорят с восходящей интонацией, создающей впечатление продолжения сказанного; проглатывают окончания, не делают пауз; их речь быстрая, беглая, звук достаточно высокий, полетный.

Можно предположить, что в интонации чебоксарцев есть некое общеволжское наслаждение. Его выявление предполагается в отдаленной перспективе, так как варьирование русского языка в Поволжье, за исключением Чебоксар, пока еще не изучается.

В восприятии сторонних наблюдателей чебоксарцы говорят иначе, нежели принято в литературном языке: «В аэропорту Чебоксар нас встретил водитель театра. Он говорил на особом говоре, непривычном для нас. Сын спросил: «Это и есть чувашский язык? Значит, мы его быстро выучим!»» (артистка Республиканского русского драматического театра).

В то же время в оценке самих жителей города их речь в полной мере соответствует литературной норме.

ме. Национальная библиотека Чувашской Республики к 550-летию Чебоксар составляла библиографический указатель публикаций о столице Чувашской Республики. Предложение исследователей чебоксарского региолекта включить в него лингвистический раздел сотрудниками библиотеки не было понято: как это – чебоксарцы говорят по-русски иначе, нежели москвичи или петербуржцы?

Другой выразительный случай касается популярной нормы чебоксарского региолекта: «Летом поехала в Москву. Села в маршрутное такси. Приблизилась моя остановка. Крикнула водителю: «На следующей остановке оставьте!» На меня так посмотрели...» (студентка Чебоксарского музыкального училища).

Фраза *Оставьте на следующей остановке* – «речевой памятник» чебоксарскому региолекту, его квинтэссенция [1] (собственно, с фиксации данной фразы и началось изучение чебоксарского региолекта). Просьба к студентам Краснодарского государственного института культуры сформулировать требование об остановке такси (*Остановите на следующей остановке*) по-чебоксарски завершилась безрезультатно. В их речевой

практике остановить и оставить – глаголы, семантически не пересекающиеся.

Выводы

Традиционное включенное наблюдение, думается, исходно позволило в полной мере установить лингвистические константы чебоксарского региолекта русского языка. В этом случае метод беседы с иногородними респондентами является вспомогательным инструментом, дополнительно подтверждающим уже обнаруженные маркеры. В то же время, как полагают авторы, он может стать ценным источником новых наблюдений за явлениями неочевидными даже для местных лингвистов. В идеале при изучении регионального варьирования языка включенное наблюдение необходимо сочетать с интервьюированием приезжих.

Важным для целостного описания региолектов представляется также фиксация и анализ ярких эпизодов из жизни респондентов, связанных с осознанным восприятием речевой практики: кроме собственно научного назначения они имеют культурный и социальный смыслы.

Список литературы

1. Алос-и-Фонт Э. О региолекте Чебоксар (на основе просьбы об остановке в маршрутных такси) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковleva. – 2018. – №1. – С. 10–18.
2. Анисимова И.Н. Некоторые лексические особенности функционирования русского языка в Чувашии // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. – Казань, 2016. – С. 9–11.
3. Ерина Т.Н. Речь чебоксарцев в оценке приезжих // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении. – Симферополь, 2020. – С. 60–62.
4. Романова Т.Н. Неофициальные урбанонимы городов Чебоксары и Новочебоксарск // Ашмаринские чтения. – 2019. – С. 49–51.
5. Фомин Э.В. Маркеры чебоксарского региолекта русского языка / Э.В. Фомин, Т.Н. Ерина // Ашмаринские чтения. – Чебоксары, 2019. – С. 59–61.
6. Фомин Э.В. Варьирование русского языка в условиях инонационального региона: чебоксарский региолект // Коми-пермяцкий язык и культура: прошлое, настоящее, будущее. – Пермь, 2015. – С. 21–27.
7. Erina T.N. Russian language in modern conditions: Cheboksary regiolect / T.N. Erina, E.V. Fomin // European proceedings of social and behavioural sciences. – 2020. – Vol. 92. – P. 315–322.

References

1. Alos i Font H. (2018). On the Shupashkar regiolect (based on requests for stops in minibus taxis). I. Yakovlev Chuvash state pedagogical university bulletin, 1, 10-18. (in Russ.).
2. Anisimova, I. N. (2016). Nekotorye leksicheskie osobennosti funktsionirovaniia russkogo iazyka v Chuvashii. Nauchnoe nasledie V.A. Bogoroditskogo i sovremennyi vektor issledovaniia Kazanskoi lingvisticheskoi shkoly, 9-11. Kazan'.
3. Erina, T. N. (2020). Rech' cheboksartsev v otsenke priezzhikh. Mezhkul'turnye kommunikatsii, 60-62. Simferopol'.
4. Romanova, T. N. (2019). Neofitsial'nye urbanonimy gorodov Cheboksary i Novocheboksarsk. Ashmarinskie chteniia, S. 49.
5. Fomin, E. V., & Erina, T. N. (2019). Markery cheboksarskogo regiolektu russkogo iazyka. Ashmarinskie chteniia, 59-61. Cheboksary.
6. Fomin, E. V. (2015). Var'iowanie russkogo iazyka v usloviiakh inonatsional'nogo regiona: cheboksarskii regiolekt. Komi-permiatskii iazyk i kul'tura, 21-27. Perm'.
7. Erina, T. N., & Fomin, E. V. (2020). Russian language in modern conditions: Cheboksary regiolect. European proceedings of social and behavioural sciences, Vol. 92, 315.

Информация об авторах

Ерина Тамара Николаевна – канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация.
Фомин Эдуард Валентинович – канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация.

Information about authors

Tamara N. Erina – candidate of philological sciences, associate professor of FSBEI of HE «I.N. Ulianov Chuvash State University», Cheboksary, Russian Federation.
Eduard V. Fomin – candidate of philology, associate professor of the Department Humanitarian and Social-Economic Disciplines of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture on Nationality and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 13.08.2021

Принята к публикации / Accepted 21.09.2021

Опубликована / Published 28.09.2021

Языкоzнание Урало-Поволжья в лицах: Халиль Ачыкгёз

DOI 10.31483/r-99399

УДК 811.511.11

Тагирова Ф.И.

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российской Федерации.

<https://orcid.org/0000-0002-4081-6456>, e-mail: feride2412@mail.ru

Резюме: Работа посвящена описанию жизнедеятельности турецкого ученого-языковеда Х. Ачыкгёза. Его научные интересы впервые в истории турецкой науки были обращены на финно-угорские народы Урало-Поволжского региона России – марийцев и удмуртов. *Методы.* Работа написана в жанре очерка, многие эпизоды которого обусловлены воспоминаниями автора об ученом. *Результаты.* Изложенный материал может быть использован при составлении биобиблиографических указателей и баз данных в области исследования тюркских и финно-угорских языков Урало-Поволжья. *Обсуждение.* Как ученьи Х. Ачыкгёз имел широкий круг научных интересов и системные знания в самых различных областях: в сфере современной лингвистики и письменных памятников, средневековой классической поэзии и искусства в целом. В Турции он, преподаватель Стамбульского университета, известен как филолог в его подлинном смысле. В Татарстане его знали как тюрколога, однако об истинных масштабах его научных интересов мало кто имел представление. В Марий Эл и Удмуртии его особо узнать не успели, за исключением узкого круга ученых. Данная работа полезна тем, что проливает свет на его деятельность в сфере финно-угроведения, которая до сих пор остается в тени. Широкому кругу ученых как в России, так и за ее пределами до сих пор неизвестно, что Х. Ачыкгёз занимался теоретическим и практическим изучением финно-угорских языков, составлением марийско-турецкого словаря и переводом словаря татарских и башкирских заимствований в марийском языке Н.И. Исанбаева.

Ключевые слова: тюркология, финно-угроведение, марийский язык, удмуртский язык, лексикография.

Для цитирования: Тагирова Ф.И. Языкоzнание Урало-Поволжья в лицах: Халиль Ачыкгёз // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, № 3. – С. 27-31. DOI:10.31483/r-99399.

Persons in Linguistics of the Ural-Volga Region: Halil Açıköz

Feride I. Tagirova

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-4081-6456>, e-mail: feride2412@mail.ru

Abstract: The work is devoted to the description of the life of the Turkish linguist H. Çıkgöz. For the first time in the history of Turkish science his scientific interests were directed to the Finno-Ugric peoples of the Ural-Volga region of Russia – the Mari and Udmurts. *Methods.* The work is written in the genre of an essay, many episodes of which are due to the author's memories of the scientist. *Results.* The presented material can be used in the compilation of bio-bibliographic indexes and databases in the field of the study of the Turkic and Finno-Ugric languages of the Ural-Volga region. *Discussion.* As a scientist H. Açıköz had a wide range of scientific interests and systemic knowledge in various fields: in the field of modern linguistics and written monuments, medieval classical poetry and art in general. In Turkey he was a lecturer at Istanbul University, known as a philologist in his true sense. In Tatarstan he was known as a Türkologist, but few had any idea of the true scope of his scientific interests. In Mari El and Udmurtia they did not have time to recognize him, with the exception of a narrow circle of scientists. This work is useful in that it sheds light on his activities in the field of Finno-Ugric studies, which still remain in the shadows. A wide circle of scholars, both in Russia and abroad, still do not know that H. Açıköz was engaged in theoretical and practical study of the Finno-Ugric languages, compilation of the Mari-Turkish dictionary and translation of the dictionary of Tatar and Bashkir borrowings in the Mari language of N.I. Isanbaev.

Keywords: Turkic studies, Finno-Ugric studies, Mari language, Udmurt language, lexicography.

For citation: Tagirova F.I. (2021). Persons in Linguistics of the Ural-Volga Region: Halil Açıköz. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(3), 27-31. (in Russ.). DOI:10.31483/r-99399.

Введение

Языки и культура тюркских народов России достаточно давно стали объектом научных исследований турецких ученых, см., например: [5; 14–19]. Особенно их изучение усилилось на рубеже XX–XXI вв. Более того, в сферу научных интересов турецкой стороны были введены финно-угорские языки Урало-Поволжья, испытавшие значительное тюркское влияние.

Ярким представителем турецкой лингвистики, занимавшимся проблематикой языковых контактов урало-поволжского региона, является Халиль Ачыкгёз.

Методы

Работа написана в жанре очерка. Она продолжает специальный цикл журнала «Этническая культу-

ра», посвященный анализу жизнедеятельности ученых [см.: 10]. Многие эпизоды настоящей публикации обусловлены личными воспоминаниями автора о Х. Ачыкгёзе. Изложенный материал может быть использован при составлении биобиблиографических указателей и баз данных исследователей тюркских и финно-угорских языков урало-поволжского региона.

Результаты исследования

Халиль Ачыкгёз (Halil Açıköz) – известный во всем тюркском мире языковед и литературовед. Ученый родился 1 декабря 1952 г. в с. Османджик района Тургутлу провинции Маниса, Республика Турция. В творческой деятельности пользовался псевдонимом Халил Ага. Выпускник начальной школы с. Османджик

(1965), средней школы Тургутлу (1972), отделения турецкого языка и литературы факультета литературы Стамбульского университета (1977). Дипломная работа – «Общественно-научные сочинения Фуата Кёпрюлю в журналах «Хаят» и «Ульюк» (Fuat Köprülü'nün Hayat ve Ülkü Mescitularındaki Fikri İştima Yazılıları). С 1977 г. параллельно с учебой в докторантуре Х. Ачыкгёз работал учителем литературы в средних школах Стамбула, с 1983 г. преподавал турецкий язык на кафедре турецкого языка Стамбульского университета.

Область его научных интересов – древние периоды развития тюркских языков и, в частности, турецкого, тюркские диалекты и говоры. Ученый также занимался проблематикой фольклора, литературы, искусства, науки и интеллектуальной жизни тюркских и других народов Евразии. Помимо этого, Х. Ачыкгёз проводил исследования в области методики преподавания турецкого языка.

Им созданы турецкие шрифты для транскрипции, используемые в компьютерах системы IBM, кириллические шрифты для тюркских языков и диалектов, шрифты османского арабско-персидского, уйгурского, монгольского и гёктюркского алфавитов. Кроме того, Х. Ачыкгёзом написаны макропрограммы для транскрипции кириллических текстов, используемых в турецких диалектах и говорах, на турецкий латинский алфавит. С 1983 по 1998 гг. работал в Фонде исследований тюркского мира. Ученый является организатором многих конгрессов и научных встреч.

Писательскую карьеру Х. Ачыкгёз начал в 1969 г. Первоначально это были стихи, рассказы, которые публиковались в газете «Yeni Turgutlu» (Новый Тургутлу). Его труды и исследования с 1983 г. печатались в таких изданиях, как «Tercuman» (Переводчик), «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten» (Ежегодный бюллетень исследований тюркских языков), «Türk Dünyası Araştırmaları» (Исследования тюркского мира), «Türk Dünyası Tarih Dergisi» (Журнал истории тюркского мира). «Yahya Kemal Enstitüsü Mescmuası» (Журнал Института Яхы Кемала), «Türk Edebiyatı» (Турецкая литература), «Azerbaycan Türkleri» (Тюрки Азербайджана), «İÜ Edebiyat Fakültesi Türk Dili Ve Edebiyatı Dergisi» (Журнал турецкого языка и литературы факультета литературы Стамбульского университета), «Doğu Edebiyat» (Литература Догуш), «Töre» (Обычай), «Kubbealtı» (Под куполом), «Denizin Sesi» (Голос моря), «Yeni Türkiye» (Новая Турция), «Image of Turkey» и др. Работал сценаристом, копирайтером и консультантом в программах TRT и некоторых частных телеканалов.

Х. Ачыкгёз скончался 25 ноября 2019 г. в Стамбуле. Его похоронили на следующий день на его родине – в поселке Тургутлу провинции Маниса после полуденной поминальной молитвы в стамбульской мечети Меркезэфенди (Merkezefendi camii).

Некоторые труды ученого: «Базовый турецкий словарь» (Temel Türkçe Sözlük I-IV, 1985), «Принципы, которым следует следовать в статьях научных исследований» (İlmî Araştırma Yazılarda Uyulacak Esaslar, 1988), «Огузская страна Азербайджан» (Oğuz Eli Azerbaycan, 1989), «Туркестанская страна Узбекистан» (Türkistan

İllerinden Özbekistan, 1990), «Букварь для тюркского мира (Чтение. Письмо)» (in coautorstve) (Türk Dünyası İçin Alfabe (Okuma Yazma Kitabı), 1992), «Тюркские народы от Урала до Алтая / От Алтая до Саха» (Urallar'dan Altaylar'a / Altaylar'dan Sakalar'a Türk Toplulukları, 1992), «Беседы с Джемилем Меричем» (Cemil Meriç İle Sohbetler, 1993), «Татарско-турецкий словарь» в соавторстве с Р. Г. Ахметьяновым (Tatarca Türkçe Sözlük, 1997), «Статьи» (Makaleler, 2002), «Ашуг Дерьями. Жизнь и его стихи» (Aşık Deryami ve Şiirleri, 2002).

Ученым на литературоведческой стезе подготовлены к публикации следующие издания: «Сборник рассказов» С. Пеями (Bütün Hikâyele, 1980), «Теории национальности и национальная жизнь» М. Изета (Milliyet Nazariyeleri ve Millî Hayat, 1981), «Жизнь и стихи Ашика Дерьями» (Aşık Deryamî Hayatı ve Şiirleri, 1987), «Эпическая поэтика» К. Велиева (Destan Poetikası, 1989), «Сказки моей матери» А. Джадаферзаде (в соавторстве) (Anamın Masalları, 1990), «Литература тюркского мира – I» (Türk Dünyası Edebiyatı I, 1991), «Свобода и демократия» Э. Эльчибяя (Azatlık ve Demokrasi, 1993), «В свободе» А. Полата (Azatlıkta, 1995), «Азербайджанские байты» в соавторстве с Г. Караагачем (Azerbaycan Bayatıları, 1998), «Священник из Динейри» (Dineyri Papazı, 2001) и «Древо милосердия, растущее в пустыне» С. Эрол (Çölde Biten Rahmet Ağacı, 2001), «Статьи» (Makaleler, 2002) и «Рассказы» того же автора (Hikâyeler, 2002) и др.

Исклучительная любознательность и трудолюбие, удивительная работоспособность позволили ему сформировать системные знания в самых различных областях. Х. Ачыкгёз интересовался письменными памятниками и современной лингвистикой, историей искусства и средневековой классической поэзией. Еще ему было свойственно желание во все вникнуть и во всем разобраться самому, а не получить готовые сведения из вторых рук. Любое готовое суждение, любое чужое мнение он старался воспринимать исключительно сквозь призму критики, отстраненного объективного анализа. Это качество присуще только настоящему ученому, который ничего не берет на веру, для которого нет авторитетов в науке, есть толькостина. Это не значит, что Х. Ачыкгёзу ничего не нравилось. Он мог долго и с восхищением говорить о какой-нибудь никому не известной безвестного ученого, если они того заслуживали.

Он был очень общительным, легким на подъем. Всем известно, что дом Х. Ачыкгёза был открыт всегда и практически для всех. Он был гостеприимным и щедрым, хотя сам всегда жил очень скромно. У него было очень много друзей, причем не только в Турции, но и во всем мире, от Америки до Японии, от Голландии до Средней Азии. Среди его друзей были известные писатели, поэты, философы, ученые, бизнесмены, дипломаты. К друзьям он относился с большой теплотой, был очень легок в общении, обладал тонким чувством юмора. При этом у него не было желания кому-то понравиться или навязаться в друзья, наладить связи в высших кругах, воспользоваться знакомством для своего продвижения. Как раз наоборот, это все остальные стремились познакомиться с ним вживую, так как заочно

его и так знали все в Турции и далеко за ее пределами. Многие, особенно молодежь, пользовались (зачастую и злоупотребляли) его знаниями, опытом, даже гостеприимством, при этом не всегда с благодарностью. Он никого не сердился и никого не ругал. Просто иногда, при упоминании некоторых имен, у него грустнели глаза, и он старался переменить тему разговора.

О его деятельности в «Фонде исследований тюркского мира», работе в качестве редактора журнала «Türk Dünyası Araştırmaları Dergisi» («Журнал исследований тюркского мира»), преподавании в Стамбульском университете и о его деятельности в Турции в целом уже написано немало [20]. О его исключительно теплом отношении к Татарстану и сотрудничестве с татарскими учеными свидетельствуют результаты его работы [9; 12]. Поэтому нам бы хотелось обратить внимание на другие его интересы – на исследования, о которых слышали многие, но знали только близкие друзья.

Начиная с 2009 г. он довольно плотно и серьезно занимался финно-угорскими языками, в основном – марийским. Как всегда, он подошел к делу с присущей ему увлеченностью, энтузиазмом и систематичностью. Начал с изучения разговорного языка и накопления текстов, одновременно стремился собрать как можно больше теоретической литературы. Порой его удручали некоторые обстоятельства, например, нехватка носителей марийского языка, особенно в городской местности, и литературы на марийском языке. Несколько раз он ездил в Марий Эл специально для языковой практики.

А вскоре ученый занялся составлением марийско-турецкого словаря. Эта большая работа поглотила его полностью. Основой для марийского словника словаря стал «Словарь марийского языка» в десяти томах, подготовленный Мариийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории изданный в Йошкар-Оле в 1990–2005 гг. [8]. Хотя на первых порах он ощущал острую нехватку в словарях, так как тогда еще не все источники были размещены в сети Интернет в открытом доступе. Поэтому для сбора материала в дело шли все сколько-нибудь разумные источники, начиная от школьных учебников, разговорников, тематических словарей, заканчивая теоретическими трудами финно-угроведов. Многие работы, интересовавшие его, были напечатаны в 1990 г. или еще раньше на некачественной бумаге с множеством опечаток, позднее не переиздавались, плохо копировались и сканировались. Он сразу обнаруживал ошибки и недостатки в источниках, которыми пользовался. Поэтому не просто переводил слово в слово, а как истинный лексикограф искал, сравнивал, противопоставлял с материалом других словарей, систематизировал, писал критические замечания по лексикографической части, пояснения по этимологии, комментарии к словарю.

Он был опытным лексикографом. К тому времени, когда приступил к марийско-турецкому словарю, он уже имел за спиной опыт составления татарско-турецкого и турецко-татарского, чувашско-турецкого и других словарей, не считая словарей турецкого языка. И вообще, его научная карьера началась, по его собственным словам, чуть ли не на первом курсе университета, когда

он добровольно помогал составителям толкового словаря турецкого языка, составляя конкорданс одной книги, для чего он вручную выписывал примеры из книги на специальные карточки. Поэтому он знал труд лексикографа изнутри, любил в этой работе точность, аккуратность, системный подход.

Он был в числе чуть ли не первых ученых в Турции, кто начал пользоваться компьютером. Среди ученых и всех, кто его знал, ходили легенды о его богатейшей библиотеке, в которой было все, начиная с оригиналов средневековых рукописей, заканчивая современными изданиями на всех языках мира. Но мало кто знает, что у него была электронная библиотека, которую он пополнял практически ежедневно. Многие материалы для исследований по финно-угорским языкам он находил в сети интернет, особенно в последние годы. А иногда находил только названия, по которым нам приходилось искать реальные книги.

При работе над марийско-турецким словарем Х. Ачыкгээ обнаруживал интересные лексические единицы и для теоретического анализа. Так в итоге родились несколько докладов, представленных впоследствии на международных конференциях и опубликованных в сборниках, например: [1–3].

Он был чрезвычайно увлечен всем, что касалось его финно-угорских интересов. Всем, кто спрашивал ученого о делах, он тут же начинал рассказывать, что изучает марийский язык. Само собой, сразу ссыпалась вопросы: что это за язык? кто такие марийцы? где они живут? почему именно марийский? Он с удовольствием начинал объяснять. Любил при этом поговорить по-марийски. Приводил интересные примеры, подобные тому, как жители одной марийской деревни написали письмо султану Османской империи, которое и сейчас хранится в государственном архиве Республики Турция.

Мне так до сих пор и не ясны мотивы, побудившие его заняться именно марийским языком. Возможно, не самую последнюю роль здесь сыграло знакомство с Н.И. Исанбаевым, занимавшимся марийско-турецкими языковыми контактами [7, с. 148–156]. Х. Ачыкгээ к его работам относился с большим уважением, хотя это не мешало ему находить в них спорные моменты. Скорее всего, ему просто понравилась идея исследования языка, который до него не только не исследовал ни один турецкий ученый, но даже редко кто в Турции слышал о существовании такого языка.

Параллельно с марийским он углублял знакомство с удмуртским языком и предпринял несколько поездок в Удмуртию, в основном для участия в научных конференциях. Во время таких поездок официальных и неофициальных встречах, организованных в Удмуртском государственном университете, Удмуртском институте истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук он познакомился с рядом известных ученых. Особенным в этом плане для него стала конференция «Языковой союз Волго-Камья», посвященная 85-летию доктора филологических наук профессора И.В. Тараканова 2 июля 2013 г. Здесь он довольно близко смог пообщаться не только с самим ученым, с трудами которого к этому времени он уже

был знаком, но и с профессором Удмуртского университета В.К. Кельмаковым, профессором Марийского государственного университета А.Н. Куклиным и др. В кулуарах не только обсуждали доклад Х. Ачыкгёза «О значении слова «элькун» в словосочетании «Удмурт Элькун», но и строили планы на будущее. Говорили о том, что для марийско-турецкого словаря не найти научного редактора лучше А.Н. Куклина, с чем он, Куклин, в принципе соглашался. К сожалению, болезни и смерть сначала одного из них, потом другого не позволила достичь марийский проект до логического завершения.

Составление марийского словаря велось параллельно со многими другими делами, весьма далекими от проблем финно-угроведения. Это и преподавание в Стамбульском университете, и участие в конференциях различного уровня в России [2; 4; 11–13], и подготовка нескольких изданий книги о знаменитом писателе и философе, его учителе и друге Джемиле Мериче (Cemil Meriç), и работа над объемной статьей о первой турецкой писательнице-романистке Сафие Эрол (Safiye Erol) вкупе с подготовкой ее книги к печати, и проведение лекций по теории языка в Фонде образования, культуры и здоровья имени Дженана (Cenan Eğitim, Kültür ve Sağlık Vakfı). Только человек с работоспособностью Х. Ачыкгёза мог все это успевать одновременно.

Несмотря на такую загруженность, составление марийско-турецкого словаря практически было завершено уже несколько лет назад. Об объеме готового словаря можно только догадываться – мало кто видел его окончательный вариант. Он приступил к его редактированию и значительно продвинулся в этом деле. Он был очень требователен и принципилен во всем и ко всему, к своей работе особенно. Не раз с татарскими коллегами обсуждалась судьба этого словаря: как и где его публиковать, в каком виде? Он планировал широкое предисловие или большую вводную часть, грамматический очерк

или что-либо в этом роде. Актуального материала у него накопилось не меньше, чем на один том. Я советовала быстрее опубликовать работу. Он почему-то медлил, в чем-то сомневался, считал ее незавершенной. К тому же одновременно он приступил к переводу словаря татарских и башкирских заимствований в марийском языке Н.И. Исанбаева [6]. Он и при составлении своего словаря опирался на эту работу, считая, что без нее никак не обойтись. Позднее он вовсе пришел к твердому выводу, что эти две работы должны быть изданы одновременно, что они дополняют друг друга.

Известно, что дети Халиля Ачыкгёза с большим уважением и пониманием относились к его работе. Все его исследования, завершенные и незавершенные, все материалы, словом, весь его архив сохранен ими. Надеемся, в будущем они смогут окончательно реализовать его план, опубликовав две последние работы своего отца, которые вносят серьезный вклад в исследование тюркско-финно-угорских языковых контактов с одной стороны и в лексикографию – с другой. Учитывая тот факт, что никто из турецких ученых до Халиля Ачыкгёза не занимался целенаправленно изучением марийского и удмуртского языков, их лексики, этимологии и грамматического строя, не предпринимал попыток составления словаря такого масштаба, можно смело утверждать, что он сыграл роль первопроходца и положил начало подобным исследованиям в Турции.

Выходы

Х. Ачыкгёз является первым турецким ученым, обратившим внимание на языки финно-угорских народов России. В частности, им составлен марийский словарь, переведен на турецкий язык словарь татаризмов и башкиризмов Н.И. Исанбаева. В круге научных интересов турецкого ученого также значится удмуртский язык.

Список литературы

1. Ачыкгёз Х. Народные поверья, связанные с поиском пропавшего домашнего животного // Языки, литература и культура народов полиглottического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития). – Йошкар-Ола, 2011. – С. 302–311.
2. Ачыкгёз Х. Проблемы терминологии сложных глаголов в турецком языке // Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций. – СПб., 2009. – С. 378–379.
3. Ачыкгёз Х. Соотношение корней «погын» в марийском и «bokun» в древнетюркском // Языковые контакты народов Поволжья – X: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики. – Ижевск, 2017. – С. 388–397.
4. Ачыкгоз Х. Выражение «(A)R1K1UY1» в памятнике Билге Тоньюокук // Казань и Алтайская цивилизация. – Казань: Алма-Лит, 2007. – С. 4–5.
5. Дегтярев Г.А. Турецкий дискурс в парадигме зарубежного чувашеведения // Чувашский гуманитарный вестник. – 2013. – №8. – С. 62–92.
6. Исанбаев Н.И. Словарь татарских и башкирских заимствований. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. – 173 с.
7. Марийские лингвисты: библиографический сборник. – Йошкар-Ола, 2005. – 283 с.
8. Словарь марийского языка: в 10 т. / Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1990–2005.
9. Татарча-төрекчә сүзлек. – Казан, Мәскәү: Инсан, 1997. – 496 б.
10. Фомин Э.В. Современное зарубежное чувашеведение: Мелинда Такач // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, № 1. – С. 22–25. – ISSN 2713-1688. doi:10.31483/r-97771
11. Açıkgöz H. İdil-Ural Havzasında Alp Batır Tipi Düşünümü // Актуальные проблемы фольклористики. – Казань: Алма-Лит, 2009. – С. 35–39.
12. Açıkgöz H. Tukay Şiirinde Türkiye // Наследие и национально-культурные связи Габдуллы Тукая. – Kazan, 2011. – В. 58–63.

13. Açıkgöz H. Türk Kitap Sanatlarından Ebru // Тюрокоязычна книга: наследие веков. – Казань, 2012. – С. 130–138.
14. Alkaya E. Kreşin Tatar Türkçesi (Dil. Tarih. Kültür). – İstanbul: Kesit yayınları, 2018. – 670 s.
15. Alkaya E. Sibirya Tatar Türkçesi. – Ankara: Turkish Stadies, 2008. – 592 s.
16. Maraş İ. Tatar Ceditçiliği ve maturidilik Algısı // Uluslararası Maturidilik Sempozyumu Bildirileri. – Ankara: Hoca Ahmet Yesevî Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi, 2018. – С. 431–440.
17. Öner M. Bugünkü Kıpçak Türkçesi (Tatar, Kazak ve Kırgız Lehçeleri Karşılaştırmalı Grameri). – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1998. – 270 s.
18. Öner M. Tatarlarda Sözlük ve Kimlik // Источники и исследования по истории татарского народа. – Казань: Казанский государственный университет, 2006. – С. 288–296.
19. Temir A. Tatarcada ses uyumu ve bazı imla meseleleri // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Т. 1. – Казань, 1992. – С. 230–232.
20. Tunali Y. Açıkgöz 'Halil Ağa'. Tarihistan – Erişim modu [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tarihistan.org/yazarlar/a-yagmur-tunali/acikgoz-halil-agag> (tedavi tarihi: 21.09.2020).

References

1. Achykgioz, Kh. (2011). Narodnye pover'ia, sviazannye s poiskom propavshego domashnego zhivotnogo. Iazyki, literatura i kul'tura narodov polietnicheskogo Uralo-Povelzh'ia (sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia), 302-311. Ioshkar-Ola.
2. Achykgioz, Kh. (2009). Problemy terminologii slozhnykh glagolov v turetskom iazyke. Vostokovedenie i afrikanistika v dialoge tsivilizatsii, 378-379. SPb.
3. Achykgioz, Kh. (2017). Sootnoshenie kornei "pogyn" v mariiskom i "bokun" v drevneturkskom. Iazykovye kontakty narodov Povelzh'ia, 388-397. Izhevsk.
4. Achykgioz, Kh. (2007). Vyrazhenie "(A)R1K1UY1" v pamiatnike Bilge Ton'iukuk. Kazan' i Altaiskaia tsivilizatsiia, 4-5. Kazan': Alma-Lit.
5. Degtyarev G. A. (2013). Turkish discourse in the paradigm of foreign Chuvash studies. Chuvash humanitarian bulletin, 8, 62-92. (in Russ.).
6. Isanbaev, N. I. (1989). Slovar' tatarskikh i bashkirskikh zaimstvovanii., 173. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo.
7. (2005). Mariiskie lingvisty., 283. Ioshkar-Ola.
8. (1990). Slovar' mariiskogo iazyka. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo-.
9. (1997). Tatarcha-torekch@ suzlek. M@sk@u: Insan.
10. Fomin E. V. (2021). Modern Foreign Chuvash Studies: Melinda Takács. Ethnic Culture, 3(1), 22–25. (in Russ.). doi:10.31483/r-97771.
11. Acikgoz, H. (2009). Idil-Ural Havzasında Alp Batır Tipi Dusunumu. Aktual'nye problemy fol'kloristiki, 35-39. Kazan': Alma-Lit.
12. Acikgoz, H. (2011). Tukay Siirinde Turkiye. Nasledie i natsional'no-kul'turnye sviazi Gabdully Tukaia, 58. Kazan.
13. Acikgoz, H. (2012). Turk Kitap Sanatlarından Ebru. Turkoiazychna kniga, 130-138. Kazan'.
14. Alkaya, E. (2018). Kresin Tatar Turkcesi (Dil. Tarih. Kültür). İstanbul: Kesit yayınları.
15. Alkaya, E. (2008). Sibirya Tatar Turkcesi. Ankara: Turkish Stadies.
16. Maras, I. (2018). Tatar Ceditciliği ve maturidilik Algisi. Uluslararası Maturidilik Sempozyumu Bildirileri, Ankara: Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi, . Universitesi.
17. Oner, M. (1998). Bugunku Kıpçak Türkçesi (Tatar, Kazak ve Kırgız Lehçeleri Karşılaştırmalı Grameri). Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları.
18. Oner, M. (2006). Tatarlarda Sozluk ve Kimlik. Istochini i issledovaniia po istorii tatarskogo naroda, 288-296. Kazan': Kazanskii gosudarstvennyi universitet.
19. Temir, A. (1992). Tatarcada ses uyumu ve bazı imla meseleleri. Iazyki, duchovnaia kul'tura i istoriia tiurkov, 230-232. Kazan'.
20. Tunali, Y. Acikgoz 'Halil Aga'. Tarihistan. Retrieved from <https://www.tarihistan.org/yazarlar/a-yagmur-tunali/acikgoz-halil-agag>

Информация об авторе

Тагирова Фарида Инсановна – канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация.

Поступила в редакцию / Received 03.08.2021

Принята к публикации / Accepted 24.09.2021

Опубликована / Published 29.09.2021

Information about the author

Feride I. Tagirova – candidate of philological sciences, leading research fellow of G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation.

К проблеме этнонационального воспитания студентов творческого вуза

DOI 10.31483/r-99406

УДК 159.9

Камаева М.П.

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики,
Чебоксары, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-2511-5483>, e-mail: marinakamaeva59@mail.ru

Резюме: Статья посвящена актуальной проблеме современной действительности – исследованию теоретических предпосылок современных концепций этнонационального воспитания. В ней рассматриваются проблемы воспитания культуры межэтнических отношений в молодежной среде. Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования среди студентов установок на межэтническую толерантность, что определяет цель воспитательной деятельности каждого учебного заведения. Цель статьи – рассмотреть теоретические основы этнонационального воспитания и возможности их практического применения в воспитательной работе со студентами высшего учебного заведения. Работа выполнена на эмпирическом уровне структуры социологических знаний. Методы наблюдения, анкетирования, интервьюирования и обобщения педагогического опыта позволили автору определить направление работы в области этнического воспитания обучающихся. На основе проведенных исследований автором сделаны выводы о качестве работы в области этнонационального воспитания студентов в вузе и предложены рекомендации по ее улучшению. Исследование показало преимущественно надэтническое самосознание молодых людей. Другим необычным результатом исследования следует назвать небольшой процент студентов, владеющих родным (нерусским) языком, – лишь 20 процентов из числа опрошенных. Представляется, что установленные параметры требуют проведения масштабных исследований на республиканском уровне.

Ключевые слова: этнонациональное воспитание, этнокультурная педагогика, учебно-воспитательный процесс, полиэтническое пространство.

Для цитирования: Камаева М.П. К проблеме этнонационального воспитания студентов творческого вуза // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, № 3.– С. 32-36. DOI:10.31483/r-99406.

On the Problem of Ethno-National Education of Artschool

Marina P. Kamaeva

BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture on Nationality and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-2511-5483>, e-mail: marinakamaeva59@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the relevant issue in today's world – the study of theoretical premises of modern concepts of ethno-national education. It examines the problems of educating the culture of interethnic relations in the youth environment. The relevance of the study is due to the need for the formation of attitudes towards interethnic tolerance among students, which determines the goal of the educational activities of each educational institution. The purpose of the article is to consider the theoretical foundations of ethno-national education and the possibilities of their practical application in educational work with students of a higher educational institution. The work was carried out at the empirical level of the structure of sociological knowledge. Methods of observation, questioning, interviewing and generalization of pedagogical experience allowed the author to determine the direction of work in the field of ethnic education of students. Based on the research carried out, the author draws conclusions about the quality of work in the field of ethno-national education of students at the university and offers recommendations for its improvement. The study showed predominantly supra-ethnic self-awareness of young people. Another unusual result of the study is a small percentage of students who speak their native (non-Russian) language – only 20 percent of the respondents. It is proposed that the parameters set require the pursuance of bigger researches on a nationwide scale.

Keywords: ethno-national education, ethnocultural pedagogy, educational process, multi-ethnic space.

For citation: Kamaeva M.P. (2021). On the Problem of Ethno-National Education of Artschool. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(3), 32-36 (in Russ.). DOI:10.31483/r-99406.

Введение

В современный период все жители России проживают в границах нескольких культур, поколения этносов осваивают историю, культуру и языки различных народов нашей страны и мировой культуры. Всплеск этнического самосознания, межэтнические противоречия ставят перед нами задачу оптимизировать процесс национального возрождения и межнациональных взаимоотношений. Такой подход делает необходимыми разработки концепции этнонационального воспитания, формирующей личность высокого уровня этнического самосознания, позитивно воспринимающую инокультурные явления и межэтническое взаимодействие.

Поэтому гармоничное этнонациональное воспитание в настоящий момент является актуальной и дискуссионной проблемой отечественной педагогики.

Методы

Непосредственной базой исследования явились наблюдения над обучающимися в Чувашском государственном институте культуры и искусств в 2016–2021 гг. Исследованием было охвачено сто студентов направлений подготовки «Социально-культурная деятельность» и «Народно-художественная культура». Основной метод, использованный в исследовании, – анкетирование. Авторская анкета была составлена

на основе использования методики и методологии социологических исследований В.И. Добренькова и А.И. Кравченко [4]. Опытно-экспериментальная работа проходила в три этапа: 1) констатирующий этап дал возможность выявить исходный уровень этнонационального воспитания; 2) эксперимент (работа по этнонациональному воспитанию); 3) итоговый срез.

Результаты исследования

Анализ работ современных российских авторов показывает, что определение понятия «этнонациональное воспитание» происходит с нескольких теоретических направлений.

Во-первых, это работы, авторы которых пытаются адаптировать концепции западного по своему происхождению поликультурного воспитания и применить их к российской действительности. Приверженцы идей многокультурной педагогики конца прошлого века соответствующее воспитание понимают как процесс содействия созданию в нашей стране демократического государства, характеризующегося толерантностью взглядов, культурным плюрализмом, с использованием в этих целях образовательных институтов, семьи и общественных организаций [3, с. 34].

Ряд исследователей понимают под этнонациональным воспитанием процесс формирования активного человека, способного эффективно действовать в многонациональной и поликультурной среде, где понимают и уважают культуры разных национальностей, рас, верований [5, с. 4].

А.Н. Джуринский рассматривает этнонациональное воспитание как процесс образования и воспитания, где обязательно учитываются национальные (этнические) различия и включаются различные типы людей и ценностные педагогические ориентации, адекватные мировоззрению и запросам разных этнокультурных групп населения [2, с. 196].

Вторая группа авторов подходит к этнонациональному воспитанию, выдвигая на передний план этнокультурный образовательно-воспитательный процесс.

Появилось такое понятие, как «этнокультурная педагогика», которая понимается как «целенаправленный непрерывный педагогический процесс приобщения учащихся к этнической культуре в образовательных учреждениях на основе взаимодействия с семьей, учреждениями культуры и средствами массовой информации» [1, с. 6].

В-третьих, хотелось бы выделить несколько концептуальных моделей воспитания, уделяющих внимание позитивной педагогике в сфере межкультурной коммуникации. Речь идет о педагогике межнационального общения, которая направлена на формирование умения решать возникающие межэтнические конфликты мирными средствами. Д.И. Латышина дает определение педагогики межнационального общения, которая, по ее мнению, «является одной из дисциплин, призванных формировать культуру взаимоотношений между представителями различных народов и направлена на формирование культуры отношений между людьми, умения решать

возникающие межэтнические конфликты мирными, а не силовыми методами» [7, с. 8].

В последние годы в российской педагогической науке были предложены и другие классификации концепций этнонационального воспитания.

Например, известный отечественный специалист по сравнительной педагогике А.Н. Джуринский выделил три подхода в российской педагогической практике к вопросам этнонационального воспитания: официальный, провозглашавший приоритет русского в воспитании и образовании; демократический, предлагавший учитывать национальные и общечеловеческие идеалы в воспитании; и марксистский подход [2, с. 37].

Большое внимание теоретическим и концептуальным подходам к этнонациональному воспитанию уделяет в своих трудах З.Ф. Мубинова [6].

Анализ научных трудов, посвященных этическим проблемам, показал, что в настоящее время отсутствуют единые концептуальные подходы к определению смысла этнонационального воспитания, недостаточно разработан понятийный аппарат, что оказывает негативное влияние на практику реализации моделей этнонационального образовательно-воспитательного процесса.

Понимая определенную условность классификаций ведущих концепций этнонационального воспитания, выдвинутых перечисленными авторами, считаем, что они необходимы в качестве инструмента научного исследования для осуществления эффективного сравнительно-педагогического анализа.

Наша позиция основана на том, что этнонациональное воспитание современного общества – непрерывный процесс освоения достижений и особенностей этнокультуры своего народа и достаточно глубокое изучение культуры других, особенно соседствующих, этносов, и формирование на этой основе гармоничной активной этнической толерантности.

Вместе с тем современное этнонациональное воспитание невозможно без формирования соответствующей этнонациональной компетентности, которая включает в себя высокий уровень правовой и политической культуры решения межнациональных вопросов, требует специального изучения межэтнического взаимодействия населения для урегулирования национальных конфликтов.

С целью выявления этнических взаимоотношений в студенческих группах нами было проведено социологическое исследование среди студентов Чувашского государственного института культуры и искусств. Студентам было предложено ответить на десять вопросов.

1. Какую роль играет в Вашей жизни принадлежность к определенному этносу?

Большинство студентов (65 процентов) считают, что в условиях глобального мира этническая принадлежность малозначима, остальные считают, что она важна и необходима.

2. Респонденты должны были сами определить свою этническую принадлежность, в итоге были получены следующие результаты:

48 процентов студентов считают себя россиянами, 37 процентов представителями своего этноса

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

(чуваши, татары, мари), остальные (25 процентов) затруднились ответить на этот вопрос.

3. Какие признаки национальности вы считаете определяющими?

85 процентов студентов считают, что это язык, культура, быт, национальные традиции, менталитет.

4. Мы предоставили факторы этнической идентификации и предложили студентам выбрать наиболее для них важные.

27 процентов студентов выделили фактор – этническая территория и границы; 33 процента студентов отметили фактор – народные традиции; 30 процентов – родной язык, пять процентов определяют религию главным фактором, остальные подчеркнули общность происхождения своего народа.

5. Сложно ли Вам общаться с людьми других национальностей?

75 процентов студентов ответили, что трудностей при таком общении не испытывают; 25 процентам опрашиваемых бывает сложно общаться с людьми другой национальности.

6. Как Вы относитесь к смешанным бракам?

Для 80 процентов студентов национальность человека не играет никакой роли при вступлении в брак, остальные (20 процентов) отметили, что принадлежность партнеров к единой этнической группе – важная составляющая счастливого брака.

7. Как Вы оцениваете необходимость проведения в Чувашской Республике мероприятий, посвященных культурным традициям народов других национальностей, проживающих на территории нашего региона?

70 процентов студентов считают, что такие мероприятия сближают людей; 25 процентов молодежи относятся к этому безразлично; пять процентов затруднились ответить.

8. Возникают ли национальные конфликты в нашей республике?

85 процентов респондентов ответили, что национальных конфликтов не возникает, 15 процентов отмечают их на бытовом уровне.

9. Интересны ли Вам обычаи и традиции чувашского народа, освещенные в средствах массовой информации?

65 процентов опрошенных ответили, что им этот материал неинтересен, 15 процентов проявляют интерес к этим событиям, остальные 20 процентов ответили, что и понятия не имеют, о чем идет речь.

10. Владеете ли вы национальным языком?

Результаты показали, что носителями национального (нерусского) языка считают себя всего лишь 20 процентов студентов, используя его в кругу родителей, родственников и друзей.

Таким образом, итоги анкетирования студентов позволили сделать вывод, что в вузе вполне благоприятная этносоциальная ситуация, что у молодежи отсутствует негативное отношение к другим национальностям. Однако существует ряд проблем, которые требуют решения, в частности, выявлены этническая индифферентность, равнодушие к проблеме межэтнических отношений, к ценностям своего и других народов.

Поэтому усилия коллектива были направлены на разработку программы «Организация этнонационального воспитания», которая включила в себя три важнейших компонента: образовательный, воспитательный и практический.

Программа ставила целью обеспечить воспитание студентов в духе народной культуры, осознание этнической составляющей межкультурного общения, приобщение к сотрудничеству в поликультурном пространстве.

Образовательный компонент выражается в четко организованном учебно-воспитательном процессе, где важнейшими факторами являются лекции и практические занятия. Лекционные занятия из информационно-репродуктивных превращаются в проблемно-поисковые, а семинарские занятия активизируют самостоятельную работу личности студента, позволяют логически мыслить, формируют собственное отношение к предмету. Студенты получают теоретические знания о роли поликультурной среды, ценностях культур различных народов, они освоили формы организации взаимодействия с представителями иных этнических групп. Это помогает обучающимся усвоить знания и развить умения и навыки, необходимые для их будущей профессиональной деятельности и личной жизни.

Большое место в Чувашском государственном институте культуры и искусств отводится изучению таких дисциплин, как «Этнопедагогика», «Теория и методика этнокультурного образования», «Педагогика народно-художественного творчества» и др. На занятиях по этим предметам студенты изучают этнопедагогический материал, в котором отражается неисчерпаемое богатство мудрости народа.

Важную роль в формировании этнонационального воспитания специалистов сферы культуры играет использование активных, развивающих технологий. Интерактивные технологии скорректированы по содержанию, эмоционально окрашены и мотивационно оправданы, поэтому они принимаются студентами и используются ими в практической работе.

Результативность обучения повышается, так как оно основывается на коллективном творчестве, важен не объем получаемой информации, а ее содержательность и скорость переработки.

Проводимые занятия этнокультурной направленности динамичны и разнообразны, они обладают воспитательным эффектом, что помогает студентам глубже изучать учебный предмет, побуждают их учиться инициативно, творчески, постоянно работать в поисковом, исследовательском стиле.

Этнокультурные образовательные технологии мы рассматриваем как своеобразную условную практику. Здесь используются многообразные активные формы занятий. Среди них: собеседование, практикум, деловая игра (ситуационная, ролевая) разных типов; круглые столы, открытые дискуссии, занятия в «творческой мастерской»; выездные занятия.

Начальный этап формирования этнокультурной специализации заключается в накоплении теоретических знаний в сфере этнокультурного развития.

На следующем этапе закрепляются профессиональные и этнокультурные знания и навыки. Обучающимся предлагаются ролевые и ситуационные игры, индивидуальные и групповые задания на проведение самостоятельных исследований, участие с докладами и сообщениями на научных форумах и практических конференциях.

В Чувашском государственном институте культуры и искусств стало традицией проведение Всероссийской научно-практической конференции «Этническая культура в современном мире». В рамках конференции осуществляется работа научных секций по этнографии, филологии и педагогике, а также работа мастер-классов, которые проводят деятели сферы культуры и искусства Чувашской Республики.

Второй важной областью этнонационального воспитания является социально-воспитательная деятельность института, которая предполагает организацию культурно-массовой деятельности как в самом вузе, так и на уровне всей республики. Она включает в себя образовательно-научную деятельность исследователей, социально-общественную работу волонтеров, культурно-эстетическую деятельность прикладного творчества студентов, досуговую деятельность социально-культурного направления.

В системе профессиональной подготовки будущих работников сферы культуры и искусства важную роль играет практика, которую они проходят в досуговых центрах, дворцах культуры, театрах, музеях, домах детского творчества.

Контрольный этап исследования показал изменения, происходящие со студентами в результате обучения в нашем учебном заведении. Если исходно 25 процентов обучаемых отмечали трудности при общении с людьми других национальностей, то на заключительном этапе их количество снизилось до трех процентов. Мероприятия, посвященные культуре и национальным традициям различных народов, теперь интересны 87 процентам обучаемых вместо 70 процентов, количество равнодушных к проведению подобных мероприятий снизилось с 25 до шести процентов.

Список литературы

1. Бакланова Т.Т. Концепция этнокультурного образования в РФ / Т.Т. Бакланова, Л.В. Ершова, Т.Я. Шпикалова // Непрерывное этнохудожественное образование: методология, проблемы, технологии. – Шуя, 2005. – С. 6–12.
2. Джуринский А.Н. Воспитание в многонациональной школе. – М.: Просвещение, 2007. – С. 37.
3. Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование. – М.: Народное образование, 1999. – 208 с.
4. Добреньков В.И. Методология и методика социологического исследования / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. – М.: Академический проект, 2020. – 537 с.
5. Макаева Г.Г. Поликультурное образование – актуальная проблема современной школы / Г.Г. Макаева, З.А. Малькова, Л.Л. Супрунова // Педагогика. – 1999. – №4. – С. 10.
6. Мубинова З.Ф. Этнонациональное воспитание в современном мире: теоретические и концептуальные подходы. – Уфа: Изд-во Башкирского государственного педагогического университета, 2007. – 152 с.
7. Педагогика межнационального общения / под ред. Д.И. Латышиной. – М.: Гардарика, 2007. – 320 с.

References

1. Baklanova, T. T., & Ershova, L. V. (2005). Kontseptsiiia etnokul'turnogo obrazovaniia v RF. Nepreryvnoe etnokhudozhestvennoe obrazovanie, 6-12. Shuya.
2. Dzhurinskii, A. N. (2007). Vospitanie v mnogonatsional'noi shkole., 37. M.: Prosveshchenie.
3. Dmitriev, G. D. (1999). Mnogokul'turnoe obrazovanie., 208. M.: Narodnoe obrazovanie.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

4. Dobren'kov, V. I., & Kravchenko, A. I. (2020). Metodologija i metodika sotsiologicheskogo issledovaniia., 537. M.: Akademicheskii proekt.
5. Makaeva, G. G., & Mal'kova, Z. A. (1999). Polikul'turnoe obrazovanie. Pedagogika, 4, 10.
6. Mubinova, Z. F. Etnonatsional'noe vospitanie v sovremennom mire., 152.
7. (2007). Pedagogika mezhnatsional'nogo obshcheniia., 320. M.: Gardarika.

Информация об авторе

Камаева Марина Петровна – канд. пед. наук, доцент
БОУ ВО «Чувашский государственный институт
культуры и искусств» Министерства культуры,
по делам национальностей и архивного дела
Чувашской Республики,
Чебоксары, Российская Федерация.

Information about the author

Marina P. Kamaeva – candidate of pedagogical sciences,
associate professor of BEI of HE "Chuvash State Institute
of Culture and Arts" of the Ministry of Culture
on Nationality and Archival Affairs of the Chuvash Republic,
Cheboksary, Russian Federation

Поступила в редакцию / Received 11.08.2021

Принята к публикации / Accepted 21.09.2021

Опубликована / Published 29.09.2021

Этнокультурный компонент содержания образования в межкультурном контексте

DOI 10.31483/r-99017

УДК 372.8

Николаева Т.Н.

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», Якутск, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-7346-9737>, e-mail: tnikolaeva184@mail.ru

Резюме: Работа посвящена проблеме соизучения языков и культур в условиях полиглантнического региона. Обращение к проблеме этнокультурного образования в условиях происходящих изменений в жизни общества обусловлено причинами, которые требуют своевременного реагирования и внесения корректировки в процесс обучения и воспитания, особенно в молодежной среде. Цель исследования – обобщение теоретического и практического подходов к обучению иностранному (немецкому) языку с учетом местного этнографического материала. *Методы.* Работа представляет собой размышления автора о проблемах этнокультурного образования. *Результаты* исследования. Для решения проблемы наполнения содержания этноориентированного обучения, базирующегося на знаниях элементов бытовой культуры, традиционной культуры, языковой картины мира, следует включать в процесс обучения иностранному языку темы, вопросы, касающиеся сферы повседневной жизни северян, условий их проживания, семейных отношений, правил поведения, традиций, обрядов. *Выводы.* В настоящее время в образовательных учреждениях меняется подход к обучению иностранным языкам в сторону развития коммуникативной и межкультурной компетенции учащихся, которая предполагает соизучение языков и культур как страны изучаемого языка, так и родного края. Этому может способствовать сбалансированный отбор содержания предмета «Иностранный язык» за счет этнокультурного компонента как резерва, формирующего межкультурную компетенцию для социализации в мировом пространстве.

Ключевые слова: этнокультурный компонент, межкультурная компетенция, этноориентированное обучение, подготовка педагогических кадров, соизучение языка и культуры, поликультурная среда.

Для цитирования: Николаева Т.Н. Этнокультурный компонент содержания образования в межкультурном контексте // Этническая культура. – 2021. – Т. 3. – С. 37-39. DOI:10.31483/r-99017.

Ethnocultural Component of Content of Education in Intercultural Context

Tatyana N. Nikolaeva

FSAEI of HE "M.K. Ammosov North-Eastern Federal University",
Yakutsk, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0002-7346-9737>, e-mail: tnikolaeva184@mail.ru

Abstract: The work is devoted to the problem of co-learning of languages and cultures in a multiethnic region. Introduction. Addressing the problem of ethnocultural education in the context of the ongoing changes in the life of society is due to reasons that require timely response and adjustments to the process of education and upbringing, especially among young people. The purpose of the study is to generalize the theoretical and practical approaches to teaching a foreign (German) language, taking into account local ethnographic material. *Methods.* The work represents the author's reflections on the problems of ethnocultural education. *Research results.* To solve the problem of filling the content of ethno-oriented education based on knowledge of the elements of everyday culture, traditional culture, linguistic picture of the world, it is necessary to include in the process of teaching a foreign language topics, issues related to the sphere of everyday life of northerners, their living conditions, family relations, rules of behavior, traditions, rituals. *Conclusions.* Currently, educational institutions are changing the approach to teaching foreign languages towards the development of communicative and intercultural competence of students, which involves the co-learning of languages and cultures of both the country of the target language and the native land. This can be facilitated by a balanced selection of the content of the «Foreign language» subject at the expense of the ethnocultural component as a reserve that forms intercultural competence for socialization in the world space.

Keywords: ethnocultural component, intercultural competence, ethno-oriented learning, training of teaching staff, co-study of language and culture, multicultural environment.

For citation: Nikolaeva T.N. (2021). Ethnocultural Component of Content of Education in Intercultural Context. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(3), 37-39. (in Russ.). DOI:10.31483/r-99017.

Введение

Обращение к проблеме этнокультурного образования в условиях происходящих изменений в жизни общества обусловлено рядом причин, которые требуют своевременного реагирования и внесения корректировки в процесс обучения и воспитания, особенно в молодежной среде. Данная проблема по своей сути традиционна, однако требует к себе постоянного внимательного отношения и особого подхода. В частности, этногенетический компонент должен учитываться при преподавании иностранного языков и культур в разноязычных группах.

В современном мире изучение иностранных языков предполагает не только приобретение умений и навыков читать и переводить тексты по специальности, но

и ставится задача иного плана – научить обучаемого понимать, адекватно реагировать и отвечать, формулировать свои мысли, созвучные теме обсуждения, уметь поддержать разговор.

Изменение цели обучения языку как средству межкультурного общения выдвигает на первую позицию проблему соизучения языка и культуры в лингводидактике.

Методы

Цель работы – обобщение теоретического и практического подходов к обучению иностранного (немецкого) языка с учетом местного этнографического материала.

В рамках настоящей публикации представлены размышления автора о проблемах этнокультурного

образования. В работе при трактовке понятия «этнокультурный компонент» автор опиралась на мнение Л.А. Ибрагимовой и А.М. Салаватовой, считающих что «этнокультурным компонентом называется все то, что способствует развитию творческих возможностей ребенка, дает более полное представление о богатстве национальной культуры, укладе жизни народа, его истории, языка, литературы, духовных целях и ценностях, что способствует развитию всесторонне развитой гармоничной личности, патриота своей Родины, человека высоко нравственного, толерантного к народам мировой цивилизации» [3, с. 79–83].

Результаты исследования

Согласно суждениям В.Е. Неймоховой, «сегодня в сфере образования в Республике Саха (Якутия) существует спрос на компетентных педагогов иностранного языка в этнокультурном плане» [4, с. 43–50]. Мнение автора сводится к тому, что «Будет примечательно, если на уроке иностранного языка учитель приобщит учащихся к своей самобытной культуре, тем самым демонстрируя свою этнокультурную компетентность». Здесь автор имеет в виду, что в образовательных организациях Якутии работают более полутора тысяч учителей иностранных языков, которые являются представителями различных самобытных культур и этносов: кроме якутов и русских, здесь проживают и представители коренных малочисленных народов Севера – эвены, эвенки, юкагиры, чукчи и долганы. Далее автор пишет, что для повышения квалификации и компетентности учителей иностранного языка необходимо в ходе учебной деятельности провести интеграцию языковых, фольклорных, культуроцентрических и краеведческих материалов. Решение данного вопроса автор видит в создании стажировочных площадок на базе центров национальных культур, где учителя родных языков, педагоги дополнительного образования в области национальной культуры и учителя иностранных языков обменялись бы опытом.

Л.А. Ибрагимова и А.М. Салаватова также обращаются к проблеме подготовки учителей, подчеркивая, что он, учитель, становится социально активным в национальном возрождении, если он знает содержание этнопедагогики, методику ее преподавания, способы внедрения этнопедагогических идей в школьную практику [3, с. 79–83]. Таким образом, авторы затрагивают проблему подготовки кадров к профессиональной деятельности в школах с этнокультурным содержанием образования и считают ее в настоящее время наиболее острой.

М.Б. Алферьева отмечает, что на современном этапе развитию общества препятствует отсутствие взаимопонимания между представителями различных этносов. Обучение диалогу культур, по мнению автора, должно начинаться в школе через введение этнокультурного компонента в учебные предметы. По мнению автора, «включение этнокультурного компонента в базисный учебный план позволит подчеркнуть причастность национальных и этнических групп к общероссийскому социокультурному пространству, а также привлечь внимание к изучению национальной культуры. Данный компонент позволяет создать условия для вступления личности ученика в равноправный диалог с поликультурным окружением, тем самым способствуя формированию гармоничных межнациональных отношений» [1, с. 74–78].

С.Х. Гамидова объясняет необходимость введения этнокультурного и регионального компонентов на уро-

ках английского языка следующими факторами: усилившим миграционных потоков, увеличением количества транснациональных корпораций на российском рынке, развитием туризма и культурных связей на разных уровнях, расширением сотрудничества образовательных учреждений России и других стран, ростом локальных этнических конфликтов [2, с. 50–53]. Автор считает целесообразным вводить элементы этнокультурного и регионального компонентов на уроках английского языка постепенно со второго класса.

Таким образом, существует реальная необходимость всерьез поработать над совершенствованием воспитания и образования молодежи с учетом этнического компонента. В связи с этим появляется потребность в подготовке педагогических кадров, способных решать вопросы обучения и воспитания детей в интернациональных образовательных учреждениях. Словом, проблема нуждается в дальнейшей научной и методической проработке. Современные тенденции развития общества диктуют свои условия и выдвигают новые задачи.

Способы реализации этнокультурного компонента авторы видят в корректировке учебного плана и программ, а также в разработке и внедрении педагогических технологий и авторских, модифицированных программ, отражающих основные направления школы с этнокультурным русским компонентом.

Согласимся с авторами указанных выше работ, которые затрагивают вопросы потребности в подготовке педагогических кадров со сформированными компетенциями грамотно и качественно осуществлять свою деятельность в образовательных учреждениях разного типа.

При составлении учебного плана профиля по направлению «Филология» учитывается и включается региональный компонент как элективный курс, который нацелен на формирование универсальных компетенций обучающегося. В качестве примера можно назвать такие дисциплины по выбору, как «Якутский язык в профессиональной деятельности», который способствует профессиональному становлению специалиста с помощью расширения его знаний о специальном якутском языке и развития практических навыков общения, связанных с выполнением конкретных речевых задач в будущей профессиональной деятельности студента. Курс также способствует формированию способности студента воспринимать общество в его межкультурном разнообразии. Предмет «Коммуникативный курс якутского языка» развивает у обучающихся навыки устного и письменного общения на якутском языке. Дисциплина «Разговорный якутский язык» не только дает представление о способах сочетаемости лексических единиц и основных словообразующих моделях, основных синтаксических конструкциях, но также способствует владению элементарными умениями и навыками речевой деятельности в сфере бытового и профессионального общения. Элективный курс «Культура и традиции народов Северо-Востока РФ» посвящен освоению особенностей миноритарных этносов Дальнего Востока в историческом и современном аспектах. Дисциплина «История литературы народов Якутии» развивает способности студента осмысливать значение литературы народов Якутии для сохранения языка, культуры и духовного развития личности. «Геокультурное пространство Арктики» актуализирует образы Арктики и Севера не только в художественных произведениях, но и в кино. Учебный курс «Этноконфликтология» рассчитан на студентов, заинтересованных в последующем вести профессиональную деятельность в поликультурной

среде проживания. Не менее актуальными считаются и такие дисциплины по выбору, как регионалистика, экология Якутии.

Этнокультурное обучение не ограничивается рамками перечисленных дисциплин, так как любой другой предмет учебного плана, виды практик или мероприятия, проводимые со студентами, в совокупности формируют этнокультурную компетенцию.

Иностранный (немецкий) язык, кроме задач формирования профессиональных умений и навыков, обладает огромным потенциалом для подготовки специалистов, способных общаться на иностранном языке, знающих и уважающих свою этническую культуру и культуру других этносов. По нашим наблюдениям, студенты и выпускники, выезжающие в Германию или в Австрию на семестровое обучение или по личному приглашению, выступают как трансляторы своей культуры. Проведенный нами опрос среди представителей данной группы выявил, что немцы при общении с ними больше интересуются климатическими условиями проживания в зоне вечной мерзлоты, в том числе их волнует вопрос, чем и как питаются северяне, как устроено жилище и какая одежда пригодна для сурового климата. Для тех, кто проживает в Якутии, все перечисленное выше – знакомо, естественно и гармонично. Но для тех, кто прибывает здесь в качестве гостя или туриста, это – неведомо, скрыто и непредсказуемо. Тут возникает проблема наполнения содержания этно-ориентированного обучения, базирующегося на знаниях элементов бытовой и традиционной культуры, а также языковой картины мира. Следовательно, в процессе обучения иностранному языку следует включать темы, вопросы, касающиеся сферы повседневной жизни се-

верян, условий их проживания, семейных отношений, правил поведения, традиций, обрядов. Трудность заключается в наличии, например, культурологических лакун, которые расшифровываются описательным путем, содержательным комментарием. Данный способ в свою очередь тоже требует сформированных умений и накопленного опыта адекватно перенести, передать знания о реалии, предмете, явлении представителю другой культуры. Хотя подобная работа сопряжена с определенными трудностями, связанными с подготовкой и подбором содержательной части разрабатываемого материала, она выполняет несколько задач: во-первых, служит систематизации знаний обучающихся о своей малой родине, воспитанию уважительного и бережного отношения к родной земле, а также к представителям других культур; во-вторых, способствует развитию лингвистической компетенции за счет пополнения знаний, приобретаемых в процессе поиска способов согласования и совмещения образов своей и чужой культуры.

Выводы

В настоящее время в образовательных учреждениях меняется подход к обучению иностранным языкам в сторону развития коммуникативной и межкультурной компетенции учащихся, которая предполагает соизучение языков и культур как страны изучаемого языка, так и родного края. Этому может способствовать сбалансированный отбор содержания предмета «Иностранный язык» за счет этнокультурного компонента как резерва, формирующего межкультурную компетенцию для социализации в мировом пространстве.

Список литературы

1. Алферьева М.Б. Этнокультурный компонент на уроках русского языка // Этническая культура в современном мире. – 2020. – №14. – С. 74–78.
2. Гамидова С.Х. Использование этнокультурного компонента на уроках английского языка // Наука через призму времени. – 2019. – №4. – С. 50–53.
3. Ибрагимова Л.А. Этнокультурный компонент в деятельности современных школ региона / Л.А. Ибрагимова, А.М. Салаватова // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2013. – №4. – С. 79–83.
4. Неймохова В.Е. Этнокультурная компетентность учителей иностранных языков для общеобразовательных организаций (на примере Республики Саха (Якутия)) // Этническая культура. – 2020. – №4. – С. 43–50.

References

1. Alfer'yeva M.B. (2020). Ethno-cultural development at lessons of Russian language. Ethnic culture in the modern world, 14, 74–78. (in Russ.).
2. Gamidova S.Kh. (2019). Using the ethnocultural component in English lessons. Science through the prism of time, 4, 50–53.
3. Ibragimova L.A. Salavatova A.M. (2013). Ethnocultural component in regional schools activities. Bulletin of Nizhnevartovsk State University, 4, 43–50.
4. Neimokhova V.E. (2020). Ethno-Cultural Competence of Foreign Language Teachers for General Education Institutions (On Example of the Republic of Sakha (Yakutia)). Ethnic Culture, 4(5), 43–50. (in Russ.). doi:10.31483/r-75796

Информация об авторе

Николаева Татьяна Николаевна – канд. филол. наук, доцент ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», Якутск, Российская Федерация.

Поступила в редакцию / Received 22.06.2021

Принята к публикации / Accepted 28.09.2021

Опубликована / Published 29.09.2021

Information about the author

Tatyana N. Nikolaeva – candidate of philological sciences, associate professor of FSAEI of HE "M.K. Ammosov North-Eastern Federal University", Yakutsk, Russian Federation.

Полет человека в творчестве Ефима Честнякова как этнокультурный проект: технические и нравственные основы

DOI 10.31483/r-99130
УДК 17.023.36; 808.1; 82.09

Самоделова Е.А.

ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН)», Москва, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-3856-0578>, e-mail: helsa@rambler.ru

Резюме: Представитель Серебряного века Е.В. Честняков подходил к написанию литературных сочинений и их иллюстрированию с позиций художника и школьного учителя. Также он занимался живописью и лепкой из глины, самодеятельным кукольным театром с участием детей и фотографированием. В его многогранном творчестве широко представлена тема полета и создания летательного аппарата человеком. Актуальность исследуемой проблемы – сочинительства Е.В. Честняковым целых произведений и отдельных сюжетов о «человеке летающем» – связана с впервые поднимаемым вопросом о влиянии научно-технических, журнальных и газетных публикаций начала XX в. на литературное творчество. К материалу литературных сочинений Е.В. Честнякова применены методы историко-филологического исследования и «реального комментирования», основанные на сопоставлении авторских сюжетов и образов с фольклорными произведениями и данными о технических новинках его времени. Результаты исследования и их обсуждение показывают, что Е.В. Честняков глубоко изучал новаторские достижения современности и отражал их в творчески преображенном виде в хорошо структурированной собственной системе разных видов и жанров искусства. При этом его волновали нравственные аспекты самолетостроения и вопросы влияния полетов человека на большие расстояния на веками устоявшуюся жизнь традиционного общества. Сделаны выводы, что многие новинки научно-технического прогресса, связанные с первыми полетами человека с помощью сконструированных летательных аппаратов и средств их обнаружения, привлекли внимание писателя и художника и нашли широкое отражение в его творчестве.

Ключевые слова: Серебряный век, полет человека в литературе, летучий корабль, сюжет о Стасии, литература Ефима Честнякова.

Для цитирования: Самоделова Е.А. Полет человека в творчестве Ефима Честнякова как этнокультурный проект: технические и нравственные основы // Этническая культура. – 2021. – Т. 3. – С. 40-50. DOI:10.31483/r-99130.

The Flight of a Man in the Work of Efim Chestnyakov as an Ethnocultural Project: Technical and Moral Foundations

Elena A. Samodelova

FFPIS "A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences" (IWL RAS),
Moscow, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-3856-0578>, e-mail: helsa@rambler.ru

Abstract: Representative of the Silver Age Efim Chestnyakov approached writing and illustrating literary works from the standpoint of an artist and a school teacher. He was also doing painting, clay modeling, hand-made puppet theatre with the participation of children and photography. The topic of creating an aircraft runs through his many-sided work. The relevance of the problem under study shows that Chestnyakov composed entire works and individual stories about the «flying man». For the first time, the question is raised about the influence of various publications of the early XXth century on the literary work of the writer. Methods of historical and philological research and «real commenting» are applied to the material of Chestnyakov's literary works, based on a comparison of the author's plots and images with folklore works and data on technical innovations of his time. The results of the study and their discussion show that Chestnyakov deeply studied the innovative achievements of his time and reflected them in a creatively transformed form in a well-structured own system of different types and genres of art. Also he was worried about the moral aspects of aircraft construction and the issues of the influence of human flights over long distances on the established life of a traditional society for centuries. Conclusions are made that the first manned flights on the designed aircraft and the means of their detection attracted the attention of Chestnyakov and were widely reflected in his work.

Keywords: Silver Age, human flight in literature, flying ship, plot about Stasii, literature by Efim Chestnyakov.

For citation: Samodelova E.A. (2021). The Flight of a Man in the Work of Efim Chestnyakov as an Ethnocultural Project: Technical and Moral Foundations. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(3), 40-50. (in Russ.). DOI:10.31483/r-99130.

Введение

Творчество Е.В. Честнякова (1874–1961), крестьянского писателя и школьного учителя, пришлось на Серебряный век и продолжилось в 1920–1930 гг., поэтому его деятельность логично рассматривать в контексте русской национальной культуры и этнокультурного образования первой половины XX в., уделяя должное внимание историческому, этнологическому, фольклористическому, литературоведческому и искусствоведческому аспектам. Именно в такой круг гуманитарных дисциплин обычно вписывают этнопедагогику, призванную

подчеркнуть этнические особенности воспитания подрастающего поколения [35; 10]. Наша задача – впервые обратить внимание на техническое проектирование в системе социальной и художественной деятельности в рамках этнокультуры, что было предложено Е.В. Честняковым на примере тематики полетов человека в небеса на заре эпохи авиации, радиовещания и телевидения.

Материал и методы исследования

Творчество Ефима Честнякова имеет ярко выраженную просветительскую направленность, является синте-

зом литературы, народного кукольного театра с использованием керамических скульптурок и с участием детей, живописи и графики, авторских фотографий и покупных «туманных картинок» с демонстрацией их с помощью проекционного фонаря. В энциклопедических по сути и индивидуально-авторских творениях Е.В. Честнякова, предназначенных для ребятишек и взрослых, особенно жителей деревень, оказались сильны мотивы полета разных существ: стихийных духов, птиц реальных и фантастических, людей (в том числе и ряженых на календарные народные праздники) и созданных ими летательных аппаратов. Изображения крылатых существ и воздушных кораблей в литературных произведениях сочетаются с авторскими книжными иллюстрациями. Многие сочинения Честнякова с идеей полета относятся к началу XX в. и к 1920 гг. Это была эпоха начала воздухоплавания, когда создавались и стали использоваться для гражданской и военной авиации аэропланы в мире и России. Известны первые полеты писателей на аэропланах: напр., перелет Есенина с Айседорой Дункан с аэродрома на Ходынском поле в Москве в Кёнигсберг в 1922 г., когда супруги направлялись в заграничное турне по Западной Европе и Соединенным Штатам Северной Америки (США), о чем активно писали газеты. Многие поэты обратились к теме аэрофлота, появились стихотворения: «Авиатор» (1910 – январь 1912) А.А. Блока, «Героиза» (декабрь 1911 г.) Игоря Северянина, «Аэропланы над Варшавой» (24 декабря 1914 г.) и «К стальным птицам» (1915) В.Я. Брюсова и др.

В какой-то мере мы применяем методику так называемого «реального комментирования», используемую при подготовке академических собраний сочинений писателей, а также историко-филологический метод. Поскольку датировки большинства сочинений Е.В. Честнякова неизвестны, невозможно показать полную хронологию представлений писателя о способах полета его литературных героев, хотя в отдельных случаях удается примерно датировать произведения, в том числе и с помощью употребленных писателем терминов для обозначения авиамашин и механизмов управления ими, основанных на испускании радиосигналов. Выстраивается следующий терминологический ряд: ковер-самолет (заимствование из фольклорных сказок), крылатый конь, корабль-ладья, птица-корабль, летучий корабль, летучая курица, летучий дом, дом-аэроплан, самолетный домик, аэроплан, самолет, легкие складные перелетки, воздушные города [31; 32; 33]. Наиболее частотен «летучий корабль». Его название восходит к образу из восточнославянского сказочного сюжета «Летучий корабль (корабль, плывающий по воде и ездящий по земле)» (СУС 513 В) [27] (здесь и далее: «Справительный указатель сюжетов» – СУС. – Е.С.), который представлен в собрании «Народных русских сказок» А.Н. Афанасьева (1826–1871), выдержавшем много изданий; безусловно, это было известно Е.В. Честнякову [2]. О сказке как фольклорном и литературном жанре писал А.М. Ремизов (1877–1957), современник Е.В. Честнякова, в заметке «Во власти сказок» (1955): «Сказочное, нарушая всякое разумение, проникает жизнь»; здесь же он указал источник сказочного, возводя его к творческому мышлению: «Мыслить – мысль – вымысел» [23, с. 238].

Результаты исследования и их обсуждение

Безотносительно к временным координатам и периодизации творчества Е.В. Честнякова все его герои, замышляющие достичь небес, способны оказаться там разными способами: 1) полетом творческой фантазии; 2) силой духа, в том числе с помощью христианской веры в отлетание человеческой души в небесный рай во время сновидений или после смерти; 3) перелетев туда на птице; 4) использовав птицеподобный воздушный корабль; 5) сконструировав крылья по подобию птичьих; 6) придумав и соорудив воздухоплавательное судно.

Все персонажи Е.В. Честнякова, которые не мечтают о небесном рае, а с иными целями совершают полет по воздуху, можно подразделить на несколько условных категорий: во-первых, это пассивные участники полета, порой не успевающие даже осознать факт подъема в воздух и мгновенного перенесения их какой-то сверхъестественной силой в другое место; во-вторых, протагонисты, специально призывающие птиц или пользующиеся их услугами для перелета в отдаленную местность для спасения другого человека, насилию унесенного могущественным противником; в-третьих, сознательные творцы технических средств для воздушных путешествий и прогрессивного освоения мирового пространства; в-четвертых, приглашенные на воздухоплавательную прогулку люди (часто девушки – крестьянка и царевна), к которым благосклонен главный герой произведения.

Положительный герой Е.В. Честнякова, как правило, принадлежит одновременно всем мирам: земному и внеzemному (в том числе возвыщенно-небесному), земному и потустороннему, современному и вневременному и т. п. Такой герой-протагонист, будучи человеком, иногда обладает крыльями или хотя бы потенциальной вероятностью их иметь, и они могут быть расценены как зримое доказательство его принадлежности к ангельскому чину. Так, в стихотворении «<Разговор Девы с Марком>» главный герой «один – без пары легких крыл» [31, с. 88] (раздел «Марко Бессчастный»), он похож на ангела, почему-то утратившего крылья; вместе с тем предшествующее утверждение «он в городе, но как в лесу» намекает на его сходство с другим героем – человеком-изобретателем из реконструированного Р.Е. Обуховым «Сказания о Стасии – Короле Тетеревином» Честнякова [33], который смастерил себе крылья наподобие птичьих и с их помощью легко оказывался то далеко от своего деревенского дома в лесу, то вообще в столице государства.

Космосом Е.В. Честняков интересовался со школьных лет. В «<Воспоминаниях о детстве>» он описывал свое внимание к небесным телам и восприятие астрономических фактов неграмотными крестьянами: «Версты от города настиг Ивана Серого из нашей деревни (молодой мужичек)..¹ И я очень обрадовался.. И тотчас же начал рассказывать, чему меня учили в уездном училище [На небе появились звезды, и стал говорить] о географии. Это мне было особенно интересно и ново

¹Две точки – авторский знак Е.В. Честнякова (используется наравне с многоточием); далее встретится «ў» – предложенная писателем буква для диалектизмов.

и нравилось очень.. Оживленно сообщаю Серому, что Земля обращается вокруг Солнца.. о Луне.. планетах.. и Солнце и звездах.. Он удивлялся и поддакивал и с интересом слушал..» [32, с. 30]. Заметим, что у жителей Костромской губернии имелись свои (народные) представления об устройстве Вселенной и космических явлениях, совершенно не совпадающие с научными.

В рукописной книжке Е.В. Честнякова сохранился черновик его письма неизвестному адресату от 1913 г., когда он приехал во второй раз в Санкт-Петербург; там автор упоминает науку о космосе в числе других интересовавших его отраслей знаний: «И вообще желал бы ознакомиться в городе по возможности с делами всякого рода: живопись, скульптура, музыка, архитектура, машиностроение, агрономия, языковедение, астрономия, науки оккультные, театры и кинематография и т. д.» [13, с. 46]. В том же черновике сообщается о задачах постижения научных дисциплин: «Конечные же цели у меня – деятельность в деревне» [13, с. 46].

Вероятно, Честняков воодушевился идеей энциклопедической деятельности Леонардо да Винчи (1452–1519), великого живописца и механика эпохи Возрождения в Италии и даже последовал ему в написании письма предполагаемому «работодателю». Леонардо в послании к Людовику Моро из династии Сфорца (по современному написанию – Лодовико Моро) перечислял свои умения и навыки [24, с. 28; 8, с. 32]. В отличие от Леонардо, Е.В. Честняков не получил работы.

Действительно, все дальнейшее творчество Е.В. Честнякова предназначено крестьянам для их просвещения. Под таким углом зрения рассмотрим авиационные и космические мотивы в сочинениях и картинах Е.В. Честнякова, задумываясь о причинах их уникальности, обусловленной не только оригинальной поэтикой, но и профессией школьного учителя их автора и стремительно меняющейся ситуацией в России, которая становится передовой промышленной державой.

Идея полета и его модификаций взята Е.В. Честняковым из разных источников: из народно-православных представлений о загробном путешествии человеческой души, из фольклорных и литературных сказок, народной несказочной прозы, фантастических романов, научных трудов по воздухоплаванию и космическим ракетам, газетных очерков о достижениях авиационной и космической промышленности и даже педагогической литературы.

Ценность книги Е.В. Честняков сознавал с детских лет и позже рассказывал доктору И.А. Серову об участии в составлении «Каталога книг и журналов, находящихся в Кологриевской библиотеке. Составлен в 1919 году», в котором насчитывалось несколько десятков тысяч книг [26, с. 58]. В то время начали практиковаться избы-читальни для крестьян, и писатель был причастен к их работе.

В сборнике «Игры в избе» В.В. Белинович наряду с традиционными играми ребятишек показывает игры, сконструированные в духе времени, с отражением новых технических достижений: в разделе «Игры с прыжками» оказывается «Воздухофлот», когда водящий называет предметы, которые способны летать или нет, соответственно игроки подпрыгивают или стоят неподвижно [4].

В правильности своих художественных построений писатель убедился, когда под конец жизни прочитал в газете новость о первом полете человека в космос. Уважаемая им современница, жительница соседней деревни В.А. Кудрявцева рассказала, что Е.В. Честняков имел большую библиотеку, выписывал разные газеты и журналы, и передала директору Костромского художественного музея В.Я. Игнатьеву сохранившиеся подшивки «Известий» и «Комсомольской правды» с карандашными пометами: «В последнем номере «Комсомолки», который он прочел, было сообщение о полете в космос Юрия Гагарина» [14, с. 23].

В.Я. Игнатьев сообщил, что в экспедиции 1975 г. были найдены два номера журнала «Научное обозрение» за 1898 г. в заброшенной избе в д. Спирино Кологриевского р-на (в избу-читальню этой деревни ходил Честняков). В журнале имелись подчеркивания красным и синим карандашами, в том числе в статье о «Самостоятельном горизонтальном движении аэростата» К.Э. Циолковского [14, с. 40].

В поэме «Федорок» воздушный корабль неизвестного происхождения, но под управлением человека, утаскивает девушку Яю, доставляет ее к персонажу-антагонисту, некому подобию Кащея Бессмертного, а из плена невесту спасает жених – заглавный герой. Очевидно, из всех опубликованных к настоящему времени литературных сочинений Честнякова, это раннее произведение с сюжетом о воздушном транспортном средстве. В дальнейшем такой тип сюжета, в котором воздушное судно целиком организует повествование или хотя бы его часть, неоднократно встречается в творчестве писателя.

О воздухоплавательном аппарате, некотором скрещенье технического средства с птицей, в «Федорке» сообщается: «Вдруг в небесной синеве / От земли версты на две / Подлетел корабль-ладья»; «Просвистело, прошумело... / И близенько от девицы / Сел корабль ма-нером птицы» [31, с. 210]. Е.В. Честняков точно передал высоту, на которой летали самолеты в начале XX в. Так, 1910 г. на Международной авиационной неделе в Санкт-Петербурге Н.Е. Попов на аэроплане взмыл в небо на 600 метров, а 30 октября того же года на высоту 2582 м (то есть примерно «версты на две»; в 1 версте – 1,06 км) поднялся винтовой самолет «Wright Flyer» Ральфа Джонстона на турнире в Элмонте (г. Нью-Йорк, США); до 1914 г. русские летчики установили 10 мировых рекордов высоты, продолжительности и дальности полетов, а в 1924 г. во Франции самолет преодолел уже планку в 12 066 м от земли [18].

Рубеж XIX–XX вв. и весь Серебряный век ознаменовался всеобщим интересом к воздухоплаванию. А.Н. Толстой, младший современник Честнякова, еще в детстве, до 16 октября 1896 г., в письме к матери рассуждал: «Милая мамунюшка, я решительно хочу изобрести летательную машину, чтобы слетать в Киев для двух целей: увидеть тебя и разбить морду нехаме, даже не хочу ее имя с большой буквы писать, не доросла еще» [21, с. 59, №14]. Когда он стал студентом Технологического института императора Николая I в Санкт-Петербурге, он послал родителям отдельным письмом в конце января – начале февраля 1902 г. рассказ без заглавия,

с мотивом построения воздухоплавательной машины для спасения от летней жары: «Вон, вверху, наверно, прохладнее. Эх, чтобы изобрести этакий летательный аппарат да подняться повыше, распрощаться с этим сонным царством...» [21, с. 98, №35а]. И уже в период до 17 января 1917 г., состоя военным корреспондентом во время Первой мировой войны, Толстой писал из г. Минск своей жене Н.В. Крандиевской: «Дело в том, что у нас организуется новое дело: передвижные по фронту мастерские для починки аэропланов; меня хотят послать к Дуксу (Меллеру) для изучения деревянных частей аэропланов» [21, с. 267, №182].

В «Федорке» Честняков описал, как очевидцы из крестьян, дедушка Фаддей и еще один наблюдатель, улавливают сходство воздушного корабля одновременно с птицей и плавательным судном: «Ястреб, будто ростом с лодку»; «В облаках плыла ладья» [31, с. 212]. Упоминание ястреба выглядит совершенно логичным у писателя, родом из таежной деревни, но Е.В. Честняков мог последовать, пусть даже невольно, за Леонардо да Винчи, заметившим в одной из рукописей: «Птицы меня радовали в самом раннем детстве, и когда я был еще в колыбели, меня, говорят, посетил однажды большой коршун, не причинив мне зла» [28, с. 83]. Показательно, что характеристика «Просвистело, прошумело...», которая, на первый взгляд, кажется звуковым описанием птицы (она же и упомянута в конце словесного изображения воздухоплавательного аппарата), одновременно восходит к техническому движущемуся средству, явленному чуть позднее, когда Федорок прибывает на железнодорожную станцию, чтобы далее следовать на поиски пропавшей невесты:

«Вон там скоро уж вокзал;
Ходят, свищут поезда;
Приезжают господа.
Увезут тебя пути <...>» [31, с. 214].

Впервые оказавшись в столичном городе с высокими многоэтажными домами, удивившись их скопищу и тяжелому, давящему воздействию на души людей, Федорок начинает сравнивать корабль-птицу с небоскребами: «И ее корабль – как птицу. // Будто с крыльями она // И похожа на дома» [31, с. 216]. Его описание воздушного корабля дополнена точкой зрения на него девушки Яи:

Бот летит корабль крылатый
Над высокою палатой,
И на крыше, где он жил,
Крылья легкие сложил [31, с. 216].

Подобное описание еще раз встречается в стихотворной сказке ««Девичий сон»», в которой крестьянские девушки прямо с вечерней «беседки», где они пряли, были приглашены небесными феями-сестрами в столицу – то ли въявь, то ли во сне. Там они поднялись на крышу Эрмитажа и размечтались о том, как бы оказаться в пригородном лесу:

Крылья в воздухе запели...
Над эстрадой повисел..
Да и на пол тихо сел...
Сили² в лебедь.. полетели [32, с. 112].

²Е.В. Честняков часто отражал при письме диалектное произношение.

Образ лебедя Е.В. Честняков мог вычитать в книге Габриэля Сеайля (1852–1922) о Леонардо да Винчи и, несмотря на представление птицы в монографии в виде символа ученого-энциклопедиста, изобразить ее воздухоплавательным транспортным средством: «Он, как великая птица, примет свой первый полет на спине благородного лебедя (cecero), приводя весь мир в изумление, наполняя все книги (tutte le scritture) мольбой о себе, доставляя своей родине вечную славу» [25, с. 217]. Вероятно, Е.В. Честняков, будучи художником и интересуясь историей искусств, считал великого Леонардо своим идеалом и даже следовал ему во многих собственных творческих начинаниях.

В этих двух описаниях – в «Федорке» и ««Девичьем сне»» – Честняков как бы предвосхищает использование плоских крыш на домах-высотках в качестве вертолетных площадок, как это стало практиковаться в Москве с конца XX в., уже после кончины писателя. Такие площадки нужны для экстренной медицины и, вероятно, для ликвидации чрезвычайных происшествий. Честняков мог читать сообщения периодической печати о наблюдениях горожан над полетами самолетов над их городом в начале XX в., особенно когда он сам находился в столице. Так, в иллюстрированном журнале «Искры» 29 июня 1914 г. было напечатано сообщение о перелете авиаконструктора и пилота И.И. Сикорского на созданном им самолете «Илья Муромец» из Санкт-Петербурга в Киев 17 июня: «Расстояние 1020 вёрст покрыто в 13 часов 10 минут. Сикорский с товарищами оставался в Киеве до 26 июня, причём сделал несколько полётов над Киевом. Во время одного из полётов в числе пассажиров были сестра Сикорского, его дядя, вице-председатель киевского общества воздухоплавания Марков и другие. Полёт, совершённый на высоте 1400 метров, наблюдался буквально всем городом, высыпавшим на балконы и крыши» [15].

В поэме «Федорок» уже были намечены основные черты воздухоплавательных кораблей, а в дальнейшем Честняков более тщательно задумывался о технических приспособлениях для полетов по воздуху, размышляя об их конструктивных деталях. Один из главных героев Честнякова – крестьянский парень Стасий – подчеркивает наследование своих летательных идей из народных сказок: «И, конечно, думал, как и все, о скатертях-самобранках, коврах-самолетах <...>» [33, с. 57]. Е.В. Честняков указывает основы изобретательства: «И у него дело с игрой мешаться стало... // И забавная игра вначале – потом окажется работой важной... Фантазия несется впереди практического дела... И в грядущем воплотятся наши измысления, – так говорил» [33, с. 57].

Е.В. Честняков, сам происходя из крестьян, определяет универсальность крестьянского труда: «Как крестьянин, он – мастер на разное <...>; и следом: «Занятия его – вроде изобретательства оригиналов... своих манеров... а это не ремесло, не на продажу»; «Крестьяне – мастера чуть ли не на все руки, ну и он тоже. Знал, умел все работы и завлекался очень усидчиво разными занятиями» [33, с. 56]. В перечне крестьянских умений – «земледелец, плотник, сапожник» и так далее – неожиданно появляются «архитектор и инженер», которые

как раз и реализуют в творчестве Е.В. Честнякова две совершенно разные идеи полета – с помощью крыльев и специальных летательных аппаратов [33, с. 56]. Заметим, что мастерством в двух указанных профессиях особо гордился Леонардо да Винчи, что отмечено его биографами [25, с. 21–22; 27, с. 85; 8, с. 22].

Е.В. Честняков описывает и процесс построения летательного аппарата, и получившийся его внешний вид: герой от продажи глиняных свистулек «купил на выручку крепкой желтой шелковой ткани и принял очень усердно думать и делать. Обдумывал-раздумывал, делал-переделывал много-много раз разные части для корабля... И уже сделанный корабль переделывал много-много раз... // Так прошел не один год. // Главное его дело было – летучий корабль» [33, с. 62]. Сложность осуществления поставленной задачи ощущал и великий предшественник Е.В. Честнякова – Леонардо да Винчи, судя по его наброскам и чертежам воздушного аппарата: «Какое терпение и какой скрытый энтузиазм обнаруживается в его постоянных усилиях создать летательную машину! В течение более тридцати лет, среди стольких забот и замыслов, он работает над нею сначала в Милане (рукопись В), потом в Риме (рукопись Е)» [25, с. 217].

Внешний вид летательного аппарата также важен Е.В. Честнякову; рисуя его технический портрет, он удостоверяет возможность сооружения транспортного средства и убеждает в том других. Именно поэтому описание чрезвычайно пространно, с указанием множества конструктивных деталей и механизмов. Е.В. Честняков предназначал свои сочинения в первую очередь крестьянам; поэтому, чтобы читателям (или слушателям читающей вслух книги) было понятно устройство летательного аппарата, он опирается на известные зрительные образы обычных бытовых предметов севернорусской деревни: «Корабль его похож на птицу с раскинутыми крыльями – вроде солоницы дедушки Александра... <...> (царство ему небесное), выдолбленной из березовой валовушки, только без крыльев. Солоница та – корабль сделан, шелковые – и корпус, и крылья. Скрепляли корабль придавали ему крепко устойчивую форму прутики какие-то вроде жимолосточек.

Птица-корабль без спины, а с дном как ковш. На голове птицы – вроде хохол, формой как коронка. Куда-то вкладывался внутри корабля маленький ящик с запасом энергии, и так, что его не было видно. Для управления кораблем на борту, ближе к переду, – рычажки, штифтики, ручечки, кнопки, пуговки... А на хохле-короне – так справа и слева по пуговке. Понажать левую пуговку – и птица мигом сложится и будет похожа на недотку свернутую. Когда корабль сложен, голову птицы не видно, она прикрылась краями шелковой ткани. И можно взять на плечо и даже под пазуху и нести – не столь тяжело для взрослого человека» [33, с. 62].

Заметим, что впервые произведение опубликовано в московском издательстве в 2007 г. и для современных читателей-горожан, не владеющих костромским диалектом и не знающих особенности местного рыбного промысла, публикатору Р.Е. Обухову пришлось сделать словарное толкование: «Недотка – бредень из редкой ткани для ловли мелкой рыбы» [33, с. 354]. Если Е.В. Чест-

няков рассказывал или зачитывал фрагменты «Сказания...» жителям д. Шаблово и окрестных деревень, они, безусловно, прекрасно представляли в своем воображении устройство летучего корабля Страфия.

Показательно, что Е.В. Честняков описывает складной вид летательного аппарата, и это было чрезвычайно важно для его героя, желавшего в определенных ситуациях скрыть и замаскировать свое техническое творение. Почему? Потому что не все люди, особенно из числа крестьян, которые, казалось бы, должны были быть ему наиболее близки из-за общего социального происхождения и даже кровного родства, разделяют инженерные успехи Страфия, считая их излишними, ненужными для деревенского житья-бытъя.

Если вспомнить историю мировой авиации, то профессор фирмы «Messerschmitt AG» Александр Липпиш в 1942 г. получил патент на конструкцию самолета с изменяемой геометрией крыла (крыло изменяемой стреловидности), а первый серийный военный самолет-истребитель был запущен американцами в 1967 г., уже после кончины Е.В. Честнякова, а в России в 1969 г. появился «СУ-17» конструкции Сухого [19, с. 540, стб. 1608]. Однако Е.В. Честняков мог опираться в своем домысливании складного воздушного судна на бумажные самолетики, умению делать которые для развлечения и занятия детей обучали учителей и «садовниц» (так в начале XX в. называли воспитателей детского сада) [24]. Также он мог перенести идею складной конструкции с зонта на авиационный аппарат. Известно, что у Е.В. Честнякова был зонтик (он его потерял и нарисовал плакат с девочкой, которая сможет его найти и вернуть) [22, с. 244]. 4 мая 1715 г. в Париже изготовили первый складной зонтик, в 1770-е гг. зонты вошли в употребление повсеместно, с 1850-х гг. каркас делают из стали; русские купцы в начале XX в. применяли зонт-трость, который также складывался [12]. Но, как уже было сказано, еще раньше складную конструкцию летательного аппарата запечатлев в своих рисунках, чертежах и описаниях Леонардо да Винчи: «В снаряде (рисунок которого находится в Валенсиенском музее и в рукописи В) воздухоплаватель лежит, растянувшись на доске, а переди ее находится нечто вроде румпеля; к румпелю прикреплен прут из круглого железа, на котором держатся крылья и их составные части <...>» [25, с. 221].

Е.В. Честняков, как настоящий инженер-конструктор, устремляет своего героя Страфия в испытательный полет, а как крестьянин, для которого свадьба является главным событием в жизни и показателем возмужания человека, совмещает испытание летательного аппарата со сватовством его пилота. Он направляет Страфия в подходящие удаленные деревни со сходным хозяйственным укладом и добрыми нравами жителей и выбирает календарно-значимое время для предсвадебного периода – Фролов день (31 августа по н. ст.), когда хлебные колосья сжаты и озимое зерно посеяно. Итак: «Когда корабль стал совсем готов, Страфий решил его пробовать на полеты в свободном пространстве» [33, с. 62]. По жизненной логике крестьянина-изобретателя Страфия, все его сознательное существование должно состоять из двух этапов: из конструирования воздушного судна и дальнейшей

счастливой семейной жизни: «<...> он безо всякого не-пременно хотел выполнить свой завет: как-де построит корабль, так и жениться будет. И он непременно решил лететь свататься» [33, с. 63]. Полет предполагался сразу для пользы дела и все-таки продолжительный, поэтому Страфий тщательно подготовился: назначил предутреннее время, когда в деревне все еще спят, основательно поел, собрал необходимые для путешествия вещи.

Интересно, что Честняков изображает летательный аппарат двояко: как реальную птицу и как крестьянскую поделку, имеющую орнитоморфную форму (вспомним птицеподобную солоницу). Писатель описывает полет воздушного судна подобно летчику-испытателю, составляющему отчет об испытании нового корабля в небе, начиная с выкатывания агрегата на летное поле, со старта, планирования в воздухе и заканчивая приземлением. Итак: «Вынес Страфий сверток корабля на улицу, на сухую лужайку, понажал пуговку на правой стороне короны-хохла – и корабль мигом раскрылся на лужке, как птица, раскинув крылья.

Положил в корабль торбочку с хлебом, солью, штаны и рубашку... И в передней части у шеи птицы разместился сам, встал-сел на корабль. Повернул немножечко вправо некоторый рычажок-крючочек... У птицы хвост от горизонтального положения поднялся выше и стал наклонно – градусов на двадцать. Тронул Страфий другой рычажок... И корабль бесшумно стал подыматься...» [33, с. 65].

Писатель мог опираться на рисунок-схему летательного устройства, обнаруженную в записных книжках Леонардо да Винчи и похожую на «недотку» Честнякова со складными крыльями, даже с крючочками [25, с. 222].

Сама придуманная летательная конструкция такова, что обнимает собой одновременно несколько типов воздушных машин и научно-технических достижений: она способна раскрывать и складывать крылья, как самолет; допускает горизонтальный взлет, как вертолет или ракета, а позднее – космический корабль; бесшумность напоминает о глушителе у автомобильного двигателя. Заметно, как Е.В. Честняков с большой любовью и воодушевлением описывает придуманное техническое детище: во многих местах повествования он с теми или иными новыми подробностями живописует его устройство и особенности полета.

Надо уточнить, что «Сказание о Страфии – Короле Тетеревином» – это в определенной мере условное, сконструированное произведение, буквально составленное Р.Е. Обуховым из разных фрагментов рукописей Честнякова. В частности, об этом свидетельствует путаница с изготовителем солоницы в форме утицы, который именуется то дедушком Александром, то Левонтием (см. ниже), хотя можно допустить, что такой вид солонки был типовым и имелся у многих севернорусских жителей. Точный сюжет «Сказания...», понимаемый как последовательность изображения автором событий в художественном произведении, вероятно, навсегда останется неизвестным; однако фабулу (как линейную схему) Р.Е. Обухов восстановил очень убедительно. Исходя из этого, мы вправе сомневаться в том, сколько раз Е.В. Честняков намеревался дать читателям описание

летающего корабля в своем произведении, если бы он довел его до печати; соответственно, мы не знаем, какие фрагменты и в какой последовательности писатель хотел включить в текст, а какие оставил бы навсегда вариантами; также можно допустить, что эти словесные зарисовки предназначались не для одного сочинения, а для целого ряда «сочинушек». Однако совершенно ясно, что большое количество описаний летательного аппарата и полета на нем свидетельствует об устремленности мыслей Е.В. Честнякова к покорению воздушного пространства и космоса человеком. Повторим: Е.В. Честняков вводит разные образы воздушный кораблей, их создателей и испытателей в различные свои сочинения – в «Сказание о Страфии – Короле Тетеревином», в поэмы «Федорок», «Титко» и др.

Мы не знаем, в какие точно годы Е.В. Честняков сочинял «Сказание о Страфии – Короле Тетеревином» (очевидно, в начале XX в.; текст написан по старой орфографии). Он описывает скорость передвижения на летательном аппарате, которая могла показаться его современникам-крестьянам до Октябрьской революции 1917 г. фантастической, хотя она действительно была такой уже в начале XX в. С середины 1940-х годов, когда во многих небольших поселках появились аэродромы и перемещение людей между населенными пунктами Костромской обл. осуществлялось с помощью авиации, такие скоростные перелеты уже никому не казались заимствованными из волшебных сказок с коврами-самолетами.

Имелись аэродромы в Шолохове, Мантурофе, Боговарове, Воробьевице, Вожме (с 2014 г. с самолетом АН-2), Ведрове и, самое главное, в районе близ «малой родины» Честнякова – в Кологриве и в соседнем Макарьеве (если измерять пространство по-прежнему уездами) [3]. Существовали «вертодромы» (вертолетные площадки) гражданского, военного назначения и спасательной авиации в Волгореченске, Понге, Бузе, Вожме и Костроме; сейчас есть в Буграх и Мясницкой [3]. Имеются сведения о летных площадках в с. Нежитино Макарьевского р-на на р. Унже с вертолетом «МИ», с. Красногорье (Спас) того же района и на упомянутой реке. Сейчас действуют аэродромы в Костромской обл.: в Сокеркино (Сокиркино) в 8 км от Костромы (с 1944 г.); Татарское, Некрасово, г. Чухлома, г. Шарья [3].

Писатель не называет скорость полета, но показывает крошечные отрезки времени, затрачиваемые «летучим кораблем» для одоления пути в соседние деревни: «Страфий сначала летел не столь быстро: полминуты над Шабалой, полминуты над склоном горы (напротив ключика), две минуты над лугом, полминуты над рекой... <...> Утиную лягу пролетел уже через пять минут после вылета из дома. Летит дальше прямо на восток. Поднимается выше, и прибавил быстроты. Не прошло и полчаса в пути, на заре перед восходом солнца долетел до деревни Рябково, где нынешний Солюг... около того места... подальше немного» [33, с. 65].

Интересно, что Страфий прячет летучий корабль от жителей другой деревни, как это в реальности делали во время боевых действий (уже в Первую мировую, далее в Гражданскую и в Великую Отечественную войну) военные летчики, набрасывая ветки на самолеты или загоняя

их в специальные авиационные ангары. У Е.В. Честнякова это происходит так: «Вышел Страфий на луговину, сложил корабль, взял под пазуху, отворил дверку в овин и положил корабль под пеледом, не на землю, а на пересо-вицы, где пеха и метелки, от земли высоконько... у самой крыши... <...> “овин нехожалый, – думал Страфий, – и не-зачем приходить кому тут в овин...”» [33, с. 66]. Нашим современным читателям предназначены толкования ди-алектизмов в книге: «Пéлед, пеледá – мелкий сор (мякина, солома), который накапливается на двойном потолке овина; нижний потолок делали из жердей-пересовиц»; «Пехá – орудие для сдвигания (пихания) мусора в виде дощечки, насаженной поперек на палку» [33, с. 355].

Честняков на примере «летучего корабля» и других «диковин» поднимает несколько сложных проблем. Во-первых, «о пользе изобретений», для производства которых «фабрики и заводы загрязняют, опорочивают землю и отправляют газами» [34, с. 89]. Во-вторых, серьезный вопрос о том, кто должен платить за изобретения: государство, общество (хотя бы на уровне соседей по деревне), сам изобретатель, продавая «диковины»? Так, при сватовстве Страфия в деревне Рябково возникает спор с ее жителями о смысле жизни: «изобретателю» не на что содержать семью, хотя его труды по завершении их конструирования облегчают жизненные условия всему человечеству, но столь же важен и «отец семейства», он «служитель жизни не меньше изобретателя – без детей жизнь погибла бы» [33, с. 90]. Другие философские проблемы будут возникать и дальше, по ходу действия «Сказания...».

Однако Е.В. Честняков создавал не философский трактат, а художественное произведение, и потому «летучий корабль» оказался пружиной сюжета: молодой крестьянин случайно обнаружил в заброшенном овине нечто – «большое, мягкое и жесткое что-то» [33, с. 95]. В результате возник интерес: «Пахомко, наклонясь, рассматривал, искал толку, чтобы раскрыть, трогал пуговки... Одну токо поднажал как-то, и вдруг... для всех неожиданно развернулось все сразу какими-то пружинами – как бы большой шелковый ковш... крылатая птица... И кое-кого из кружка задела, хлестнула крыльями, но не так что особо больно» [33, с. 96]. В итоге Пахомко невольно оказался внутри корабля: «Все хорошо, гладко, как в солонице в виде утки, что сделал дедушко Левонтий из березовой валовушки. И сидеть есть местечко в задней части ковша вроде лавочки вплотную к стене, и не отставляется» [33, с. 96]. В конце концов Пахомко улетел из деревни в лес, хотя пытался сбросить с воздушного корабля веревку для его остановки, но было слишком поздно.

Роль Пахомка заключается отчасти в том, чтобы показать опасность полета на незнакомом воздушном корабле случайного пассажира – при отсутствии пилота, а заодно порассуждать об энергии, которая дает летную тягу. Пахом недоумевает: «Кабы правная птица – кормиться опустилась бы где-нибудь... И чем летит она? Диво! Машины вот, говорят, дровами али чем другим топят, чтобы пошли, а тут и видного ровно ничего нет... Чем оно действует, что с ним приключилось? – тоскует душа» [33, с. 98]. Крестьяне также размышляют о необходимо-

димости технической подпитки или естественного корма для странного аппарата – подобия птицы: «Живая – заходит есть, а сделанная – тоже требует топлива али чего, а то сила будет убывать» [33, с. 106]. В отличие от добровольно «улетевшей деревни» в дальнейшей части сюжета, крестьяне д. Рябково отправляются на поиски унесенного Пахома, причем «дедушко и бáушка» имеют воздушное судно «летучей курицей», а прежде другие жители деревни называли уважительно – «Это царь-птица, робяты, вот и с коронкой...» [33, с. 107, 96].

Полет рассматривается как угроза жизни: «Не знает Пахом, куда унесет эта птица и остановится ли где, не улетит ли она до самого краю белого света»; «Эх, прощай, белый свет, – тоскует душа. – Куды я лицу и долго ли так, и много ли верст – тыщу, миллион? И будет ли конец? Остановится птица хоть где-нибудь?» [33, с. 98]. Пахом здраво рассуждает и о возможности поломки летательного аппарата: «А как ежели сделается что, испроходитя тут, не полетит птица, да с высоты... эх...» [33, с. 98]. Он даже допускает мысль о смерти от голода, представляя, как воздушное судно будет лететь вечно.

Честняков описывает летное пространство, равно разделяемое летательным судном и птицами: «Вороны, ястреба парят, расправили крылья, и выше и ниже корабля» [33, с. 98]. В итоге Пахом случайно нажал какой-то рычажок-ключочек – и птица-корабль приземлилась.

В отличие от Пахома, Страфий как создатель «летучего корабля» видит в нем исключительно достоинство, к сожалению, вовремя не использованное им: «Может быть, и усвatalся бы, кабы знала Таиса. Стану-де летать в корабле к мамоньке в гости... А если бы здешний народ полетал на моем корабле, то охотно бы слово сказал за меня» [33, с. 104]. Таисия позже запоет песенку о женихе и его «диковине», которую она воспринимает в соответствии со своим фольклорным сознанием (и заодно с авторской аллюзией на древнегреческую мифологию с ее Пегасом): «А Пахом улетел на крылатом коне» [33, с. 148].

Далее согласно логике сюжета Страфий вынужден был отправиться на поиски Пахома и своего корабля: так действуют законы жанровой разновидности романа-путешествия. Е.В. Честняков вводит в повествование новые технические подробности, которые подключает как средства управления летательным кораблем, причем даже на расстоянии. Писатель использовал какие-то известные ему научные описания телевизионного (или радиоуправляемого) устройства, применив новый для того времени термин «телевидение», причем заимствовав его из французского языка: «На корабле было приспособление, где получалось изображение местности впереди корабля.

Показатель, вроде часов, раскрывался на два диска, как карманные часы с пряжкой: на одном – чувствительные стрелки, как компас, на другом – телевидение, на котором видно было изображение тех предметов местности, которые были впереди корабля.

У Страфия же был прибор для управления кораблем на расстоянии. <Страфий спрятался за куст> и наблюдает <на экране прибора>, где и как летит корабль, подобно тому, как если бы сам сидел в нем» [33, с. 104]. Получается, что Пахом решил, будто летучий корабль послушал-

ся его воздействия на рычажок-крючок и приземлился, как это было описано Е.В. Честняковым раньше, а на самом деле Страфий посадил воздушное судно, управляя им издали [33, с. 105]. Таким образом во втором эпизоде Е.В. Честняков опровергает описанное в первом, в определенной мере показывая роль автора как главного управителя своими героями и событиями.

К телевизионному устройству обнаружения воздушного судна, которое в 1935 г. получило название радара в авиации, Е.В. Честняков обратится еще раз, показав невозможность работы прибора при выключенном приемнике (хотя речь шла не о радиосвязи, а о радарном слежении за самолетом наподобие эхолота, применявшегося военными кораблями для поиска подводных лодок).

Явление отражения радиоволн обнаружил Г. Герц в 1886–1889 гг., А.С. Попов в 1897 г. наблюдал его в действии на примере корабля [6, с. 371, стб. 1099]. В 1900 г. Никола Тесла предположил, что объекты на земле и в воздухе можно находить с помощью отраженных электромагнитных волн [30; 16]. В 1905 г. Кристиан Хюльсмайер (Хюльсмайер) испытал «телемобильскоп» (радиолокатор) и получил германский патент на идею прибора от 30 апреля 1904 г [9]. Началась эра радиовидения и соответствующих приборов, работающих с помощью испускания радиоволн (радиокомпас, радиомаяк, радиолокатор и др.); появились научно-технические дисциплины для исследования и применения методов слежения за перемещением транспортных средств в пространстве, действующих на основе отражения радиоволн от разных поверхностей (радиолокация, радионавигация, радиопеленгация) [6; 7].

Итак, у Честнякова Страфий не смог на следующий день повторно отыскать «летучий корабль»: «Что за дело такое? Стрелки чувствительно мечутся по циферблату, а толку нет, телевидение не кажется, будто нет корабля в природе.

— Похоже, коронка потревожена, али что... Похоже, Пахом удосужился сложить корабль и упрятал где-то и сломать мог совсем коронку-то, хрупкая, — подсказал Страфий, — вот луч радия в эфире и заплутался, надеялся будет поправлять, али новуюставить из запаса» [33, с. 108–109].

Для датировки произведения важны три употребленных Честняковым слова (или даже понятия, выраженных отдельными лексемами либо устойчивыми выражениями), которые тогда являлись неологизмами (и нововведаниями): «телевидение», «луч радия в эфире» и «два диска, как карманные часы с пряжкой». Все эти термины и описания возникли в конце XIX – начале XX вв. и были известны Честнякову. Первым из новых приборов появился Диск Нипкова (англ. Nipkow disk) – оптико-механическое устройство для сканирования изображений – «электронный телескоп», изобретённое немецким инженером Паулем Нипковом в 1884 г. и являвшееся неотъемлемой частью многих систем телевидения с механической разверткой вплоть до 1930-х гг [20; 34, с. 377, стб. 1118].

Далее, слово «télévision» (составное из греч. τῆλε «далеко» и лат. visio «видение») впервые использовал

на французском языке в 1900 г. русский учёный Константин Перский на VI Международном электротехническом конгрессе, прошедшем в рамках Всемирной выставки в Париже, а в России преимущественно использовались до 1930-х гг. термины-синонимы « дальновидение», «электровидение», «радиоскопия» [29].

Радий (более радиоактивный, чем уран) открыли супруги Пьер и Мария Кюри и Ж. Бемон в 1898 г. – после обнаружения А. Беккерелем явления радиоактивности в 1896 г.; в 1910 г. Мария Кюри и Андре Дебьерн выделили чистый радий [5, с. 339, стб. 1005].

Эфир в конце XIX в., во время учёбы Честнякова, еще понимался как гипотетическая всепроникающая среда – переносчик света и электромагнитных явлений, учение о нем отталкивалось от древнегреческой мифологии с его трактовкой верхнего, наиболее легкого и прозрачного слоя воздуха. Научное понимание эфира как особого околосолнечного пространства было отменено с появлением теории относительности А. Эйнштейна в 1905 г [17; 7, с. 54, стб. 149–150].

У Е.В. Честнякова была пара разных фотоаппаратов с пластиинками, купленные во время его двух поездок в Санкт-Петербург с 1899 по 1905 гг. и в 1913–1914 гг.; понятно, что он интересовался химическими процессами, протекавшими при фотографировании и печати снимков, а также при их случайном засвечивании [1; 14, с. 57].

Безусловно, давним прообразом описанного телекоммуникационного устройства послужило волшебное зеркало или катающееся по серебряному блюдечку золотое яблочко из фольклорной сказки (СУС 329 – «Елена (Алена) Премудрая: хочет выйти замуж только за того, кто сумеет от нее спрятаться; герой чудесным образом <...> скрывается за волшебным зеркалом или за волшебной книгой и получает руку волшебницы»; СУС 709 – «Волшебное зеркальце (Мертвая царевна)»). Подобный сказочный предмет «информирует о состоянии внешнего мира»: СУС 329, СУС 709 [11, с. 35, 79].

Выводы

Получается, что Е.В. Честняков, в отличие от писателей-фантастов, не предвидел идею дистанционного управления: он вычитал ее в газетах или даже научной литературе и заимствовал как ценное изобретение человечества. Возникает дополнительный вопрос о цельности работы писателя над сюжетом о Страфии и о продолжительности процесса создания произведения, о времени его выхода из-под пера. Группировка всех изобретений, связанных с управлением летательными аппаратами с помощью телекоммуникационных средств, в узких временных рамках – чуть более чем в четверть века, не подтверждает вероятное предположение о том, что на протяжении многих десятилетий Е.В. Честняков возвращался к любимому сюжету и все более оснащал воздухоплавательное средство новинками технического прогресса. Такая гипотеза объясняла бы представление «летучего корабля» не во всей красе сразу, но истолковывала причины его обрисовки постепенно, по частям. Однако сопоставление художественных описаний с научными данными опровергает это предположение, тем

более что никаких иных примет времени (в первую очередь, знаков Советской эпохи) в произведении не появилось.

Будучи писателем-просветителем, Е.В. Честняков поступил очень мудро, не представляя сразу всю «техническую документацию» (или «технический паспорт», разрабатываемый инженерами-конструкторами и прикладываемый производителем к каждому прибору); он разбивает информацию на несколько частей и выдает каждую порцию постепенно, при определенном повороте сюжета.

Собственно, наблюдение читателя над «летучим кораблем» показывает, что именно он оказывается движителем сюжета: все события разворачиваются вокруг него. Действительно, роль воздушного транспорта чрезвычайно велика в «Сказании о Ставии – Короле Теревином»: заглавный герой оказывается совершенно

неординарным потому, что изобретает «диковину», потом он ее опробует в летном испытании, путешествует на ней по воздуху, посещает представителей разных слоев общества – крестьян, выходцев из деревни и прочих горожан, царскую семью; он прячет корабль от деревенских жителей и, наоборот, демонстрирует ее населению столицы, приглашает царевну Марию полетать в сопровождении стаи тетеревов и катает на своем воздухоплавательном судне одинокую девушку Одарью из покинутой жителями деревни Выскориха. Сюжет отчасти напоминает волшебную сказку, только без полемики насчет возможности построить самолет: «Деревянный орел (голубь): спор о том, кто изготовит самый чудесный предмет; мастер делает деревянного орла; царевич летает на нем в башню к царевне; его ловят и хотят казнить; улетает с места казни вместе с царевной» (СУС 575).

Список литературы

1. Анохин А.А. Светописец Ефим Честняков // Анохин А.А. Кострома в будни и праздники. Портрет города времен последнего императора. Губернские светописцы. – Кострома: Костромаиздат, 2013. – С. 254–258 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starina44.ru/-svetopisec-efim-chestnyakov>; <https://kostroma.kostromka.ru/kostromaizdat/public/anochin/254.php> (дата обращения: 12.06.2021).
2. Афанасьев А.Н. Русские народные сказки: в 5 т. / под ред. А.Е. Грузинского. – 4-е изд. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1913–1914.
3. Аэроклубы / Аэроромы. Костромская область [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lookfortrip.ru/st/places_kostrom_o (дата обращения: 19.06.2021).
4. Белинович В.В. Игры в избе: пособие по работе в деревне. – Ростов н/Д: Северо-Кавк. краевой и Донской совет физ. культуры, 1926. – 36 с.
5. Бердоносов С.С. Радий // Большая советская энциклопедия (БСЭ). Т. 21. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – С. 339–340. Стб. 1005–1006.
6. Богомолов А.Ф. Радиолокация // БСЭ. Т. 21. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – С. 270–373. Стб. 1097–1106.
7. Болотовский Б.М. Электродинамика движущихся сред // БСЭ. Т. 30. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1978. – С. 54–56. Стб. 149–154.
8. Броквелль М. Леонардо да Винчи / пер. Е. Боратынской. – М.: Товарищество Типолитогр. И.М. Машикова, 1910. – 80 с.
9. Великие немецкие изобретатели. Изобретатель радара Кристиан Хюльсмайер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lgroutes.com/Famous/Originator/Huelsmeyer.html> (дата обращения: 12.04.2021).
10. Волков Г.Н. Этнопедагогическая пансофия // Волков Г.Н. Избранные сочинения: в 7 т. Т. 2. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковleva, 2020. – 527 с.
11. Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. – М.: ГРЦРФ, 2009. – 222 с.
12. Зонтичное производство // Энциклопедический словарь. Т. XIIa / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб.: Типо-литогр. И.А. Ефона, 1894. – С. 668–669.
13. Игнатьев В.Я. Ефим Васильевич Честняков. – Кострома: Теза, 1995. – 128 с.
14. Игнатьев В.Я., Трофимов Е.П. Мир Ефима Честнякова / В.Я. Игнатьев, Е.П. Трофимов. – М.: Молодая гвардия, 1988. – 223 с.
15. Искры. – 1914. – 29 июня.
16. История великого изобретения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rostec.ru/news/radar-istoriya-velikogo-izobreteniya> (дата обращения: 20.06.2021).
17. Киржниц Д.А. Эфир // БСЭ. Т. 30. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1978. – С. 320. Стб. 946–947.
18. Кожедуб И.Н. Самолетный спорт. Т. 22. / И.Н. Кожедуб, А.Ф. Косс // БСЭ. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – С. 541. Стб. 1610–1611.
19. Никитин Г.А. Самолет / Г.А. Никитин, Е.А. Баканов // БСЭ. Т. 22. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – С. 539–541. Стб. 1604–1609.
20. Нипков // Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 18. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – С. 27. Стб. 67.
21. Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. Т. 1 / сост., подгот. текстов писем и comment. А.М. Крюковой. – М.: Художественная литература, 1989. – 351 с.
22. Пути в избах. Трикнижие о шабловском праведнике, художнике Ефиме Честнякове / сост., авт. предисл. и comment. Р.Е. Обухов. – М.: Междунар. центр Перихов; Мастер-Банк, 2008. – 440 с.

23. Ремизов А.М. Во власти сказок / вступ. заметка, подгот. текста и comment. А.М. Грачевой // Русская литература. – 2019. – №3. – С. 236–239.
24. Самоделова Е.А. Начала этнопедагогики Е.В. Честнякова в Костромской губернии // Этнопедагогика как фактор сохранения российской идентичности. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2017. – С. 100–105.
25. Свайль Г. Леонардо да-Винчи как художник и учений (1452–1519): опыт психол. биогр. / пер. с фр. – СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1898. – 336 с.
26. Серов И.А. Все как в жизни. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001. – 236 с.
27. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников [и др.]. – Л.: Наука, 1979. – 437 с.
28. Филиппов М.М. Леонардо да Винчи. Его жизнь и деятельность: биогр. очерк. – СПб.: Типогр. Товарищества «Обществ. польза», 1892. – 88 с.
29. Хакимова Л. История телевидения: от механических систем до ОТТ-платформы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cableman.ru/article/istoriya-televideniya-ot-mekhanicheskikh-sistem-do-ott-platformy> (дата обращения: 04.07.2019).
30. Цверава К.Г. Тесла // БСЭ. Т. 25. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1976. – С. 512–513. Стб. 1524–1525.
31. Честняков Е.В. Поэзия / сост. Р.Е. Обухов. – М.: Компьютерный аудит, 1999. – 336 с.
32. Честняков Е.В. «Русь, уходящая в небо...»: материалы из рукописных книг / сост. Т.П. Сухарева. – Кострома: Костромаиздат, 2011. – 168 с.
33. Честняков Е.В. Сказание о Стадии – Короле Тетеревином / сост. Р.Е. Обухов. – М.: Междунар. центр Перихов; Мастер-Банк, 2007. – 368 с.
34. Шмаков И.В. Телевидение // БСЭ. Т. 19. – М., 1975. – С. 376–378. Стб. 1116–1120.
35. Этнопедагогический манифест И.Я. Яковлева: к 155-летию со дня рождения И.Я. Яковлева. – Чебоксары: ИПК «Чувашия», 2003. – 59 с.

References

- Anokhin, A. A. (2013). Svetopisets Efim Chestniakov. Anokhin A.A. Kostroma v budni i prazdniki. Portret goroda vremen poslednego imperatora. Gubernskie svetopistsy, 254-258. Kostroma: Kostromaizdat. Retrieved from <http://starina44.ru/-svetopisec-efim-chestnyakov>
- Gruzinskogo, A. E., & Afanas'ev, A. N. (1913). Russkie narodnye skazki. M.: Tip. T-va I.D. Sytina-.
- Aerokluby. Retrieved from https://lookfortrip.ru/st/places_kostrom_o
- Belinovich, V. V. (1926). Igry v izbe., 36. Rostov n/D: Severo-Kavk. kraevoi i Donskoi sovet fiz. kul'tury.
- Berdonosov, S. S. (1975). Radii. Bol'shaya sovetskaia entsiklopediia (BSE). T. 21, 3, , 9-40. M.: Sovetskaia entsiklopediia.
- Bogomolov, A. F. (1975). Radiolokatsii. BSE. T. 21, 3, , 270-7. M.: Sovetskaia entsiklopediia.
- Bolotovskii, B. M. (1978). Elektrodinamika dvizhushchikhsia sred. BSE. T. 30, 3, , 54-56. M.: Sovetskaia entsiklopediia.
- Brokvell', M., & Boratynskoi, E. (1910). Leonardo da Vinci., 80. M.: Tovarishchestvo Tipolitogr. I.M. Mashistova.
- Velikie nemetskie izobretateli. Izobretatel' radara Kristian Khiul'smaier. Retrieved from <https://lgroutes.com/Famous-Originator/Huelsmeyer.html>
- Volkov, G. N. (2020). Etnopedagogicheskaiia pansofiiia. Volkov G.N. Izbrannye sochineniiia, 527. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t im. I.Ia. Iakovleva.
- Dobrovolskaiia, V. E. (2009). Predmetnye realii russkoi volshebnoi skazki., 222. M.: GRTsRF.
- (1894). Zontichnoe proizvodstvo. Entsiklopedicheskii slovar'. T. XIIa, 668-669. SPb.: Tipe-litogr. I.A. Efrona.
- Ignat'ev, V. Ia. (1995). Efim Vasil'evich Chestniakov., 128. Kostroma: Teza.
- Ignat'ev, V. Ia., & Trofimov, E. P. (1988). Mir Efima Chestniakova., 223. M.: Molodaia gvardiia.
- Iskry. 1914. June 29.
- Istoria velikogo izobreteniiia. Retrieved from <https://rostec.ru/news/radar-istoriya-velikogo-izobreteniya>
- Kirzhnits, D. A. (1978). Efir. BSE. T. 30, 3, , 20. M.: Sovetskaia entsiklopediia.
- Kozhedub, I. N., & Koss, A. F. (1975). Samoletnyi sport. T. 22. BSE, 3, , 541. M.: Sovetskaia entsiklopediia.
- Nikitin, G. A., & Bakanov, E. A. (1975). Samolet. BSE. T. 22, 3, , 59-541. M.: Sovetskaia entsiklopediia.
- (1974). Nipkov. Bol'shaya sovetskaia entsiklopediia, 3, , 27. M.: Sovetskaia entsiklopediia.
- Perepiska, A. N., & Kriukovoi, A. M. (1989). Tolstogo: v 2 t. T. 1., 351. M.: Khudozhestvennaia literatura.
- Obukhov, R. E. (2008). Puti v izbakh. Triknizhie o shablovskom pravednike, khudozhhike Efime Chestniakove., 440. M.: Mezhdunar. tsentr Rerikhov; Master-Bank.
- Remizov, A. M., & Grachevoi, A. M. (2019). Vo vlasti skazok. Russkaia literatura, 3, 236-239.
- Samodelova, E. A. (2017). Nachala etnopedagogiki E.V. Chestniakova v Kostromskoi gubernii. Etnopedagogika kak faktor sokhraneniia rossiiskoi identichnosti, 100-105. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t.
- Svail', G. (1898). Leonardo da-Vinchi kak khudozhhnik i uchenyi (1452-1519), 336. SPb.: L.F. Pantaleev.
- Serov, I. A. (2001). Vse kak v zhizni., 236. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova.

27. Barag, L. G., Berezovskii, I. P., & Kabashnikov, K. P. (1979). Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov: Vostochnoslavianskaia skazka., 437. L.: Nauka.
28. Filippov, M. M. (1892). Leonardo da Vinci. Ego zhizn' i deiatel'nost', 88. SPb.: Tipogr. Tovarishchestva "Obshchestv. pol'za".
29. Khakimova, L. Istoriia televideniiia: ot mekhanicheskikh sistem do OTT-platformy. Retrieved from <https://www.cableman.ru/article/istoriya-televideniya-ot-mekhanicheskikh-sistem-do-ott-platformy>
30. Tsverava, K. G. (1976). Tesla. BSE. T. 25, 3, , 512-51. M.: Sovetskaia entsiklopediia.
31. Chestniakov, E. V., & Obukhov, R. E. (1999). Poeziia., 336. M.: Komp'iuternyi audit.
32. Chestniakov, E. V., & Sukhareva, T. P. (2011). "Rus', ukhodiashchaia v nebo...": materialy iz rukopisnykh knig., 168. Kostroma: Kostromaizdat.
33. Chestniakov, E. V., & Obukhov, R. E. (2007). Skazanie o Stafii., 368. M.: Mezhdunar. tsentr Rerikhov; Master-Bank.
34. Shmakov, I. V. (1975). Televidenie. BSE. T. 19, 1116, 376-378. M.
35. (2003). Etnopedagogicheskii manifest I.Ia. Iakovleva., 59. Cheboksary: IPK "Chuvashia".

Информация об авторе

Самоделова Елена Александровна – д-р филол. наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН)», Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Elena A. Samodelova – doctor of philological sciences, senior research fellow at FPFIS "A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences" (IWL RAS), Moscow, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 12.07.2021

Принята к публикации / Accepted 21.09.2021

Опубликована / Published 28.09.2021

Рецензия на: Абусеитова М.Х. Казахское ханство. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020. – 344 с.

DOI 10.31483/r-99456

УДК 308

Муканова Г.ККазахский национальный университет имени аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан.

<https://orcid.org/0000-0002-9222-5893>, e-mail: Gulnar_mukanova@mail.ru

Для цитирования: Муканова Г.К. Рецензия на: Абусеитова М.Х. Казахское ханство. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020. – 344 с. // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, № 3. – С. 51-53. DOI:10.31483/r-99456.

Review: Abuseitova M.Kh. (2020). Kazakh Khanate, 344

Gulnar K. MukanovaAl-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Republic of Kazakhstan.

<https://orcid.org/0000-0002-9222-5893>, e-mail: Gulnar_mukanova@mail.ru

For citation: Mukanova G.K. (2021). Review: Abuseitova M.Kh. (2020). Kazakh Khanate, 344. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(3), 51-53. (in Russ.). DOI:10.31483/r-99456.

Монография «Казахское ханство» написана доктором исторических наук, член-корреспондентом Национальной академии наук Республики Казахстан, директором Казахстанского республиканского центра по изучению исторических материалов Института востоковедения имени Р.Б. Сулейменова профессором М.Х. Абусеитовой. Книга опубликована издательством «Шығыс пен Батыс» в городе Алматы в 2020 году, она представляет собой 2-е издание, переработанное и дополненное.

Издание монографии осуществлено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан в рамках научной программы «История и культура Великой степи». С 2018 г. в Казахстане реализуется государственная программа «Архив-2025», ставящая целью сведение фундаментальных исследований отечественных и зарубежных архивов в единый электронно-цифровой фонд.

Рецензируемое издание аккумулирует результаты критического анализа сведений письменных восточных, западноевропейских, русских источников через призму данных археологии, этнографии, а также устной исторической традиции на предмет систематизации этносоциальной и политической истории казахского этноса. Автором монографии уделяется особое внимание исследованию духовного и культурного наследия, взаимодействию и взаимовлиянию восточных и западных культур на просторах Великого шелкового пути. Автор является специалистом в области арабо-персидской письменности, составившей знаковую основу источниковедения по истории и этнологии средневекового Казахстана и Центральной Азии.

М.Х. Абусеитовой предлагаются новые подходы к изучению исторической преемственности и традиций казахской государственности. Исследование аспектов жизнедеятельности этноса, в недавнем прошлом от-

носимого к бесписьменным, автором осуществлено на междисциплинарном уровне. Монография содержит такие разделы, как «Устная историческая традиция», «Визуальные источники (артефакты, карты, миниатюры, картины)», «Духовное наследие и взаимовлияние культур на Великом Шелковом пути. Синcretизм верований, религий», «Ренессанс в истории Казахского ханства».

В монографии выделен отдельный раздел «Договор как основной дипломатический акт. Переговоры и посольства. Династический брак» посвящен анализу внешнеполитических и торгово-экономических связей тюрков, а также дипломатического этикета восточных государственных образований [2, с. 184–190]. Целевое погружение в прошлое наряду со знанием восточных языков и переработкой большого массива рукописей и раритетных архивных материалов позволяет отнести рецензируемую монографию к разряду фундаментальных трудов.

Этнологические аспекты казахской государственности выявлены и систематизированы автором издания на базе многолетних археографических исследований в Российской Федерации, Монголии, Китае, Узбекистане, Киргизии, Турции, Франции, Великобритании, Венгрии и Швейцарии. Исследовательская работа в зарубежных архивах и музеях коллекциях позволила выявить уникальные артефакты: восточные миниатюры, каменный саркофаг согдийского предводителя Аньцзя, музыкальные инструменты, через эволюцию которых автором прослеживается миграция этносов и межкультурные заимствования. Кроме того, автором проведен компаративный анализ нумизматических раритетов, например, монет кушанских правителей Канишки и Хувишки [2, с. 97].

Автором осуществлен синтез данных из записок западноевропейских путешественников и послов

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

П. Карпини, Гильома де Рубрука, А. Стейна, Э. Шаванна, П. Пелльо, С. Хегина и др., проявлявших интерес к этнокультурным особенностям народов Евразии [2, с. 64–67]. Синкретизм верований, религий на степном пространстве Евразии, считает автор, были той основой, благодаря которой происходил обмен культурными достижениями. «Христианство (не-сторианство), буддизм, манихейство, тенгрианство, шаманизм, ислам адаптировались в традиционной культуре Центрально-Азиатского региона и интегрировались в нее» [2, с. 98].

Среди вводимых автором монографии в научный оборот материальных источников по этнической истории казахов особое место занимают наскальные изображения. По убеждению М. Абусеитовой, «атрибуты в каменных изваяниях дают представление о военной иерархии, военном деле, расселении этносов (этногеографии), мировоззрении тюрков и др.» [2, с. 99]. Логичным представляется обращение автора на символы власти правителей, сфрагистику, солярные и иные изображения, дающие представление о сакральных предпочтениях наследников территории Казахстана и смежных областей.

Данное издание является ключом к пониманию закономерно обусловленной преемственности в изучении истории и этнологии Казахстана. Казахстанское обществоведение прошло тернистый путь. Пионером изучения прошлого казахского народа по праву считается ученый-этнограф, географ Ч. Валиханов (1835–1865), чья короткая жизнь была посвящена как науке, так и опасным путешествиям [5]. Одним из первых приступил к написанию учебника по истории Казахстана С.Д. Асфендияров [3]. Нарком просвещения Казахской Республики С. Садвокасов (1900–1933) в своих выступлениях в середине 1920 гг., когда большевики отрицали научные открытия Ч. Валиханова, поэзию А. Кунанбаева, роль исторической личности хана Абылайя, этнопедагогику И. Алтынсарина и др., отстаивал их заслуги [см.: 7].

В послевоенном Казахстане репрессии подвергся коллектив авторов издания «История Казахстана», в их числе и Е.Б. Бекмаханов [4]. В те годы этнологические и антропологические исследования во все были отнесены к буржуазным, в частности, был уничтожен набранный тираж монографии антрополога О.И. Исмагулова [6]. Для суворенного Казахстана ныне изучение культурного наследия является основой понимания казахской самоидентичности,

ментальности, государственности и национальной идеи в условиях глобализации.

Рецензируемый труд М.Х. Абусеитовой является богато дополненным и переработанным изданием ранней монографии [1]. В издании 1985 г. анализу были подвергнуты проблемы развития казахской государственности и народности во второй половине XVI в., на основе преимущественно персоязычных исторических источников XVI–XVII вв. Новое издание, которое по феноменологической компоненте следует классифицировать как интереснейший коммуникативный инструмент для специалистов и всех интересующихся восточными социумами, насыщено разножанровой информацией и опирается на более широкую базу источников.

В приложении читатель прикоснется к богатой кладези уникальных источников: книгу дополнили извлечения из «Тарих-и джаянгушай» Джувайни, «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи, «Бахр ал-асрап фи манакиб ал-ахтар» Махмуда ибн Вали, равно как переписка правителей с соседними государствами, иллюстративные материалы из коллекций по нумизматике и сфрагистике, уникальных географических и geopolитических карт [2, с. 282–140]. Издание прекрасно иллюстрировано копиями миниатюр и рукописей из Британской библиотеки (Лондон), Рампур (Индия), Научной библиотеки Казанского университета, из Фонда Анри Мозера Бернского исторического музея (Берн, Швейцария), Национальной библиотеки (Алматы, Казахстан), Лувра и Национальной библиотеки Франции (Париж), музеев под открытым небом Монголии, КНР [2, с. 73, 169, 241]. Все эти материалы были выявлены во время археографических экспедиций в ходе выполнения грантовых проектов под руководством профессора М.Х. Абусеитовой.

В ходе многолетнего исследования М.Х. Абусеитовой получены интереснейшие результаты, которые могут быть рекомендованы к применению в практике вузовской и академической подготовки профессиональных кадров этнологов, при создании музеиных коллекций и модернизации дизайнерской линейки национального стиля одежды, архитектуры и зодчества.

Монография М.Х. Абусеитовой является значительной историко-этнологической работой в области изучения кочевых цивилизаций и казаховедения в частности.

Список литературы

1. Абусеитова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. – Алма-Ата: Наука, 1985. – 104 с.
2. Абусеитова М.Х. Казахское ханство. – 2-е издание, перераб. и доп. – Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020. – 344 с.
3. Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). Том 1. – Алма-Ата. – М.: Казахское краевое издательство, 1935. – 260 с.
4. Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX в. – М., 1948. – 400 с.
5. Валиханов Ч.Ч. Сочинения Чокан Чингисовича Валиханова. – СПб.: Типография главного управления уделов, 1904. – 624 с.
6. Исмагулов О.И. Этническая антропология Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1982. – 93 с.
7. Муканова Г.К. Центральная Азия и проблемы деколонизации. Антология интеллектуальной истории. – Саарбрюккен: LAP, 2013. – 256 с.

References

1. Abuseitova, M. Kh. (1985). Kazakhskoe khanstvo vo vtoroi polovine KhVI veka., 104. Alma-Ata: Nauka.
2. Abuseitova, M. Kh. (2020). Kazakhskoe khanstvo., 344. Almaty: Shygys pen Batys.
3. Asfendiarov, S. D. (1935). Istoriiia Kazakhstana (s drevneishikh vremen). Tom 1., 260. M.: Kazakhskoe kraevoe izdatel'stvo.
4. Bekmukanov, E. B. (1948). Kazakhstan v 20-40-e gody XIX v., 400. M.
5. Valikhanov, Ch. Ch. (1904). Sochineniia Chokan Chingisovicha Valikhanova., 624. SPb.: Tipografija glavnogo upravlenija udelov.
6. Ismagulov, O. I. (1982). Etnicheskaja antropologija Kazakhstana., 93. Alma-Ata: Nauka.
7. Mukanova, G. K. (2013). Tsentral'naia Aziia i problemy dekolonizatsii. Antologija intellektual'noi istorii., 256. Saarbruukken: LAP.

Информация об авторе

Муканова Гульнар Кайроллиновна – канд. ист. наук, профессор, профессор кафедры Казахского национального университета имени аль-Фараби», Алматы, Республика Казахстан.

Information about the author

Gulnar K. Mukanova – candidate of historical sciences, professor, professor of the department of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan.

Поступила в редакцию / Received 24.08.2021

Принята к публикации / Accepted 29.09.2021

Опубликована / Published 29.09.2021

Неизвестные рецензии на «Словарь чувашского языка» Н.И. Ашмарина

DOI 10.31483/r-97993

УДК 811.512.111

Семёнова И.П.

БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики,
Чебоксары, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-8370-880X>, e-mail: irinnasemenova@yandex.ru

Резюме: В статье дается обзор рецензий на «Словарь чувашского языка» Н.И. Ашмарина, опубликованных в иностранных научных журналах. Тезаурус стал доступен широкому кругу западных языковедов после его выхода в 1968 г. в виде фотолитографического издания с предисловием Г. Дёрфера в Индианском университете США. *Материал исследования составили рецензии И. Бенцинга, Г. Дёрфера, Б. Шернера, М.Дж. Дрездена, К.Г. Менгеса и У. Брэнса. Многие из указанных документов хранятся в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Работа написана в научно-исследовательском ключе. Цель работы – ввести в научный обиход отечественного чувашеведения неизвестные в России рецензии о словаре Н.И. Ашмарина. Тезаурус чувашского языка выдающегося ученого получил положительные отзывы со стороны многих зарубежных коллег с мировым именем. Настоящий труд для них стал лучшим источником сведений о чувашском языке. Для развития ашмариноведения важным представляется издание документов, включая рецензии, так или иначе имеющих отношение к ученому. Рецензии в этом плане являются важными документами, способствующими объективно оценить результаты научной деятельности исследователя.*

Ключевые слова: ашмариноведение, лексикография, чувашский язык, рецензия.

Для цитирования: Семёнова И.П. Неизвестные рецензии на «Словарь чувашского языка» Н.И. Ашмарина // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, № 3.– С. 54–56. DOI:10.31483/r-97993.

Previously Unknown Reviews of the "Thesaurus of the Chuvash Language" by N.I. Ashmarin

Irina P. Semenova

BSI "Chuvash State Institute of Humanities"
of Ministry of Education & Youth of Chuvash Republic,
Cheboksary, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-8370-880X>, e-mail: irinnasemenova@yandex.ru

Abstract: The article provides an overview of reviews of the «Dictionary of the Chuvash language» by N.I. Ashmarin, published in foreign scientific journals. The thesaurus became available to a wide circle of Western linguists after its release in 1968 in the form of a photolithographic edition with a foreword by G. Durfer at the Indiana University in the USA. The research material was reviewed by J. Benzing, G. Dörfer, B. Scherner, M.J. Dresden, K.G. Menges and W. Brands. Many of these documents are kept in the scientific archive of the Chuvash State Institute of the Humanities. The work is written in a scientific vein. The purpose of this work is to introduce into the scientific use of Russian Chuvash studies reviews of N.I. Ashmarin. The thesaurus of the Chuvash language of the outstanding scientist received positive reviews from many foreign colleagues with a worldwide reputation. This work for them became the best source of information about the Chuvash language. For the development of Ashmarin studies, it is important to publish documents, including reviews, one way or another related to the scientist. In this regard, reviews are important documents that contribute to an objective assessment of the results of the scientific activity of the researcher.

Keywords: Ashmarin studies, lexicography, Chuvash language, review.

For citation: Semenova I.P. (2021). Previously Unknown Reviews of the "Thesaurus of the Chuvash Language" by N.I. Ashmarin. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(3), 54–56. (in Russ.). DOI:10.31483/r-97993.

Введение

Чувашская национальная лексикография и языкознание в целом на протяжении всего XX столетия в тюркском мире признавались в качестве передовых разделов. Во многом это стало заслугой научной деятельности выдающегося чувашеведа Н.И. Ашмарина, посвятившего себя служению чувашскому народу. Дело его жизни – словарь в 17 томах, охватывающий все лексическое разнообразие чувашского языка и, по сути, являющийся энциклопедией чувашской жизни.

Казалось бы, чувашеведение практически в полном объеме обладает сведениями об ученом и о его наследии. Тем интереснее обнаруживать новые ценные документы, касающиеся его жизнедеятельности. В частности, таковыми следует признать рецензии зарубежных коллег Н.И. Ашмарина.

Методы

Настоящая работа написана в рамках масштабного проекта Чувашского государственного института гуманитарных наук, посвященного 150-летнему юбилею Н.И. Ашмарина [3]. Материалом изучения стали публикации в зарубежной прессе и рукописи рецензий, хранящиеся в научном архиве гуманитарного института [8–11]. Рецензии рассматриваются как важные источники, содержащие научный анализ лексикографической деятельности ученого с позиций его современников.

Цель работы – ввести в широкий научный обиход неизвестные в России рецензии о словаре Н.И. Ашмарина.

Результаты исследования

Словарь чувашского языка в 17 томах (чув. «Чăваш сăмахăссен кĕнеки», лат. «Thesaurus Linquae

Tschuvaschorum»), составленный членом-корреспондентом Академии наук СССР профессором Н.И. Ашмарином, был по праву признан выдающимся памятником мировой лексикографии.

Отечественные языковеды ориенталист В.В. Радлов, иранист К.Г. Залеман, востоковед С.Ф. Ольденбург, монголист и тюрколог Н.Н. Поппе, тюркологи С.Е. Малов и В.А. Гордлевский, востоковед Ф.Е. Корш, арабист И.Ю. Крачковский и многие другие ученые высоко оценили появление столь важного для тюркологии и алтайстики словаря.

1. Малоизвестными для российских исследователей и по этой причине особенно важными следует признать отзывы о тезаурусе Н.И. Ашмарина его иностранных коллег. Сразу после выхода первого выпуска в 1911 г. французский лингвист Р. Готье в бюллетене Гарийского лингвистического общества тепло приветствовал появление чувашского словаря [подробнее см.: 2, с. 18; 3]. В 1935 г. в Турции ученым-этнографом А. Инаном была подготовлена первая рецензия на словарь [1; 6].

Появление же целого цикла рецензий иностранных лингвистов на тезаурус Н.И. Ашмарина обусловлено любопытным событием. В 1968 г. «Словарь чувашского языка» был переиздан фотоспособом в Индианском университете в Блумингтоне США [4]. Это один из крупнейших исследовательских центров Америки. Первые четыре выпуска словаря были напечатаны в 1968–1969 гг. Был ли выпущен за рубежом словарь в полном объеме сказать сложно, так как на сегодняшний день нам не удалось найти это издание в свободном доступе и в фондах отечественных библиотек, в том числе и в Российской государственной библиотеке. Между тем в отзывах и статьях исследователей встречаются ссылки лишь к первому-четвертому выпускам тезауруса. Однако вышедший за рубежом словарь чувашского языка Н.И. Ашмарина указан в электронном каталоге библиотеки конгресса США и в каталоге библиотеки Индианского университета. Однако и там нет полного описания, включающего все тома словаря.

Предваряет это фотолитографическое предисловие выдающегося немецкого лингвиста Г. Дёрфера, оказавшего огромное влияние на развитие мировой тюркологии и алтайстики XX в. Ученый высоко оценивает труд Н.И. Ашмарина и по значимости ставит его в один ряд с «Опытом словаря тюркских наречий» В.В. Радлова, «Словарем якутского языка» Э.К. Пекарского, «Собранием тюркских языков» Мухаммеда аль-Кашгари. Г. Дёрфер подчеркивает важность исследования чувашского языка, который очень сильно отличается от других тюркских языков и признает исключительную ценность тезауруса.

Итак, после переиздания словарь чувашского языка стал доступен широкому кругу авторитетнейших зарубежных лингвистов. Об этом говорит тот факт, что в 1969 – начале 1970 гг. рецензии и отзывы на словарь были опубликованы в ведущих иностранных научных журналах. При этом рецензенты чаще всего обращают внимание на содержательную сторону труда и признают важную роль словаря для мировой языковедческой

науки. Так, в третьем номере «Центрально-Азиатского журнала» за 1972 г. был напечатан отзыв известного тюрколога Й. Бенцинга. В нем ученый обратил внимание на этнографическую составляющую словаря и подчеркнул большое значение труда для «исследования устного народного творчества этого интересного тюркского народа» [8].

В том же номере журнала была опубликована рецензия немецкого ученого Б. Шернера, который отметил, что «своим богатым языковым и фольклорным материалом словарь Н.И. Ашмарина является более чем обычным словарем: он является памятником культуры чувашского народа» [9].

Автор многочисленных языковедческих исследований профессор университета Пенсильвании М.Дж. Дрезден подготовил заметку на фотокопии первых томов словаря [5]. Эта рецензия была напечатана на страницах 829–830 журнала Американского восточного общества за 1969 г. В ней автор отмечает, что чувашский язык, используемый более чем миллионом носителей в Чувашской АССР и на территории между Волгой и Уралом, занимает особое положение среди тюркских языков, так как его точное место и взаимосвязь с другими языками несколько спорны. Он также подчеркивает, что работа Н.И. Ашмарина, является не только лингвистическим, но и этнологическим произведением.

Другая рецензия была подготовлена немецким (позднее – американским) лингвистом, признанным специалистом по славянской и алтайской филологии профессором Колумбийского университета К.Г. Менгесом [7]. В ней ученый отмечает, что словарь Н.И. Ашмарина – это большая редкость, который является крупнейшим и наиболее содержательным словарем одного тюркского языка. Переиздание тезауруса теперь поможет разрешить эту проблему окончательно и, как ожидается, на длительный период, поскольку маловероятно, что даже в более отдаленном будущем другая работа сможет заменить тезаурус.

Исследователь из Франкфурта-на-Майне У. Брэндс в своем отзыве отмечает, что тезаурус Н.И. Ашмарина в профессиональных кругах до сих пор считается почти легендой, так как долгое время зарубежные лингвисты были в неведении, сколько именно томов увидело свет. Лингвист, соглашаясь с мнением Г. Дёрфера, отмечает: словарь – это неисчерпаемая сокровищница народно-исторического и культурно-исторического материала. У. Брэндс упоминает и о методологических слабостях расположения статей, что характерно и для большого словаря В.В. Радлова, и это снижает чисто лексическую ценность пользования словарем. Ранее об этом говорил и Й. Бенцинг. Рецензент подчеркивает, что тезаурус» Ашмарина по-прежнему остается таким же непревзойденным и незаменимым, как и словарь В.В. Радлова.

Выводы

Словарь чувашского языка стал событием в масштабах мировой языковедческой науки и был по достоинству оценен ведущими зарубежными лингвистами.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Такие характеристики, как «этнографическая составляющая, фольклорный материал, этнологическое произведение, народно-исторический и культурно-исторический материал», данные словарю Н.И. Ашмарина авторитетными зарубежными учеными, говорят о том,

что эта работа является всеохватывающим отражением этнической культуры чувашского народа.

Для развития ашмариноведения представляется важным сбор и издание всего многообразия документов, имеющих отношение к его научной деятельности.

Список литературы

1. Дегтярев Г.А. Турский дискурс в парадигме зарубежного чувашиеведения // Чувашский гуманитарный вестник. – 2013. – №8. – С. 62–92.
2. Егоров В.Г. Н.И. Ашмарин как исследователь чувашского языка. К 100-летию со дня рождения. – Чебоксары, 1970. – 32 с.
3. Лебедев Э.Е. Н.И. Ашмарин – корифей чувашской филологии / Э.Е. Лебедев, В.Г. Родионов, И.П. Семенова [и др.]. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2020. – 270 с.
4. Фомин Э.В. Наше всё // Сүлтәләк кәнеки = Календарь года: 2010. – Чебоксары, 2009. – С. 218–222.
5. Dresden M.J. Thesaurus Linguae Tschuvaschorum. Volume I and II // Journal of the American Oriental Society. – 1969. – Vol. 89, No. 4. – P. 829–830.
6. İnan A. N.İ. Aşmarin, Çuvaş dili lugati = Н.И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. – Kazan, Çubuksar, 1928–1930 // Türkiyat mescmuası. – 1935. – S. 300–301.
7. Menges K.H. Nikolaj Ivanovich Ashmarin, Thesaurus Linguae Tschuvaschorum // Oriens. – 1974. – Vol. 23/24. – P. 580–581.
8. НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 414. Инв. 962. Л. 1–2.
9. НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 414. Инв. 962. Л. 7.
10. НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 414. Л. 2.
11. НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 414. Л. 6.

References

1. Degtiarev, G. A. (2013). Turetskii diskurs v paradigme zarubezhnogo chuvashovedeniia. Chuvashskii gumanitarnyi vestnik, 8, 62-92.
2. Egorov, V. G. (1970). N.I. Ashmarin kak issledovatel' chuvashskogo iazyka. K 100-letiu so dnia rozhdeniia., 32. Cheboksary.
3. Lebedev, E. E., Ashmarin, N. I., Rodionov, V. G., & Semenova, I. P. (2020). - korifei chuvashskoi filologii., 270. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
4. Fomin, E. V. (2009). Nashe vsio. S'ultalak kieneki = Kalendar' goda: 2010, 218-222. Cheboksary.
5. Dresden, M. J. (1969). Thesaurus Linguae Tschuvaschorum. Volume I and II. Journal of the American Oriental Society, Vol. 89, No. 4, 829.
6. Inan, A., & Asmarin, N. I. (1935). Cuvas dili lugati = N.I. Ashmarin. Slovar' chuvashskogo iazyka. Turkiyat mescmuasi, S. 300. Cubuksar-.
7. Menges, K. H. (1974). Nikolaj Ivanovich Ashmarin, Thesaurus Linguae Tschuvaschorum. Oriens, Vol. 23/24, 580.
8. NA ChGIGN. Otd. IV. Ed. khr. 414. Inv. 962. L. 1-2.
9. NA ChGIGN. Otd. IV. Ed. khr. 414. Inv. 962. L. 7.
10. NA ChGIGN. Otd. IV. Ed. khr. 414. L. 2.
11. NA ChGIGN. Otd. IV. Ed. khr. 414. L. 6.

Информация об авторе

Семёнова Ирина Петровна – канд. филол. наук, младший научный сотрудник филологического направления БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация.

Information about the author

Irina P. Semenova – candidate of philological sciences, junior research fellow of philology at BSI “Chuvash State Institute of Humanities” of Ministry of Education & Youth of Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 11.03.2021

Принята к публикации / Accepted 21.09.2021

Опубликована / Published 29.09.2021